Давид Ллойд Джордж

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

СОЦЭКГИЗ-1937

Давид Ллойд-Джордж

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Том

VI

Перевод с английского

С предисловием
Ф. А. РОТШТЕЙНА

*Государственное
социально-экономическое издательство
Москва — 1937*

David Lloyd George

WAR MEMOIRS

VI

With a preface
by Th. ROTHSTEIN

The State Social and Economic Press
Moscow — 1937

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом Ллойд Джордж кончает свои «Военные мемуары». Это — очень большое достижение, и в своем предисловии Ллойд Джордж по праву выражает свою гордость. Как говорил давно уже Гёте:

Brave freuen sich der Tat.
(Бравый достиженьем горд.)

А Ллойд Джордж прежде всего человек бравый. Он не только написал шесть томов воспоминаний о войне, не только намекает на возможность написания им еще и дополнительных воспоминаний о мире, но он также не постеснялся сказать правду о ряде национальных героев и их деяниях и стойко вынес ряд бурь, разразившихся над его головой из-за этой правды. Проснулся ли в нем старый радикал и демократ? Или его обличения служили лишь целям собственной апологии? Не будем разбираться в этом вопросе; отдадим ему должное за то, что он сделал.

В одном только он оказался недостаточно «бравым»: у него не хватало мужества признать свою неправоту — или, быть может, надо употребить более суровое слово? — в отношении нашей страны. В одном месте он опять называет нашу революцию «величайшей в истории человечества». Это — хорошо, и мы не были бы в претензии, если бы он признал, что вначале он не понял ее грандиозности. Не всякому дано распознавать без ошибки природу и величие исторических событий. Гёте при Вальми понял, что здесь начинается новая страница всемирной истории. Ллойд Джордж ни в октябре 1917 г., ни позже этого не понял. Гёте был не только гений, но и передовой буржуа, и он понял великую буржуазную революцию; Ллойд Джордж гением не был, а был буржуазный либерал, и он социалистической революции не понял. Du gleichst dem Geist, den du begreifst, nicht mir... (Ты с духом схож, тебе понятным, но не со мной...) Мы не станем подражать духу в «Фаусте», который бросив это презрительное замечание, повернулся к Фаусту спиной и исчез. Мы менее строги и не в обиде на Ллойд Джорджа за то, что он нашей революции ни при ее рождении, ни долго спустя не оце-

*

нил. Но мы должным образом оценили тот факт, что он пошел на нас вооруженным походом и возглавлял против нас контрреволюцию, а теперь мы укоряем его за то, что он не принес публичного покаяния, а продолжает доказывать, что он был прав. Мы не допускаем мысли, что он не успел за эти годы и, в частности, за время писания своих мемуаров, когда он, по его словам, самым тщательным образом изучал документы, изучить также и этот позорный этап его премьерства. Мы скорее склонны думать, что, жестоко критикуя других, он не возымел достаточно мужества обратить оружие критики против себя самого. В *этом* вопросе вторая строфа гётевского Geselligkeitslied'a явно к нему не относится. До какой степени это верно, видно из следующего. В одном месте, чтобы доказать, какую важную, чисто военную роль в смысле нанесения удара немцам сыграла союзническая интервенция и, в частности, инсценированное союзниками чехословацкое восстание, и тем оправдать эту интервенцию, якобы, других целей не преследовавшую, он цитирует показание Людендорфа, что «Антанта, заняв чехословацкими гарнизонами железную дорогу, не дала нам (немцам) возможности вернуть наших военнопленных из Сибири». В оригинале Людендорф затем прибавляет: «Это была для нас бесспорно потеря» («Meine Kriegserinnerungen», Берлин, 1920, стр. 527). Ллойд Джордж, чтобы оправдать свой тезис, решается на маленький подлог: он вставляет слово «серьезная» перед словом «потеря»! Таким образом благополучно доказывается, что интервенция союзников сыграла *существенную* роль в германских затруднениях, — и это в 1936 г.! Предоставляем читателю самому квалифицировать этот трюк. Недаром Ллойд Джордж вырос английским адвокатом!

А по существу каковы его объяснения? Немцы, дескать, могли захватить Россию и овладеть всеми ее огромными ресурсами и, в частности, могли добраться до Сибири и захватить этот богатейший край. Если уже и тогда, в 1917 г., это была заведомо лживая аргументация, которую разоблачали собственные ллойдджорджевы газеты, с «Manchester Guardian» во главе (он знает, как он был с этой газетой связан), то как мог он повторить ее сейчас, когда рядом он описывает полный развал германских сил, полное истощение, ничем не поправимое, ее людских и материальных ресурсов, и одновременно признает, что «большевистская» власть и русский и украинский народы оказывали немецким вожделениям всяческое сопротивление? Неужели он и по сей день думает, что, посылая вооруженные силы для захвата Мурманска и Архангельска или организуя против молодой советской власти чехословацкое восстание, он помогал этому сопротивлению? Он мошенничал тогда, а теперь, к сожалению, он продолжает лицемерить. Как раз в апреле-мае 1918 г. германский натиск на западе не только пришел к концу, но и сам Людендорф и сам Фош, как показывает наш автор, пришли к заключению, что германцы проиграли войну, и теперь им предстояло напрягать последние силы, чтобы устоять на месте. И в это время — Ллойд Джордж нас хочет уверить — союзники имели основание думать, якобы, немцы смогут еще отмаршировать

тысячи километров через всю враждебную им страну, перейти Урал, захватить Сибирскую дорогу, освободить своих военнопленных и стать хозяевами всей необъятной России! Через некоторое время начальник английского имперского генерального штаба Вильсон высказал в докладе кабинету некоторые соображения относительно тех сил и средств, которыми еще будто бы располагали немцы и благодаря которым они могли, по его мнению, еще вести наступления, отражать атаки союзников и затянуть войну чуть ли не до 1920 г. Как зло и вместе с тем как основательно Ллойд Джордж высмеивает на своих страницах это невежество и эту фантастику! Но он не находит ни единого слова, чтобы опровергнуть одинаково фантастическую картину наступательного движения немцев, еле державшихся на ногах не только на западе, но и на Украине, далее на восток для захвата Сибири, — картину, которой интервенты, т. е. он сам и его кабинет вместе с французами, старались, как говорится, втереть очки своим народам для оправдания неслыханного акта вооруженного вмешательства против «величайшей в истории революции». Он развертывает вновь этот грубый лубок перед нынешними своими читателями, чтобы еще раз доказать обоснованность этих страхов. Он вновь повторяет легенду, которая была опровергнута самими же английскими офицерами, посланными для выяснения истины, о вооруженных австро-германских военнопленных в Сибири. Он извращает всю историю высадки десантов в Мурманске и Архангельске, расстрела членов местного совета в Кеми и захвата власти в Архангельске с учреждением кукольного правительства эсера Чайковского, основываясь на заведомо лживых донесениях адмирала Кемпа, которые были тогда же публично опровергнуты на столбцах «Таймса» добропорядочным английским консулом в Архангельске Джорджем Янгом. Он опять прибегает к шаблонному, насквозь лицемерному аргументу, — несомненно порадовавшему сердце германских и итальянских интервентов в Испании, — что-де большевистская власть распространялась не на всю, а лишь на часть прежней Российской империи, в то время как другие части ее не признавали. Он забывает только добавить, что пресловутая украинская Рада, оставшаяся на территории, не большей, чем ладонь, была восстановлена во власти немецкими штыками, и что затем она была сброшена самими немцами, поставившими у власти «своего» гетмана Скоропадского. Он забывает добавить, что подобную же опору и защиту — только в турецком варианте — нашли себе «не признавшие» советской власти контрреволюционеры из азербайджанских муссаватистов и что, во всяком случае, эти антисоветские элементы, во имя которых Ллойд Джордж и теперь еще оправдывает интервенцию, изображая их антигермански настроенными, были на деле клиентами германской коалиции, к которым присоединился даже прежний трубадур Антанты — Милюков. Нет, решительно вторая строфа гётевского куплета к нашему автору в данном случае не применима; не хотелось бы быть грубым, но, пожалуй, первая строфа его подошла бы к нему лучше, потому что если бы он не был излишне «скромен», то он

должен был бы сейчас признать, что основным мотивом интервенции был, по существу, купон, который не хотел мириться ни с декретом об отмене царских долгов, ни с социалистической революцией вообще, и должен был бы прямо сказать, что это было подло и не должно больше повторяться ни в какой части земного шара. Стоит ли опровергать его другие многочисленные извращения, восполнять многочисленные его умолчания, исправлять его многочисленные неточности (например, его фантастическую хронологическую таблицу провозглашений «независимости» Украины, Кавказа, Бессарабии контрреволюционными организациями и иностранными интервентами)? Нас завело бы это слишком далеко: читатель в любой истории нашей революции найдет достаточно данных, чтобы опровергнуть и высмеять нашего легкомысленного автора, жонглирующего никогда не происходившими фактами, но зато с фальстафовской «осторожностью» избегающего ознакомить читателя, как он это делает по другим поводам, с теми обсуждениями «русского» вопроса, которые происходили в его кабинете министров или на совместных заседаниях с французами в Версале. Оно и понятно: не только мы сами, которые в этом никогда не сомневались, но и та публика, которую он и его коллеги дурачили патриотическими баснями, узнала бы, что, как говорил тогда еще Ленин, «попытки выйти из этой империалистской бойни, сломить господство буржуазии... навлекли на Россию поход всех цивилизованных государств» *. К счастью для Ллойд Джорджа, он останавливается в своих мемуарах на моменте заключения перемирия, т. е. прекращения войны с немцами: иначе ему пришлось бы раскрыть свои спрятанные карты и объяснить, почему интервенция не только продолжалась, но приняла еще бо́льшие и более лютые размеры после того, как германская «опасность» сполна миновала. Как человек тертый — «всемирно опытный, всемирно-искусный» слуга капитала, — как однажды назвал Ленин ** Ллойд Джорджа, — гораздо более умный, чем его тупоголовые коллеги из разряда керзонов или авантюристы из разряда черчилей, он счел тогда нужным, в предвидении, что интервенционистская карта, может, чего доброго, быть бита, принять некоторые меры предосторожности в виде создания некоторого общественного мнения в пользу прекращения этого безобразия и не только позволял некоторым газетам агитировать в этом смысле, но и смотрел сквозь пальцы на возникший тогда и развернувший довольно широкую работу комитет «Руки прочь от России». Но это была лишь страховка на всякий случай — маленькая лазейка на случай, если придется отступать и нужно будет это отступление мотивировать ссылкой на демократию. На практике он предоставлял указанным своим коллегам, находившим энергичную поддержку у Клемансо, полную свободу действий, которую те и использовали в широчайшем размере.

---

* *Ленин,* Соч., 3-е изд., т. XXIV, стр. 280.
** Там же, стр. 26.

Сказать по правде, этот заключительный том ллойдджорджевских мемуаров вообще стоит по своему содержанию ниже других. Как мы уже упоминали, он приводит в нем доклад Вильсона, начальника имперского генерального штаба, который действительно обнаруживает в его авторе полнейшее незнакомство с положением германской армии и Германией вообще в момент, когда они стояли уже накануне страшного краха. Оглашение этого пессимистического документа, который практического значения не имел, не делает чести великодушию нашего автора, который явно добивался этим лишь дискредитации еще одного военного «гения», с тем чтобы возвеличить свой собственный престиж. Занятен и аналогичный документ, составленный в том же пораженческом духе ген. Смутсом, тоже накануне капитуляции немцев, и показывающий, под каким гипнозом находились тогда еще союзники или, по крайней мере, англичане, привыкшие к тому, чтобы их били. Так, в классическом эксперименте знаменитого Мёбиуса щука, долго ударявшаяся рылом о стеклянные стенки бассейна с водой, в который она была посажена, еще долго после того, как стенки были удалены, продолжала тихо двигаться, тщательно избегая плыть слишком далеко. Трудно сказать, не действует ли этот гипноз еще и по сей день на психологию английских государственных мужей, тщательно избегающих мест, где некогда стояли германские перегородки, и ревностно ищущих сделки с германским фашизмом? К сожалению, Ллойд Джордж на этот раз мало угощает нас документами; он предпочитает цитировать давно уже известные места из Людендорфа и показания свидетелей перед комиссией рейхстага, показывающие разложение германского фронта и тыла и оправдывающие задним числом его всегдашнюю уверенность в победе. Некоторые моменты его повествования не лишены, однако, интереса. Конечно, он опять возвращается к своему любимому коньку и воздыхает о том, какой промах был сделан франко-английскими генералами, сосредоточившимися на западном фронте и упустившими золотые возможности на восточных участках войны. Он обвиняет опять дипломатию за то, что она не сумела во-время привлечь на свою сторону Болгарию и Грецию, и повторяет, что при избежании этих ошибок война могла бы быть закончена чуть ли не в 1915 г.! Он забывает, что в первые годы войны немцы еще были настолько сильны, что могли бы оказать сопротивление союзникам и на Балканах, а может быть, и прорвать их фронт на западе, если бы они ослабили его в попытках укрепления восточных фронтов. Он забывает, что англо-французская дипломатия достаточно старалась привлечь на сторону союзников вышеназванные балканские государства, но не смогла преодолеть трудностей, возникших из-за нежелания Сербии сделать какие-либо территориальные уступки Болгарии и из-за прохладного отношения России к мысли об удовлетворении великодержавных идей Греции, метившей на Константинополь. Сама Италия, которая, по его мнению, могла бы, если бы приняла помощь союзников, опрокинуть австрийскую армию, не решалась даже после австрийской неудачи при Пиаве перейти в наступление. Она это

сделала и даже с большим успехом лишь тогда, когда австрийский фронт сам стал разваливаться, и этим оправдала свою «осторожную» тактику. Впрочем, и союзники обязаны были своими успехами на балканском фронте в значительной степени тому же обстоятельству. Фронты болгарский и турецкий стали, как и австрийский, сами разваливаться после того, как болгарские, турецкие и австрийские народы в тылу и солдаты в окопах окончательно потеряли, после весенних неудач Людендорфа на западе, веру в победу. В связи с этим нельзя оставить без возражения впервые у Ллойд Джорджа выдвигаемый тезис о том, что в конце концов исход войны был решен и решается вообще не справедливостью того дела, за которое борется та или другая сторона, а исключительно материальными средствами, какие имеются в их распоряжении. В устах такого воинствующего шовиниста, каким был Ллойд Джордж, этот аргумент звучит неожиданно-цинично. В отношении империалистической войны он был вполне прав: справедливость блистательно отсутствовала как на одной, так и на другой стороне, и, несмотря на возвышенную пропаганду правительств, народы в конце концов пришли к этому сознанию, и тогда вопрос — кто кого? — решил фактор материальный: у кого оказалось больше денег, у кого военного снаряжения и пушечного мяса было больше, у кого солдаты в окопах питались и одевались лучше, тот и выиграл. Но все же тезис Ллойд Джорджа в корне неверен: как ни важны, как ни существенно необходимы материальные средства, особенно в эпоху такого высокого развития техники, как сейчас, но моральный фактор играет не меньшую роль в исходе войны, как доказала наша гражданская война. Можно его тезис обернуть наизнанку и сказать: не только при равенстве, но даже при отсталости, до известных пределов, материальных средств войны исход последней будет решен моральным превосходством народных масс, сознающих правоту своего дела. Так было в истории всегда, так будет и в будущем. Если, например, наш народ подвергнется нападению со стороны империалистов и фашистов, то, вооруженный не только блестящей техникой, но и высоким чувством социалистического патриотизма, он покажет ллойд джорджам, какую цену имеет моральный фактор.

Немного курьезно, что, выдвигая такой неслыханный тезис, наш автор все же старается, в противоречии с ним, доказывать наличие морального превосходства у союзников и, в частности, у англичан. В прошлых томах он находил его у итальянцев по сравнению с австрийцами, у англо-французов по сравнению с болгарами и у одних агличан по сравнению с турками. В настоящем томе он много говорит об энтузиазме английских доминионов и даже колоний, как Индия, поспешивших на помощь старой Англии и усеявших костями своих сынов бесчисленные поля сражений на западном фронте, в Египте, в Палестине, в Галлиполи и других местах. Почти в тех же тонах он говорит об американской помощи. Спора нет, эта помощь была большая. Из одной Индии Англия получила полтора миллиона солдат; на одном полуострове Галлиполи легли костьми в бесплодных атаках против турецких укреплений свыше ста тысяч

австралийцев и новозеландцев. А что касается Америки, то именно ее миллионная армия дала окончательный перевес силам союзников в последнем туре войны. Нет спора также, что первые контингенты из доминионов и из Америки были «воодушевлены» наполовину патриотизмом, наполовину духом авантюризма. На этот счет уже постаралась пропаганда в прессе, с церковных амвонов, в театрах и мюзикхоллах, как того требовал местный капитал, тесно связанный с английским денежным и промышленным рынком и опасавшийся потери богатого клиента, нужного кредитора или важного должника в случае поражения Англии. Этот искусственно вызванный патриотизм мало чем отличался от того, с каким первые контингенты молодых англичан шли умирать, будто бы, за «маленькую» Бельгию, а на деле для отпора противника, желавшего получить свою долю при переделе мира. Но что было потом, на второй и следующих стадиях мобилизации сил? Как в самой Англии, так и в доминионах и в Америке патриотически-авантюрное воодушевление стало иссякать, и после ряда попыток подпереть его экономическими и общественными мерами воздействия в виде нажима работодателей или социального остракизма правительствам их пришлось прибегнуть к принудительному набору и всеобщей воинской повинности. Под английские знамена уже не стекались, а волоклись сотни тысяч не только молодых, но и пожилых людей — главным образом, конечно, из рабочего класса и отчасти мелкой буржуазии; их «вычесывали», по образному выражению англичан, из всех предприятий и из всех семейств, а пытавшихся укрыться выслеживали специальным штатом шпионов и наказывали по законам военного времени. О каком-либо «воодушевлении» колониалов здесь не было уже речи. Еще меньше могло быть речи, конечно, в отношении индийских войск, которые принудительно набирались в так называемых «независимых» княжествах, где неограниченно царили продажные раджи и махараджи, распоряжавшиеся жизнью и смертью своих подданных наподобие знаменитых поставщиков за хорошие английские деньги пушечного мяса из германских князьков XVIII в. вроде гессенского герцога и др. Вряд ли стоит упоминать, что специально южноафриканский контингент больше занимался покорением германских колоний в Африке, для того чтобы округлить свои собственные владения, чем прямым участием в войне, а наиболее националистически настроенные элементы в Южной Африке подняли знамя восстания против англичан под предводительством старого бурского героя Де Вета.

В конце концов, несмотря на эти радужные размышления о всеимперском патриотизме и о победоносном окончании войны, Ллойд Джордж приходит к неутешительному выводу, что война все-таки дело невыгодное, что она слишком дорогостоящее средство разрешения спорных вопросов между державами и что, пожалуй, лучше всего было бы навсегда отказаться от нее. Получается нечто похожее на пацифистские теории Нормана Энджелла, если не прямо-таки Джорджа Лансбери. Несомненно, кое-что из этого «пессимизма» нужно отнести за счет пребывания нашего автора в «безответствен-

ном» положении рядового члена парламента, который даже рассчитывать не может когда-либо опять попасть на правительственные скамьи. В таком положении английские либералы традиционно развивают в себе и вовне пацифизм и всеобщее благоволение в человецех. Так это всегда было у Гладстона, так оно осталось даже у последыша либерализма — Ллойд Джорджа. Но многое несомненно нужно отнести за счет того разочарования и тяжелого отрезвления после похмелья — немецкого Katzenjammer'a, которое он, да и множество других англичан должны испытывать при виде глубоких зудящих и незалечимых рубцов, которые оставила после себя война на теле Англии, — ее сильно пошатнувшееся экономическое положение в мире, загнивание текстильной и угольной промышленности, составлявших главную основу ее довоенного благополучия, сокращение ее мировой торговли, рост ее огромной безработицы, гигантская финансовая задолженность, необычайный рост налогов, полная неуверенность в завтрашней конъюнктуре, сильная конкуренция Соединенных штатов в Южной Америке и Японии не только на Дальнем Востоке, но и в Индии и на Ближнем Востоке. В придачу ко всему этому — возрождение германской военной мощи, уничтожение которой было одной из целей войны и главной целью Версальского мира, угроза Италии в Средиземном море и, после покорения Абиссинии, на путях в Индию и дальше, грозная опасность со стороны Японии на Дальнем Востоке — все это, клонящееся к полному аннулированию основных выгод, приобретенных войной и победой, и вновь ставящее перед Англией перспективу возобновления борьбы за сохранение своего мирового положения. При виде этих неожиданных результатов войны, которая должна была избавить Англию от несносной и опасной империалистической соперницы и положить конец германскому и всякому иному «милитаризму» и даже войне вообще, Ллойд Джордж, который так много сделал и для успешного окончания войны и для создания иллюзий насчет ее благих последствий, должен испытывать припадок пацифистского пессимизма и заявить, что война — вообще негодное и невыгодное предприятие.

Если бы мы могли верить, что это настроение — искреннее и длительное, то мы заключили бы, что Ллойд Джордж вернулся к исходным положениям своей политической карьеры и признал банкротство всей последующей своей деятельности. Но при всем великодушии нашем, мы ему не верим. Он, превратившийся на своем долгом политическом пути из мелкобуржуазного радикала, из Little-England'ера, в верного слугу крупного капитала, в империалиста, отлично знает, что война очень хорошая вещь. . . для капиталистов, что при помощи бесчисленных войн на протяжении долгих веков капиталистическая Англия создала себе громадную империю, доставившую ей несметные богатства за счет пота и крови миллионов, и что от войны Англия — как и другие капиталистические державы — так же неспособна отказаться, как человек не может отказаться от воздуха, которым он дышит. И тут — мы должны признаться — у нас закрадывается одно подозрение, которое, в случае, если оно

правильно, даст нам еще один ключ к пониманию такого внезапного пароксизма миролюбия. Что, если все это миролюбие рассчитано на соглашение с агрессивной Германией? Некоторое время тому назад, как мы все помним, Ллойд Джордж ездил в Берлин к Гитлеру и затем высказывал довольно сочувственные мнения о германском фашистском режиме. Правда, с тех пор, насколько нам известно, он в защиту его не выступал и еще недавно, после уничтожения Герники германскими воздушными бандитами, он пожертвовал довольно значительную сумму в фонд продовольственной помощи баскам. Но он и против Гитлера ни в связи с испанским вопросом, ни в связи с вопросом об английских вооружениях не выступал, а помощь баскам он мотивировал теми огромными заслугами, которые баски имеют перед англичанами и союзниками вообще со времени войны, когда они вылавливали германские мины и доставляли продовольствие для западного фронта. Не так давно, как мы прочли в английской прессе (см. «Таймс» от 5 июня), он выступал перед микрофоном в Лондоне в связи с имперской конференцией и говорил о «нарушителях мира и агрессорах, которые рассчитывают не на бессилие Британской империи, а на ее апатию, на ее недостаток решительности, последовательности и на твердое намерение делать добро». Можно было бы подумать, что и Ллойд Джордж, наконец, понял сущность германского фашизма и призовет Британскую империю к оказанию ему действенного сопротивления. Ничуть не бывало. Он открыл «признаки того, что наиболее агрессивные нации начинают пугаться напряжения, которое они помогли вызвать. Они начинают понимать финансовые, экономические и военные опасности, и как от Германии, так и Италии поступили авансы для пересмотра проблемы разоружения. В Японии также происходит борьба против беспокойного милитаризма последних пяти лет». Поэтому он призывает империю стать во главе движения для использования этих авансов и симптомов и заключает: нужно руководство со стороны Англии. Никаких дальнейших конкретизаций он не делает, но совершенно ясно, что он мыслит себе желанное руководство Англии по использованию благоприятных обстоятельств с целью договориться с агрессивными державами мирным, дружеским путем. Если так, то смысл его нынешнего пацифизма ясен: война против агрессоров ничего путного не даст — это слишком дорогое удовольствие, и лучше было бы с германским агрессивным фашизмом полюбовно сговориться. Для одного из авторов мировой империалистической войны — вспомним его историческую речь в лордмэровском Mansion House'е 21 июля 1911 г.; оного из главных и наиболее энергичных ее руководителей — вспомним его не менее историческую беседу с американским журналистом о knock-out blow в сентябре 1916 г.; и, как мы это видели на всем протяжении его шести томов, одного из наиболее убежденных апологетов ее, как войны оборонительной против германской агрессии — для такого человека вывод о необходимости и целесообразности договориться с той же империалистической Германией, возобновившей и в несколько раз усилившей агрессию, представляет вопиющую непосле-

довательность. Тайное влечение его к фашизму еще в 1910 г., которое мы имели уже случай у него отметить в предисловии к первым двум томам этих «Военных мемуаров», и верность капиталистическим богам, которую он обнаруживает и сейчас в своем отношении к нашей «величайшей в истории революции», вероятно, объяснит эту непоследовательность.

Мы не будем дальше вдаваться в критику настоящего тома и представляем его на собственный суд читателя, который найдет в нем и много интересного и много верного наряду со многим фальшивым и неверным. В общем, «Военные мемуары» составляют ценный вклад в историографию империалистической войны 1914—1918 гг. Написанные в целях главным образом прославления политических и военно-стратегических талантов их автора и разоблачения всех тех, которые недостаточно оценивали их и, якобы, поэтому бесконечно путали и затягивали войну, эти мемуары дают вместе с тем богатый и особенно для военных специалистов ценный материал о стратегических и тактических, организационных и административных, политических и общественных проблемах, связанных с войной, возникших из нее и выдвигавшихся ею на протяжении этого рокового четырехлетия. Но Ллойд Джордж, конечно, не все дал. Он об очень многом умолчал, особенно многое утаил в области политической, и картины Англии за время войны не дал. Он и о себе самом не все сказал. Он не рассказал нам, какую огромную сеть шпионажа он развернул в собственной стране и особенно среди рабочих на фабриках и заводах, каким репрессиям он подвергал всех, кто осмеливался усумниться в филантропических целях Антанты, как преследовались им те из русских, которые не разделяли восторгов Антанты при мысли о союзе ее с царизмом, а главное, он слишком мало сказал нам о том, как он закабалил рабочий класс. Поскольку мы на последнюю тему говорили уже в предыдущих предисловиях, мы сейчас этого касаться не будем, но нам хотелось бы, прощаясь с автором этих мемуаров, сказать о нем самом несколько заключительных слов. Молодое поколение знакомо с ним по наслышке и по воспоминаниям ранних лет нашей революции, а главным образом по глубокой характеристике, данной ему Лениным. Историческая значимость Ллойд Джорджа несомненно представляет интерес, и мы посвятим ей несколько слов.

Ллойд Джордж в своем облике и своей деятельности является чем-то вроде живого резюме истории развития той партии, которую он и поныне старается представлять. Есть в биологии так называемый закон повторения или биогенетический закон, в силу которого особь в своем эмбриональном развитии сокращенно проходит те стадии, через которые проходил соответствующий вид. История Ллойд Джорджа не есть история эмбриона, но и она представляет сокращенное повторение всего развития, через которое прошла его либеральная партия. По правде сказать, его эмбриональное политическое развитие вообще окутано мраком неизвестности. Родился он в Манчестере, колыбели либерализма и фритрэда, в 1863 г. в семье уэльсца, учителя в диссидентских школах, и сам учился в одной

из таких школ. 21 года, пройдя обычный период ученичества в конторе стряпчего, он сам стал таковым в одном из крупных городов Уэльса, Карнарвоне, где в 1890 г. был выбран в парламент. Повидимому, это было нужно ему главным образом для укрепления своего положения в качестве стряпчего; быть может, и его провинциальная незначительность мешала ему выдвигаться на политическом поприще. Во всяком случае, целые девять или десять лет он отсиживался в парламенте, и ни один смертный человек в Англии и за стенами парламента не подозревал о его существовании. Таких молчаливых и только голосующих членов английский парламент всегда насчитывал немало: они полезны и себе, так как приставка к их фамилии магических инициалов М. Р. (Member of Parliament — член парламента) доставляет ее носителю престиж и доход, и партии, так как они от нее ничего не требуют, а дают ей свои голоса, когда доходит до голосования, по тем или другим вопросам. Таков был, как мы говорим, эмбриональный период политического существования Ллойд Джорджа — невидимый, неощутимый период, который мог длиться до бесконечности без ущерба и без прибыли для человечества. Но вот, осенью 1899 г. разражается англо-бурская война, одна из самых бесстыдных империалистических войн нашего времени, и вся руководящая головка либеральной партии — Асквит, Грей и Холден — вместе с руководящей либеральной прессой переходит с развевающимися знаменами в империалистический лагерь. Либеральная партия и либеральное общественное мнение совершенно растерялись; растерялись отчасти и рабочие «вожди», испокон веков шедшие под либеральным знаменем. Правда, социалистические партии и организации выступили против войны, но уличные толпы хулиганов (кстати, слово хулиган — hooligan, по имени какого-то бандита XVIII в., впервые вошло тогда в английское, а затем международное употребление), науськиваемые или подкупаемые агентами империалистов, громили их митинги и избивали их ораторов, и «само» фабианское общество истинно-британского социализма объявило себя сторонником войны во имя высшей культуры Англии по сравнению с отсталым экономически-общественным строем буров-скотоводов. В эту минуту всеобщего разгула шовинизма и полной дезориентации и дезорганизации либералов раздался звучный и смелый голос никому неизвестного члена парламента, некоего Давида Ллойд Джорджа, выступившего против гнусной и крайне неудачно проходившей войны спекулянтов и авантюристов с резкими словами обличения и осуждения и затем предпринявшего агитационное турнэ по всей стране, напомнившее либералам знаменитое турнэ Гладстона по Шотландии в 1880 г. против империалистической политики Биконсфильда в защиту малых народностей. Конечно, и его митинги подвергались разгону и сам он спасался не раз лишь благодаря добровольной охране, но это еще больше придавало ему престиж и создавало его агитации еще больший резонанс. Либералы вздохнули свободно: у них появился новый вождь, новый Гладстон, молодой еще человек с огромной и пламенной энергией и исключительным даром красноречия, который

обеспечивал им политическую будущность, так как воссоздавал погубленную было предательством прежних вождей возможность парламентской оппозиции, а потому, эвентуально, и либеральной смены консервативному кабинету, когда он будет выходить в отставку. Либеральная партия проснулась, дезавуировала Асквита и его компанию, сплотилась вокруг Ллойд Джорджа и усилила свою активность против войны.

Ллойд Джордж, до тех пор неведомый и незначительный, стал через ночь национальной фигурой, если не национальным героем. Это был период его жизни, резюмировавший историю английского либерализма лучших годов его юности. Но вскоре обнаружилось и расхождение в судьбах человека и его партии. Исторический носитель либерализма Гладстон, проведший могучую кампанию против своих империалистических противников, естественно, занял первое место на правительственных скамьях, когда эти противники, по истечении их сроков, должны были выйти в отставку. Увы, этого не случилось с Ллойд Джорджем. Пусть он оказался в то время наиболее верным, наиболее деятельным и наиболее талантливым носителем и защитником либеральных заветов, но решали судьбы политической истории все-таки не те общественные элементы, которые сплотились под его знамена, а другие, которые делали войну. К этому времени в капиталистическом классе Англии произошло большое внутреннее расслоение: выделились слои, представлявшие крупную тяжелую промышленность, которые, связываясь с банковским капиталом все теснее и теснее, переходили на монополистические позиции, образуя новый, финансовый, империалистический, капитал; к ним, естественно, присоединились финансовые круги, связанные с колониальными рынками, круги колониально-военные и придворные, а также земельная аристократия; на старых же позициях оставалась текстильная промышленность, богатая и хорошо организованная, обеспеченная в своих рынках, не нуждавшаяся в финансовой помощи банков, а также судоходство и, конечно, мелкая буржуазия, для которой свободная торговля была одним из важнейших условий существования. Легко видеть, на чьей стороне был экономический, социальный и политический перевес; новые, империалистические слои капиталистического класса и сделали, как мы сказали, бурскую войну, и они же бросили на чашку весов свое влияние, чтобы не допустить молодого радикала к власти, а взамен обеспечить руководство либеральной партией за своими клевретами, теми же Асквитами, Греями и Холденами. Последнее им не совсем удалось: слишком скандальным вышло бы назначение этих людей во главе либеральной партии. Пришлось пойти на компромисс и возвести в лидеры партии мало известного и мало влиятельного Кемпбелла-Баннермана, военного министра в одном из прежних либеральных кабинетов, проявившего достаточную верность либеральным лозунгам, но, видимо, не отличавшегося большой волей и настойчивостью; а в его кабинет, когда консервативное правительство в конце 1905 г. потерпело жестокое поражение на выборах в результате всеобщего отрезвления после патриотического угара, были введены на руководящих постах министра

финансов — второе после премьера лицо в правительстве, министра иностранных дел и военного министра соответственно... та же империалистическая тройка — Асквит, Грей и Холден, в то время как Ллойд Джордж, воссоздавший партию и обеспечивший за ней огромную победу на выборах, получил скромный портфель министра торговли, не дававший ему даже права состоять членом внутреннего кабинета! Таким образом, под руками влиятельных клик либеральная победа на выборах превратилась, собственно говоря, в либеральное поражение — необыкновенный урок в буржуазной парламентской демократии и в судьбах английского либерализма.

Чувствовал ли Ллойд Джордж обиду — за себя ли или за партию, — мы не знаем, но все же для провинциального стряпчего, лишь за несколько лет до этого выплывшего на авансцену, очутиться членом правительства было некоторым достижением. Но, как известно, не столько место красит человека, сколько человек красит место, и талантливый Ллойд Джордж вскоре обрел возможность прославить свой скромный пост громкими деяниями, а через это и себя самого. Повод к этому ему дал острый конфликт, разыгравшийся в 1907 г. на железных дорогах Англии, — конфликт, едва не приведший к всеобщей забастовке железнодорожников и параличу английского капитализма. Положение спас Ллойд Джордж, который в качестве министра торговли, в функции которого тогда входило и наблюдение за «социальным миром», в последнюю минуту вмешался, предложив свои посреднические услуги по улажению конфликта. Это ему удалось блестящим образом, благодаря пособничеству продажных профсоюзных бюрократов, согласившихся не только на частичные и очень скудные уступки требованиям рабочих, но и на то, чтобы опутать их сетью примирительных и арбитражных камер, рассчитанных на устранение возможностей стачек вообще, Этому эпизоду, между прочим, посвятил внимание и Ленин в статье «Нейтральность профессиональных союзов» *. Но предательство вождей было лишь одной из сторон этого дела; другой, не менее важной, был талант Ллойд Джорджа по «уговариванию» и по обольщению неискушенного мещанства и малосознательной части пролетариата радикально-либерально-демагогическими речами. Он проявил тогда этот талант впервые, и Ленин по справедливости назвал его однажды «специалистом по части одурачивания масс» **. Либералы были в восторге от такой находки, весьма довольны были капиталисты вообще, и престиж ловкого уэльсца поднялся еще на несколько градусов. Но главное еще было впереди. В 1908 г. ушел в отставку Кемпбелл-Баннерман по нездоровью, и успевшая за несколько лет власти основательно разжижить свое либеральное вино правящая партия, к тому же наталкивавшаяся на каждом шагу на превосходные силы своих противников, избрала на пост лидера и премьера Асквита. Этим было формально документировано, что отныне между либералами и консерваторами, т. е. между традицион-

---

* *Ленин*, Соч., т. XII, стр. 146 — 148.

** Там же, т. XVI, стр. 107.

ными будто бы противниками империализма и поборниками его, никакой разницы нет. Труды Ллойд Джорджа во время бурской войны по реабилитации либерализма оказались тщетными. Тем не менее он не только остался в правительстве, но и принял пост министра финансов (канцлера казначейства), освобожденный Асквитом. Все было в порядке: радикально-либеральный Савл превратился в империалистического Павла. К несчастью, как раз в это время укреплялась третья партия в Англии, рабочая, и отказ либералов от либерализма грозил исходом, по крайней мере, мелкобуржуазных и уже, наверное, всех рабочих масс из либерального Египта в новую страну обетованную. Нужно было постараться удержать их от такого шага, а для этого нужно было изобрести какую-нибудь приманку и доказать, что в либеральной пороховнице еще имеется много пороха. Такой приманкой должны были служить «социальные» реформы. Их взялся проводить Ллойд Джордж к вящшему недовольству его коллеги, Джона Бёрнса бывшего революционера — социал-демократа, который, занимая в либерал-империалистическом кабинете пост министра местного самоуправления, считал «реформы» входящими в его компетенцию. Но Ллойд Джордж перехватил у него благодарную роль, и Бёрнс, до тех пор проявлявший большую активность, замолк и больше не раскрывал рта в парламенте вплоть до своего выхода из кабинета в июле 1914 г. в результате разногласий по поводу войны. Торжествующий Ллойд Джордж победоносно провел в 1908 г. восьмичасовой рабочий день для горняков и пенсии для престарелых, а в следующем году подготовил страхование от безработицы и на случай болезни и инвалидности. На вид это были очень почтенные реформы, хотя аналогичные им страхования были введены в Германии еще в 80-х годах Бисмарком. По существу, однако, это были весьма куцые бонапартистские меры, возлагавшие на самих рабочих значительную часть расходов в виде довольно больших еженедельных взносов и обставленные на практике стеснительными условиями. Но для рекламы в пользу либеральной партии они были достаточны. Непритязательные рабочие «вожди» и, в частности, рабочая фракция в парламенте с воодушевлением поддерживали их, и Ллойд Джордж стал таким героем среди них, что известный Кир Харди, лидер независимой рабочей партии, публично пригласил его стать во главе ее! Но «реформы» вызывали большое возмущение среди рыцарей капитала и оттолкнули от либеральной партии еще некое количество капиталистических элементов и слоев, содействуя укреплению лагеря консервативно-империалистических противников. В результате разразился конфликт, который нашел себе яркое выражение при прохождении бюджета 1909 г., внесенного тем же Ллойд Джорджем. Реформы, конечно, стоили денег; в данном случае еще прибавились в результате соперничества с Германией огромные расходы на военно-морские вооружения, которые еще нарочито вздувались интригами консервативной оппозиции, создавшей панику в связи с германской «опасностью», и которым само правительство без большого сопротивления шло навстречу. Чтобы раздобыть средства на эти

двойные расходы и доказать, что либерализм умеет одновременно удовлетворять «национальные» и «социальные» нужды, Ллойд Джордж в своем бюджете предусмотрел сильное увеличение подоходного и наследственного налогов (не упустив, конечно, случая повысить и налоги косвенные на потребление народных масс), и в дополнение ввел миниатюрный, для начала, налог на землю, чем привел в исступление всю земельную аристократию. В ходе борьбы палата лордов, этот оплот помещиков и плутократов, осмелилась на необычный шаг: она нарушила неписанную конституцию, провалив бюджет, когда он поступил к ней на утверждение. Неожиданно частный конфликт по вопросу о реформах и финансировании их перерос в конституционный, и Ллойд Джордж получил возможность выступить в новых ролях защитника демократических прав народа и парламента и противника «безответственной» и реакционной верхней палаты. Он, конечно, остерегся потребовать упразднения этого антидемократического, антинародного учреждения, но он развернул яростную кампанию против аристократических помещиков и против частного землевладения вообще и грозил свирепыми репрессиями лордам, осмелившимся перечить воле народных представителей. Дело, однако, окончилось благополучно: после долгого сопротивления, палата лордов утвердила бюджет, ее бюджетные и другие права были урезаны в законодательном порядке, и налог на землю остался. Ллойд Джордж опять вышел победителем, овеянный ореолом защитника народных прав и автора ряда важных социальных реформ.

Слава его достигла апогея: из национального героя он превратился чуть ли не в героя мировой «демократии», потому что весь мир следил за этой социально-конституционной борьбой, и все либералы и радикалы, все демократы и «социалисты» оппортунистического и отчасти центристского лагерей Европы и Америки, не говоря уже о самой Англии, рукоплескали его отваге и успеху. На деле вся эта борьба была сущей комедией и демагогией, разыгранной нашим героем с мастерским искусством в целях обмана публики и особенно английского рабочего класса, левение которого, выразившееся в создании рабочей партии, внушало капиталистам и в частности либеральной партии большое беспокойство. Как впоследствии, много лет спустя, Ленин говорил: «Первоклассный буржуазный делец и политический пройдоха, популярный оратор, умеющий говорить какие-угодно, даже ррреволюционные речи перед рабочей аудиторией, способный проводить изрядные подачки послушным рабочим в виде социальных реформ (страхование и т. п.), Ллойд Джордж служит буржуазии великолепно и служит ей именно *среди* рабочих, проводит ее влияние *именно* в пролетариате, там, где всего нужнее и всего труднее морально подчинить себе массы» *. Ленин так и назвал эту систему «лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии», — «ллойдджор-

---

* *Ленин,* Соч., т. XIX, стр. 311.

джизмом» *. Конечно, проведенные Ллойд Джорджем реформы были полезны рабочему классу, но они были еще полезнее капиталистическому классу, поскольку они, действительно, вновь уловили в сетях либерализма значительные слои рабочего класса и самоё рабочую партию, превратившуюся тогда в придаток либеральной. А что касается похода против лордов за демократию и права парламента, то лорды, несмотря на все, продолжают благоденствовать и поныне, и их власть является одной из наиболее сильно укрепленных позиций реакции и империализма. В случае серьезного конфликта с рабочим классом лорды не преминут совместно с другими «безответственными», как в Англии их называют, институциями — короной и судом — оказать ему решительное сопротивление. Интересно, что самый налог на землю, послуживший поводом к драке, был через несколько лет отменен без большого труда и при всеобщем смехе былых участников этой драки. А в первом томе своих «Военных мемуаров» Ллойд Джордж поведал нам неизвестный до тех пор секрет, что уже в 1910 г., т. е. в самый разгар его «ррреволюционных» выступлений против помещиков и их защитников, консервативной партии и палаты лордов, во имя «прав народа и его парламента», он вел тайные переговоры с этими самыми врагами народа, консервативными вождями, на предмет фактического упразднения парламентаризма путем создания блока между обеими партиями и установления своего рода либерально-консервативной диктатуры против рабочего класса (см. предисловие к первым двум томам настоящих «Мемуаров», стр. 6—9). Если бы это осуществилось, то это было бы началом фашизма в Англии, и Ллойд Джордж перехватил бы лавры Муссолини, предварив его на целые двенадцать лет!

После этого все остальное в карьере этого социал-демагога становится ясным. Его воинственное выступление против Германии в знаменитой речи 21 июля 1911 г. (см. то же предисловие, стр. 12, где по случайной описке назван месяц август) было не внезапным актом ренегата, как думали тогда его радикальные и пацифистские сторонники, а выявлением подлинного нутра политического деятеля, который из мелкобуржуазного радикала и пацифиста превратился в восторженного слугу крупного капитала (как это показал, между прочим, и разыгравшийся вскоре громкий биржевой скандал вокруг акций радиотелеграфной компании Маркони, в котором оказался сильно замаранным и Ллойд Джордж вместе со своим закадычным другом, лордом Редингом); столь же натуральны были и его не только безоговорочное, но и восторженное «приятие» войны, заставившей выйти из кабинета трех других радикалов (Бёрнса, Морли и Тревелиана), и его сближение и заговор с самыми махровыми представителями консервативной оппозиции в 1916 г. с целью преобразования либерального кабинета Асквита в «национальный» с привлечением в него консерваторов и лейбористов, а затем свержения его и создания собственного ллойдджорджевского правительства при участии тех же элементов и полном устранении старых либералов

* *Ленин.* Соч., т. XIX, стр. 311.

и, наконец вся та кровавая эпопея войны и империалистического перемирия вместе с интервенцией против нашей революции, которую он для нас изобразил в своих мемуарах. Что́ было дальше, он, быть может, нам расскажет в дальнейших томах своих воспоминаний, если он их напишет. Он нам должен будет рассказать, как он устроил выборы в конце 1918 г., в самый разгар патриотического упоения победой, под лозунгами: «повесить кайзера!» и при грандиозных обещаниях перестроить мир так, чтобы он был «достоин героев» (fit for heroes to live in), и сорвал небывалую выборную победу для объединенной коалиции из предводимой им группы либералов, подавляющего большинства консерваторов и части лейбористов, явившейся как бы осуществлением его мечты 1910 г.; как в дальнейшем он, по примеру 1908—1910 гг., засыпал рабочий класс подачками с целью предотвратить казавшийся неизбежным революционный взрыв после возвращения миллионов рабочих из окопов; как он на Парижской мирной конференции усердно содействовал ограблению и закабалению германского народа и вместе с Клемансо навязал ему жестокий Версальский мир; как он затем, уступая давлению рабочих масс, вступил в переговоры с ненавистной ему Советской Россией и готов был возобновить интервенцию и блокаду против нее, в чем, однако, ему помешал объединившийся рабочий класс, пригрозивший всеобщей забастовкой; как он затем напустил греков на измученную молодую Турцию с весьма плачевными результатами для первых; как он вынужден был возмущением общественного мнения с позором сложить с себя власть, и как он с тех пор остался политически одиноким, фактически мертвым человеком, одинаково презираемым остатками либеральной партии, которую он разбил вдребезги, и сильной консервативной партией, которой он сам помог возвратиться к власти.

Таков был и есть Ллойд Джордж, живописная и вместе с тем зловещая фигура эпохи перерождения английской либеральной буржуазии в империалистическую, продукт и вместе с тем орудие истории на одном из самых знаменательных ее этапов. Его «Военные мемуары» представят для будущего исследователя этой эпохи и ее героя значительный интерес.

Ф. Ротштейн.

*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Этим томом я заканчиваю свои воспоминания о войне. В течение пяти лет я отдавал им бо́льшую часть своего времени. Писание книг — новое для меня дело. Когда человек на семидесятом году жизни начинает заниматься новой профессией, он не может надеяться добиться в своем искусстве такого совершенства, которое позволило бы ему стать мастером, а не только любителем. Меня и нужно считать любителем; мечтаю о том, чтобы и судили меня, как любителя. Я стремился рассказать факты, какими я их помню. Я привожу мои впечатления о событиях и людях точно такими, какими они сложились у меня в то время. Но и факты и впечатления я проверял путем строгого изучения документов; я сличал их со всеми доступными мне материалами, устными и письменными. Я пересматривал свои впечатления в каждом случае, когда находил неопровержимые доказательства тому, что память мне изменила, или если оказывалось, что я не знал всех фактов, когда составил себе то или иное о них представление. Я вел свой рассказ тем языком, каким располагаю для выражения своих мыслей.

Я вижу единственное достоинство этих томов в том, что, если не считать официальных историй войны, это самый подробный и обильно документированный отчет о великой войне добра и зла. Официальные истории подробно рассказывают о великих сражениях; я же пытался только рассказать о борьбе, как она раскрывалась передо мной на моем посту министра короны. Я был единственным министром во всех странах, который в большей или меньшей мере участвовал в руководстве войной на всем ее протяжении. В продолжение двух последних лет я больше, чем кто-либо другой из министров, участвовал в работе правительства по управлению всеми ресурсами Британской империи. Ни один министр ни в одной из воевавших стран не занимал официального поста бессменно в течение всего периода войны с 1 августа 1914 г. до 11 ноября 1918 г. Король Альберт, король Георг, кайзер и Пуанкаре были единственными правителями, которые находились у власти от начала до конца войны. Из них только Пуанкаре дал подробный рассказ о тех событиях во время войны, с которыми он приходил в соприкосновение. Поэтому его дневники содержат материал большой ценности для будущего историка. Он, однако, ограничивается только теми записями, которые он вносил в дневник во время самой войны. Он

и не пытается проверять и дополнять свой рассказ о событиях выдержками из современных документов. Между тем, именно эта необходимость проверки, сличения и сводки огромной массы документального материала заставила меня так много и тяжело трудиться в последние пять лет. Если бы я хотел только рассказать по личным воспоминаниям о том, что видел, это отняло бы у меня, вероятно, не больше одной десятой того времени, которое я посвятил работе над этими томами.

Груды документов за период войны и последовавших за ним мирных переговоров, собранные моими секретарями, привели меня в уныние, когда я в первый раз подумал о том, чтобы написать военные мемуары. Активно участвуя в политической борьбе в качестве лидера одной из партий, я не имел ни свободного времени, ни необходимой энергии, для того чтобы копаться в этих гигантских грудах печатного, машинописного или рукописного материала меморандумов, протоколов, докладных записок и писем; выбирать из них наиболее значительные; отмечать те абзацы, которые могут быть сжаты или даны в изложении, и те, которые надо приводить текстуально.

Серьезная болезнь, которая на несколько месяцев вывела меня из строя в 1931 г., дала мне долгожданную возможность уйти с передовых позиций политической борьбы. Не думайте, что когда руководящие политические деятели говорят о своем стремлении к спокойной жизни, они обязательно лицемерят и скромничают. С годами желание отстраниться хоть на некоторое время от борьбы, отдохнуть и успокоиться становится все сильнее. Старая привычка и склонность к работе и борьбе останавливают вашу руку всякий раз, когда вы берете перо, чтобы написать заявление об окончательном уходе от борьбы. Но это значит только, что вы чувствуете себя дезертиром, когда уходите от борьбы за цели, в которые вы верите; вы чувствуете, что долг велит вам бороться до конца. Есть, может быть, и другая причина. Люди, которые привыкли напряженно работать, боятся праздной жизни, пока их физические силы не совсем еще исчерпаны. Провидение решило этот вопрос за меня, когда я серьезно заболел и выбыл из строя на несколько месяцев. Вот тогда я и начал работу по подготовке моей книги. Я так затем увлекся работой и ее темой, что не мог остановиться, и вот довел свою работу до конца. Если бы пять лет назад мне кто-нибудь сказал, что я, привыкший воплощать свои мысли только лишь в дела и речи, напишу шесть томов, заключающие миллион слов, на какую бы то ни было тему, — я бы высмеял этого человека. Если бы мне сказали, что публика будет неизменно интересоваться содержанием этих томов, я был бы удивлен вдвойне. Поскольку эта книга имеет отчасти автобиографический характер, мне простят, я думаю, что я отметил здесь и эти мои личные, интимные размышления.

Я пользуюсь случаем, чтобы выразить прессе всех партий благодарность за великодушный прием, оказанный моей работе. Рецензенты были в общем любезны и внимательны. Я им очень благодарен за их снисходительность к новичку. Я ведь в первый раз

искал успеха у людей этой важной и устрашающей профессии. Подобно людям других профессий, журналисты могут быть разделены на несколько групп. Есть добросовестные люди и есть пенкосниматели: те, которые читают то, что они рецензируют, и те, которые рецензируют то, что они самым очевидным образом никогда не читали. Есть среди них люди снисходительные и есть люди придирчивые. Есть и такие — их очень немного, — которые заранее составили себе те или иные убеждения и неоднократно уже их выражали; в каждом новом произведении они выискивают только те места, которые должны подтвердить их предубеждения, а все остальное игнорируют. Очень трудно приходится людям, которые в течение многих лет изрекали подобно оракулам свои приговоры по военным, дипломатическим и политическим вопросам и вдруг оказались лицом к лицу с документами, на которые им нечего возразить. Они и не подозревали о существовании этих документов, а между тем эти документы доказывают, что те выводы, к которым эти люди в свое время пришли и столько раз впоследствии выражали в самой догматической форме, совершенно несовместимы с фактами. Очень немногие находят в себе мужество и твердость признать, что они ошибались. Они прибегают поэтому к несколько сомнительному методу: они игнорируют очевидные факты, которые им предъявляют, и продолжают не очень уверенно, но весьма настойчиво повторять те утверждения, которые они составили себе в полном неведении правды. Никакие опровержения не способны примирить их с действительностью. Они раззадоривают и раздражают их еще больше и заставляют с еще бо́льшим бешенством изливать свой яд.

Люди этого типа выдвигают против меня, в основном, два упрека. Они утверждают, во-первых, что военный кабинет мог добиться почетного мира в 1917 г. Это утверждение было мной полностью опровергнуто на основе огромного документального материала. Документы показывают, что ни на одной стадии войны, вплоть до окончательного поражения центральных держав в 1918 г., немцы не соглашались пойти на такие условия, которые не вознаграждали бы их за то, что они ввергли весь мир в ужасающую войну. Достаточно без предубеждения перечитать документы — как немецкие, так и английские, — которые я опубликовал, и каждый честный критик должен будет изменить свое мнение на этот счет. Так я думал, но пришлось в этом разочароваться. Некоторые люди навсегда окопались в своих политических пристрастиях; пусть вы уже снесли стены этих окопов, — они еще глубже зарываются в землю.

Есть еще один тип критиков. Это те, которые с настойчивостью и тупостью попугаев повторяют, что я осуждаю всех генералов, адмиралов и государственных деятелей, которые принимали участие в этой войне, и только себя самого считаю абсолютно непогрешимым. Если бы они в самом деле прочитали эти томы, то, конечно, нашли бы критические замечания о двух или трех генералах и двух или трех государственных деятелях, но увидели бы также, что я не

скупился на похвалу многим государственным деятелям, генералам и адмиралам и уж во всяком случае не раз выражал свое безграничное восхищение перед миллионами офицеров и солдат, которые дрались и до конца выдержали испытания этой войны на суше, на море и в воздухе; доблесть и самопожертвование этих людей дали нам победу. Я мог бы назвать здесь имена некоторых военных и военно-морских руководителей и некоторых политических деятелей, которым я отвел почетное место. Из англичан к ним относятся: Китченер, Плюмер, Алленби, Мод, Джедуайн, Кауэнс, Лоуренс, Монаш и Карри, адмиралы — Гендерсон, Роджер Кейс и Ричмонд. Из французских генералов я выразил свое восхищение Фошем, Кастельно, Манженом и Галлиени. Из американцев я выделил генерала Блисса и адмирала Симса. Это неплохое созвездие первоклассных генералов и адмиралов для любой войны; но я отказываюсь бить в кимвалы во славу неспособных. Что касается государственных деятелей, я с большой охотой признал заслуги Бонара Лоу, Милнера, Бальфура, Смутса, Бота, Бордена, Хьюгса, Геддеса, Маклея, Артура Гендерсона, Барнеса, Клемансо и многих других. Без помощи этих людей мы не добились бы победы. Победу дали нам храбрость и выдержка людей, которые шли на смерть за честь родной страны. Но они не могли бы победить, если бы за той чертой ужаса, где солдаты, моряки (всех родов службы) и летчики выполняли свой опасный долг, не работали так же напряженно и умело другие люди.

Я переживал опять мировую войну год за годом; углубились и окрепли во мне чувства, которые в свое время вызывались в моей душе повседневным соприкосновением с фактами войны.

Первое из этих чувств — чувство удивления: миллионы людей смогли пройти через эти чудовищные испытания, не разрушив в конец своей нервной системы и умственных способностей. Тысячи молодых людей во многих странах переживали эти ужасы в течение нескольких лет и пережили их без заметного ущерба для своих нервов и психики. Я постоянно встречаю участников войны, которые в течение нескольких лет переживали разрушительное потрясение современной войны: изо дня в день, из ночи в ночь жили под страхом смерти в ее самых страшных и мучительных формах. Все это, конечно, должно было оставить свой след на психике и душевном состоянии этих людей, но заметить этот след нелегко. Внешне они кажутся столь же уравновешенными, столь же устойчивыми и жизнерадостными, как и те, которые не прошли через этот огонь. Мужество, которое обнаружили столько рядовых обыкновенных людей, всегда казалось мне непостижимым. Оно было безмерно. В подготовке, дисциплине, снаряжении, боеспособности человеческого состава были, конечно, заметные отличия между той или другой воюющей нацией. Но неизменно было то высокое мужество, которое проявлял рядовой солдат во всех странах. В войне ужасно то, что ведут ее люди. Ни одно человеческое дело не обнаруживает так ясно и так выразительно самые сильные качества человека, как война. Но война, конечно, чудовищная и бессмысленная растрата

этих человеческих качеств. Если бы эти качества были призваны, организованы и поставлены на службу какого-либо полезного движения, которое производит не разрушения и смерть, а нечто жизнетворное для сынов человеческих, — эти качества изменили бы лицо мира.

Это приводит меня к другому выводу, который начертали в моем сердце события войны. Как трибунал, который должен установить правых и виновных в споре, война несправедлива и ненадежна и стоит слишком дорого. Верно, что мировая война закончилась, как я еще и сейчас верю, победой правой стороны. Но не правота дала ей победу, а общий баланс ресурсов и ошибок. Резервы человеческой силы, материалов и денег, которыми располагали победившие державы, были бесконечно больше тех, которыми располагали побежденные. Первые поэтому и смогли лучше выдержать напряжение затянувшейся борьбы. Обе стороны жестоко ошибались. Но ошибки, совершенные центральными державами, были для них роковыми, потому что эти державы не имели необходимых ресурсов, чтобы исправить свои ошибки и предупредить их последствия.

Как я уже указывал в тексте этой книги, союзники в 1915 г. совершили большую стратегическую ошибку: они сосредоточили свои основные силы на большом наступлении против немцев во Франции и позволили, таким образом, центральным державам при помощи нескольких дивизий завоевать Балканы. Однако эта ошибка была более чем нейтрализована невероятной ошибкой, совершенной германским штабом весной и летом 1916 г.: он бросил лучшие свои легионы на Верден в тщетном стремлении захватить эту крепость. Ошибка союзников затянула войну, ошибка немцев привела их самих к поражению.

Если бы весной 1916 г. Фалькенгайн, вместо того, чтобы упускать неповторимо благоприятные возможности и терять время на верденские атаки, принял совет генерала Конрада фон Гетцендорфа и атаковал Италию; если бы он принял предложение Гофмана о том, что надо прикончить Россию, — исход войны был бы иным. Капоретто и Брест-Литовск в 1916 г. (вместо 1917 и 1918 гг.), когда наша армия была еще не вполне обучена, когда Америка еще не участвовала в войне, когда Германия и Австрия еще не голодали, — заставили бы западные державы принять мир на неблагоприятных для них условиях. Великое наступление в марте 1918 г. уже не могло спасти центральные державы.

К ноябрю 1917 г. Франция и Англия были уже достаточно сильны, чтобы спасти Италию от последствий ее страшного поражения. А в конце весны 1918 г. уже лились широким потоком американские подкрепления союзникам, тогда как резервы центральных держав уже были исчерпаны. Если окончательный приговор определяется такими случайностями, то трудно верить такому суду. Случай, а не справедливость — верховный судья в войне. Есть и другие судьи за столом суда, но председатель — случай.

Если бы во главе Германии стояли Бисмарк и Мольтке, а не Бетман-Гольвег и Фалькенгайн, исход великого состязания между

военной автократией и демократией был бы — насколько мы, смертные, можем об этом судить, — совершенно иным. Ошибки Германии избавили нас от последствий наших собственных ошибок. Но пусть те, кто считает, что в войне побеждает справедливость, запомнят, что исход может зависеть не столько от справедливости, сколько от уменья и ловкости соперников. Таков урок истории, и эта война делает этот урок для всех обязательным. Война не оправдывает затрат. Она губит обе стороны. Гибель десяти миллионов и неполноценность еще двадцати миллионов лучших людей поколения — слишком большая цена, это слишком большие издержки в судебном процессе, который должен был установить ответственность и кару за убийство двух лиц, как бы высоко они ни стояли на лестнице рангов. Если к этому добавить пятьдесят миллиардов фунтов стерлингов, истраченных на убийства и опустошения, полную разруху во внешней торговле всего мира, безработицу в невиданных еще размерах, крушение демократии в большей части Европы, обострение международных распрей, которые грозят ввергнуть мир в еще бо́льшую катастрофу, — мы должны притти к заключению, что война слишком дорогой и слишком варварский метод разрешения споров между нациями на земле.

Д. Ллойд Джордж.

Брон-ай-де Черт
Октябрь 1936 г.

Глава восемьдесят вторая

УДАР И КОНТРУДАР

1. ЛЕТНЕЕ ГЕРМАНСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

К середине мая 1918 г. яростные германские атаки на британском фронте сменились затишьем; германцы не добились ни одной из своих целей — ни общих, ни очередных. Британская армия была отброшена по всей линии фронта, но она не была разбита. К концу обоих сражений она все еще стояла перед грозным неприятелем, как непроницаемая стена; прибывшие подкрепления людьми и материалами сделали ее в целом даже сильнее, чем в тот момент, когда началось германское наступление. Германцы не смогли создать разрыва между британской и французской армиями, не смогли пробиться к портам Ламанша и не имели никакого успеха в попытке уничтожить нашу армию. Блестящие тактические успехи Людендорфа не дали никаких стратегических результатов. В сущности они даже ослабили германскую армию, потому что повлекли за собой огромные жертвы и значительно растянули линию фронта в такой момент, когда у немцев уже не было достаточных резервов. Эти ошибки оказались в конечном счете роковыми для Людендорфа; он тщетно пытался навязать нам решительное сражение до того, как американцы введут в игру свои силы в таком количестве, которое должно будет превратить приблизительное равенство сил в решительное и растущее превосходство союзников над германцами. Время работало на союзников. Два драгоценных месяца ушли на бесплодные попытки приблизить решение. Огромные резервы, которые настойчиво и искусно накапливались германцами, чтобы раздавить британскую армию до того, как французы придут к ней на помощь, были уже в большей своей части растрачены. Германские потери были огромны, а свежие дивизии, которые Людендорф подтянул из России после 21 марта, не могли заполнить образовавшуюся брешь. Никогда уже впоследствии Людендорф не мог собрать такую огромную наступательную силу.

Отчет рейхстага о наступлении и его неудаче рисует положение довольно точно:

«...В стратегическом отношении великое наступление не удалось. Однако тактические результаты были чрезвычайно зна-

чительны. Наступающие войска в течение нескольких дней прорвали неприятельские позиции в глубину на 60 километров — значительно глубже, чем это удавалось когда-либо англичанам и французам в больших сражениях, которые длились месяцами. Наши трофеи неисчислимы; мы взяли 90 тысяч пленных. План наступления блистательно оправдался; не менее блистательно дрались наши солдаты. Но эта великая тактическая победа потребовала тяжелых жертв. Нам пришлось ввести в дело в общей сложности около 90 дивизий. Это бросило мрачную тень на победу наших войск» *.

Генерал фон Кюль в своем докладе рейхстагу говорит о весеннем наступлении:

«...С каждым месяцем превосходство неприятеля возрастало, тогда как подкрепления, которые получала германская армия, становились все более скудными и уже не покрывали, даже приблизительно, наших потерь...

Только ограниченное число дивизий могло быть удовлетворительно снаряжено для участия в наступлении. Потрепанные дивизии, державшие фронт, все еще не получали смены и не могли быть отведены за линию фронта для отдыха и переобучения. Таким образом войска наши постепенно изматывались, тогда как неприятель все время усиливал свою боевую мощь: прибывали американские подкрепления, прибывали танки, новое орудие боя» **.

Наши военные советники в своих расчетах о соотношении между нашими и неприятельскими силами всегда игнорировали то огромное преимущество, которое давало нам бесспорное превосходство в области механизации. Поразительно это дилетантское отношение к вопросам механизации армии со стороны людей, которые почитаются специалистами военного дела; они учитывали только численное превосходство. Германцы же прекрасно учитывали грозное значение технических орудий войны. И отчет рейхстага, и Гинденбург в своих мемуарах с горечью отмечают трагические результаты нашего превосходства над немцами не только по танкам, но и по пушкам, снарядам и аэропланам.

Но неудача германского наступления объяснялась не только этими причинами. Были и другие. Сыграло свою роль, несомненно, и только что достигнутое единство командования союзников, которое позволило нам впервые полностью использовать все человеческие и материальные ресурсы. Когда германцы увидели, что Фош в своем новом качестве может рассматривать весь фронт, как единое целое и перебрасывать с юга на север свежие и сильные французские дивизии для укрепления линии британского фронта (как это было во Фландрии в апреле), они поняли, что приходится иметь

* «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Bd. III, S. 137.

** Ibid., Bd. III. S. 188, 189.

дело с новым фактором, который окажет огромное влияние на стратегию союзников. Наступил конец тому положению вещей, которое существовало перед первым наступлением. Один из германских генералов охарактеризовал это положение в следующих словах: «французы не будут ломать ноги, чтобы прибежать на помощь англичанам». Германцы в своей стратегии всегда исходили из этого предположения. Теперь уже они не могли больше на это рассчитывать.

Отчет рейхстага признает единство союзного командования одной из причин германского поражения.

> «Германское наступление в конце концов совершенно уничтожило пятую английскую армию. Сами англичане рассматривали это, как самое большое поражение, какое знали англичане на протяжении всей своей истории. Образовалась широкая брешь между армиями англичан и французов. Фельдмаршал Хейг решил отступить по направлению к морю, генерал Петэн думал больше всего о том, чтобы как-нибудь прикрыть Париж. Уже делались приготовления к эвакуации Парижа, уже делались приготовления к погрузке английской армии на суда Отрыв англичан от французов казался неминуемым...
>
> Повторилось явление, которое наблюдается почти во всех коалиционных войнах: в момент грозной опасности каждый из союзников думает только о своих интересах. Вот почему это был поворотный пункт в войне. Антанта сумела в этот критический момент создать единство командования.
>
> Антанта должна быть благодарна генералу Фошу за то, что он сумел успешно подчинить противоречивые интересы союзников более высоким и общим целям, заполнить образовавшиеся бреши и предотвратить отрыв англичан от французов» *.

Германское верховное командование все еще видело свою единственную надежду на победу в том, чтобы разбить англичан и отбросить их от портов Ламанша. Меморандумы Людендорфа ясно показывают, что на этом этапе он думал только о том, чтобы нанести нам такой удар, который заставил бы нас пойти на мир без победы. Французский народ, отчаянно дравшийся на родной земле, должен был продолжать борьбу до конца и во что бы то ни стало сохранить поддержку своих союзников; французское командование все еще надеялось возвратить Франции Эльзас-Лотарингию. Но если бы англичане им изменили, французы должны были бы пойти на мир.

Людендорф понимал, что англичане — основной костяк Антанты, и никакая германская победа невозможна без нашего поражения. Он писал в своем меморандуме в начале 1918 г.:

> «Важнейший вопрос сейчас в том, как разбить Англию на фронте и как использовать это поражение Англии, для того

* «Die Ursachen... u. s. w.», Bd. III, S. 138.

чтобы вызвать одновременно крах всей английской военной машины не только на фронте, но и в самой Англии» *.

Но, прежде чем начать наступление на британские позиции на севере, Людендорф решил ударить по союзникам южнее, чтобы оттянуть резервы союзников с севера.

На военном совете, который происходил в присутствии Людендорфа и начальников штабов армейских групп кронпринца Рупрехта и германского кронпринца уже после того, как немцы отказались от наступления на реке Лис, было решено, что следующая атака должна быть направлена против французов на секторе Шмен-де-Дам. Это был спокойный участок фронта, и Людендорф надеялся, что, прорвав этот сектор, он заставит Фоша оттянуть свои резервы с севера. Приказ, изданный германским верховным военным командованием 1 мая 1918 г., гласил:

«Это наступление имеет целью прорвать нынешний единый фронт Антанты, противостоящий армейской группе кронпринца Рупрехта, и таким образом создать предпосылки для успешного возобновления нашего наступления на британцев **.

Великое наступление должно было начаться немедленно после того, как диверсия на Шмен-де-Дам даст свои результаты.

Возникла серьезная дискуссия о том, на какой участок британского фронта должен быть обрушен этот окончательный удар. Людендорф сначала высказывался за возобновление наступления на амьенском фронте по направлению к Дуллану, так как фландрский фронт был очень сильно укреплен и представлял слишком большие трудности. Но при дальнейшем обсуждении чаша весов склонилась в сторону наступления на севере, которое давало бо́льшие надежды на успех; германская армия не должна будет месить грязь во фландрских болотах. Новое наступление на британские линии было отложено до лета; приготовления велись в течение всего мая и июня.

С конца апреля, когда закончились германские атаки во Фландрии, и до 27 мая, когда возобновилось германское наступление на реке Эн, противники приводили себя в порядок. Мы остро чувствовали наши потери и напрягали все усилия, чтобы их возместить, наскребывали новые контингенты, призывали старшие возрастные категории, переводили людей класса «Б» в дивизии, которые держали более спокойные участки фронта и, главным образом, делали невероятные усилия, чтобы доставить на фронт как можно больше людей из Америки; только Америка представляла собой человеческий резервуар, из которого мы только еще начинали черпать силы. (О наших достижениях в этой области я говорил в других главах.) Кроме того, мы делали огромные усилия для укрепления нашей линии защиты по всему фронту. Производство колючей проволоки в

* *Ludendorff*, The General Staff and Its Problems, v. II, p. 552.

** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 558.

нашей стране увеличивалось с 800 тонн до 1100—1200 тонн в неделю. Помимо этого мы поместили большой заказ на колючую проволоку в Соединенных штатах. Все это дает некоторое представление о тех усилиях, которые мы делали для укрепления нашей линии защиты. Укажу еще, что противник во время весеннего наступления понес бо́льшие потери, чем мы, и его резервы годных для войны людей иссякали быстрее, чем наши. Все, что возможно, было им уже стянуто и подтянуто к фронтам. 15 мая германское командование издало приказ о том, чтобы еще 30 тысяч человек пехоты были как-нибудь «изысканы» из контингентов германского генерал-квартирмейстера, а эти контингенты уже не один раз «прочищались»; такое же число должна была дать авиация, столько же — связисты, железнодорожные части и авточасти. Мало было надежды на то, что этот приказ будет выполнен. Генерал фон Кюль свидетельствовал перед комиссией рейхстага:

> «Ход боевых событий за время мартовского наступления показал нам, что мы не можем возместить свои потери при помощи тех или иных подкреплений. Поэтому уже в апреле мы должны были расформировать несколько полков кавалерии; в мае мы передали в распоряжение командования армейской группы две дивизии для расформирования и перераспределения бойцов по другим дивизиям. Несмотря на все это, мы не могли в апреле и в мае заполнить те бреши, которые образовались за время наступления на армантьерском фронте, и сохранить полный контингент наступающей дивизии. Средняя боевая мощь батальона, которая к концу февраля составляла 807 человек, упала к концу мая до 692» *.

Всем нам приходилось много слышать о «дымовой завесе», скрывающей тайны войны. Я в течение нескольких лет принимал активное участие в административном руководстве величайшей войной всех времен и могу судить о том, что это значит. Авиация вела систематическое наблюдение за силами противника, фотографировала его позиции, каждый пункт его расположения, каждое его передвижение; разведка, располагая целой сетью шпионов, вела также беспрерывное и искусное наблюдение за противником; мы беспрерывно допрашивали пленных и дезертиров, — но, несмотря на все это, пробелы в нашей информации о противнике были непостижимо велики. Перечитывая теперь донесения, которые поступали к нам ежедневно через военное министерство, из ставки во Франции и из других источников, я вижу, что в мае 1918 г. мы не имели достаточного представления о том, какие потери понесли германские армии за время огромных сражений в марте и апреле. Мы не представляли себе, что эти сражения навсегда лишили германцев возможности организовать такое наступление, которое по масштабу хотя бы приближалось к весеннему их наступлению. Они не могли уже заштопать прорехи, а мы находились под впечатлением, что,

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 209.

подтянув свежие дивизии с русского фронта, они с каждой неделей усиливают свою мощь и уже скоро смогут начать такое наступление на фронте союзников, какого еще не было за все время войны. Английский и французский штабы спорили о том, будет ли удар направлен против французов или англичан, но они были совершенно единодушны в определении масштаба этого наступления. Хейг докладывал генеральному штабу, что, по его расчетам, германцы поведут наступление на британские линии 80 дивизиями. Фош не соглашался с ним в вопросе о пункте, откуда последует удар. Сэр Генри Вильсон сообщал военному кабинету 10 днями позже, что «ко второй неделе июня немцы развернут максимум своих сил и, вероятно, атакуют нас *по крайней мере* ста дивизиями; это гораздо больше, чем те силы, которые германцы бросили против нас в наступлении 21 марта».

Июньские события показали, как ложны были все эти подсчеты и предсказания о численности германских сил. Но в то время союзные штабы считали, что германская армия имеет численное превосходство — большее, чем тогда, когда она начинала свое первое наступление на союзников весной того года. Как могли они так ошибаться? Я уже не раз указывал, что общепринятая человеческая арифметика как будто не входит в состав тех наук, которые проходят в академиях генерального штаба. Еще один пример неумения считать: преуменьшение численности американской армии, которая уже прибыла к тому времени во Францию. В течение одного только мая во Францию прибыло 160 тысяч американских солдат, из них 60 или 70% были пехотинцы и пулеметчики, остальные — инженерные войска, связисты и санитары. Если говорить только о пехоте, то это составило бы — исходя из расчета нормальной германской или британской дивизии — подкрепление, примерно, в двенадцать дивизий. Помочь в снабжении этих частей артиллерией, аэропланами и танками могли бы французская и британская армия. В случае возникновения серьезной опасности американцы уже могли бы помочь нам держать фронт. Ведь уже зимой 1914 и весной 1915 г. территориальные контингенты, которые были не лучше обучены, чем эти американцы, были брошены в окопы и помогли нам держать фронт; и эта людская масса, которая не прошла никакого военного обучения, помогла нам задержать германское наступление на Амьен.

Французский генеральный штаб систематически преувеличивал размер германских подкреплений и одновременно преуменьшал данные о все возрастающем приливе союзных войск из Америки и других стран. Это можно объяснить только желанием создать впечатление, будто они там, во Франции, ведут неравную борьбу с подавляющими силами неприятеля. В штабе был при этом некоторый политический расчет: они хотели заставить правительство «вычистить» еще решительнее людей из промышленности в тылу и погнать их на фронт. Людендорф применил по отношению к своему правительству такие же методы, но у него на это были значительно бо́льшие основания, как вскоре показали события.

Надо еще сказать, что германские подкрепления из самой Германии и с восточного фронта не только не возмещали потерь германской армии, но и самое качество этих подкреплений было относительно невысоким. Лучшие кадры уже раньше были переброшены с русского фронта; то, что оставалось, представляло собою неважный военный материал. Новобранцы, которых немцы согнали с фабрик и из деревень, были плохо обучены, и не было времени подготовить их к тому огромному напряжению, которое ожидало их на фронте.

Несмотря на все возраставшую слабость или, вернее, именно в результате этой слабости, германцы не решались выпустить военную инициативу из своих рук. Если они не смогут добиться решающего успеха до осени, они обречены. И так как в тот момент не было никакой надежды на такой успех на британском фронте, который держался очень крепко, они 27 мая начали свою диверсию против французов. Они атаковали французские линии на фронте в 50 километров между Реймсом и Суассоном.

Они добились, как им казалось, еще одной блестящей тактической победы, но, так же как их прежние триумфы на британском фронте, эта победа сорвала их шансы на окончательный успех. В противоположность наступлению 21 марта они на этот раз рассчитывали не на численное превосходство, а на внезапность атаки. И в этом случае, как всегда, сообщения французов, с одной стороны, и германцев — с другой, о численности войск, участвовавших в сражении, значительно расходятся. Германцы уверяют, что они атаковали с меньшими силами, чем у неприятеля. Французы, наоборот, утверждают, что у нападающих силы были гораздо бо́льшие, чем у защитников. Официальные доклады британского командования военному кабинету сообщали, что число германских дивизий «в точности неизвестно, но, во всяком случае, численное превосходство неприятеля само по себе не могло бы обеспечить такого быстрого его продвижения». На третий день сражения мы насчитали у противника только 16 дивизий. Союзники на этом секторе фронта имели больше дивизий. Но если даже исходить из того числа германских дивизий, которое приводили французы в оправдание своего поражения, то и это число значительно меньше тех 100 дивизий, которые, по предположениям специалистов, должны были участвовать в наступлении с германской стороны.

Когда началось германское наступление, четыре британские дивизии находились на отдыхе в «спокойном» секторе фронта близ Суассона. Эти дивизии были сильно потрепаны в весенних боях, и, хотя они состояли главным образом из солдат нового набора, многие из них показали блестящие примеры стойкости. Совершенно «сырые» части удерживали свои позиции, до тех пор пока французы, отступая, не обнажили их левый фланг. Эти части так и не уступили свои центральные позиции, которые прикрывали Реймс с запада. Вот сообщение сэра Генри Вильсона, который беседовал с командующим британским корпусом генералом Хэмилтоном Гордо-

ном о роли, которую сыграли в этом сражении британские дивизии. Вильсон писал в докладе военному кабинету:

> «Генерал Хэмилтон Гордон имел 27 мая на центральном участке фронта три дивизии 9-го корпуса: 50-ю дивизию слева, 8-ю — в центре и 21-ю — справа, в районе Берри-о-Бак. Первые сообщения о предстоящем наступлении мы получили от дезертира в ночь с 25 на 26 мая. Сражение началось с газовой атаки, особенно сильной на вторых линиях, за ней последовала артиллерийская бомбардировка, продолжавшаяся $2^1/_2$ часа. Прорвав заграждения из колючей проволоки при помощи траншейных мортир, противник повел атаку обычным путем при содействии танков. 50-я дивизия «повисла в воздухе», когда 22-я французская дивизия слева без всякого предупреждения покинула фронт. Германцы были уже в том городе, в котором квартировал командир 50-й дивизии, когда этот командир получил первое известие о том, что французы отступили. Германцы хлынули в брешь, образовавшуюся после ухода 22-й французской дивизии, и зашли в тыл 50-й британской дивизии, которая в результате понесла огромные потери. Германские танки оперировали главным образом в точке соединения 50-й и 8-й дивизий, они пробились вглубь по долине и зашли в тыл 8-й дивизии. 21-я дивизия дралась очень хорошо, но то, что произошло с 8-й дивизией, заставило ее в конце концов отступить за линию реки Эн. 25-я дивизия, которая находилась в резерве, была брошена по приказу французского армейского командования на вторую линию, но ее оттеснили отступавшие войска. Все четыре дивизии тяжело пострадали. Ошибочные французские фланговые маневры и особенно уход французской 22-й дивизии без предупреждения соседней 50-й британской дивизии в значительной мере обусловили это отступление».

Потери англичан были очень велики — они составляли 10 тысяч человек убитыми и ранеными.

Германское наступление на этот раз было внезапным в противоположность наступлению 21 марта. Мы ничего не знали о концентрации сил за германскими линиями. Ничто не говорило о том, что в этом пункте предполагается наступление. Однако, так же как и 21 марта, сражение началось яростной, но непродолжительной бомбардировкой французских траншей без каких-либо предварительных сигналов. Передвижения наступающих неприятельских сил были незаметны из-за утреннего тумана.

Но дело не только в неожиданности этой атаки. Сопротивление французов было сломлено необычайно скоро из-за ошибок генерала, командовавшего этим участком фронта. Вопреки всему опыту войны, вопреки приказам Петэна, этот генерал упорно держал все свои основные силы на передовых позициях, поэтому артиллерийская подготовка, после которой германцы начали свое наступление, сразу же стерла в порошок защитников этой линии, и сопротив-

ляться уже было некому. Он слишком поздно дал приказ о разрушении мостов через р. Эн, в результате они оказались в руках неприятеля и продвижение германцев было облегчено в сильнейшей степени. Центр атакуемого фронта рухнул, и германцы хлынули через Шмен-де-Дам к реке Эн по неразрушенным мостам и дальше к реке Вель, которую они также перешли. В течение первого дня наступления они продвинулись на центральном участке на глубину 12 миль. Ни в битве у Сен-Кантэна в марте, ни во время фландрского наступления в апреле они не заходили так глубоко за наши линии в течение одного дня. Это был поразительный и обескураживающий успех неприятеля. В течение ближайших дней германцы продолжали натиск на правом и левом участках, чтобы расширить прорыв, продолжали продвижение вперед к Марне и даже достигли ее берегов. Теперь они были уже на дороге в Париж. В четыре дня Людендорф продвинулся на 30 миль, взял 400 орудий и около 40 тысяч пленных. В конечном счете это сражение дало германцам 55 тысяч пленных, 650 орудий, 2 тысячи пулеметов и огромные запасы снарядов. Потери германцев были относительно невелики. Как военная операция это было великолепно. Как стратегический ход это было для германцев самоубийством.

Эта германская победа и особенно та легкость и быстрота, с какой она была достигнута, произвела гнетущее впечатление на союзников. Это было уже третье большое сражение, в котором германцам за несколько дней удавалось прорвать линию союзников так глубоко, как еще никогда не удавалось французам и британцам во время их наступлений, подготовлявшихся неделями и месяцами и стоивших огромных усилий. Захваченные германцами в каждом из этих сражений орудия и пленные по количеству превосходили все рекорды союзников во всех их больших наступлениях. Поражение 21 марта можно еще было объяснить так, чтобы не поколебать доверия к силе сопротивления британской армии. У англичан тогда была очень трудная и несовершенная линия защиты; кроме того, англичане были подавлены силами неприятеля, превосходившими их силы в три раза. Но в последнем случае линия защиты была исключительно хорошо укреплена, и силы противников были приблизительно равны.

Была еще и другая причина, которая вызвала всеобщее чувство растерянности после этого поражения. Когда нас разбили в марте, французы были более чем склонны приписать вину за это несчастье плохому руководству наших генералов; они делали их ответственными за недостаточно высокий боевой дух наших солдат. Но когда немцы при первой же атаке выбили французов из Кеммеля (Кеммель в течение нескольких лет находился далеко позади британской фронтовой линии), сомнения охватили даже тех, которые до сих пор безгранично верили в неиссякаемую боеспособность французской армии. Тяжелое поражение, которое понесли французы на Шмен-де-Дам и на Эн, то слабое сопротивление, которое оказали противнику их дивизии, тот факт, что неприятель смог одним ударом подойти на расстояние 40 миль от Парижа, — все это создало

на некоторое время чувство не только уныния, но и чего-то близкого к отчаянию. Ночные воздушные налеты неприятельских аэропланов на Париж еще более усилили это чувство.

Еще одно таинственное событие вызвало панику во французской столице. Неизвестно откуда взявшиеся огромные снаряды посыпались на Париж. Было разрушено несколько зданий, сотни человек были убиты или изувечены. Один из этих снарядов пробил крышу церкви, в которой происходила в это время месса; десятки молящихся были убиты в церкви. Сначала предполагали, что какой-то одинокий аэроплан пролетел над городом и сбросил бомбы в разных местах. Когда выяснилось, что эти снаряды посылает гигантская пушка, которая находится на расстоянии 50 миль от Парижа, отчаяние охватило все население. Люди толпами стали покидать Париж в поисках более спокойного убежища.

В этот мрачный момент союзники провели несколько совещаний в Версале. Мы все хорошо знали, что в этой войне, в которой силы противника приблизительно равны, исход будет предопределен только моральным фактором. Напряжение нескончаемой борьбы в условиях беспримерных по самому своему характеру и длительности должно было рано или поздно сломить самых храбрых; нервы не выдерживали. Которая из двух борющихся армий первая не выдержит? Победа будет принадлежать той армии, которая останется на поле битвы последней, как бы истощена она ни была. Весной 1917 г. французский *пуалю* * был уже на грани полного нервного краха, но его можно было еще заставить защищать свои позиции, и немцы так и не сумели полностью использовать свое временное превосходство. Итальянская армия знала временный, но тяжкий крах поздней осенью 1917 г. Пашендель, несомненно, подорвал высокий боевой дух британской армии. В марте и апреле 1918 г. германцы с бою взяли позиции, которые в 1916 и 1917 гг. обе стороны считали бы совершенно неприступными. Что можно было теперь сказать о боевом духе французов? Достаточно ли они оправились, чтобы встретить и отразить напор отлично руководимых ветеранов, ободренных целой серией блистательных побед? Последние события заронили сомнения в сердца даже тех людей, которые не слишком скоро поддаются панике. Когда мы собрались в зале заседаний в Версале, мы могли слышать во время наших прений тяжелый гул германских орудий в Шато-Тьерри. По вечерам над нами летали германские аэропланы, и мы слышали яростные взрывы бомб над Парижем. Все пруды в садах Версаля были замаскированы зеленым ковром «травы», чтобы спутать расчеты бомбардировщиков. Лорд Дерби, который был тогда нашим послом во Франции, говорил мне, что волна пессимизма захлестнула Париж и что особенное озлобление вызывает против себя Фош, на которого возлагали большие и чрезмерные надежды; французы ждали, что, как только он получит в свои руки безраздельное командование союзными армиями, он

* Пуалю («волосатик») — распространенная во Франции во время войны кличка рядового солдата. — *Прим. перев.*

*

немедленно остановит германское наступление. Лорд Дерби считал, что, если в ближайшее время не улучшится общее положение, французы будут требовать перемен в составе верховного командования, и этому требованию трудно будет сопротивляться. Клемансо только потому еще не разделяет с Фошем этой временной непопулярности, что, по общему мнению, некому его заменить. По всей вероятности, немного было претендентов на этот пост, который при тех обстоятельствах был не столь блестящ, сколь опасен. Это сообщение лорда Дерби давало правильное представление о парижских настроениях. Один крупный британский чиновник говорил мне во время этой конференции: «Мы, кажется, в последний раз заседаем в Версале». Если французы так скоро отступили перед немцами, наступающими на их столицу, можно ли было надеяться, что они будут удерживать другие позиции, для укрепления которых сейчас просто нехватит времени?

Это всеобщее уныние показалось мне неожиданным. Я его не ожидал. Я его не разделял. Я считал это уныние неоправданным. Я был убежден, что самое худшее уже позади. Поведение Фоша укрепило меня в моем убеждении. Он решительно не разделял всеобщего пессимизма. Он спокойно подготовлял свой большой контрудар. Он был огорчен тем, что французские дивизии в последнем сражении оставили по себе такую дурную память. Он хорошо сознавал, что это поражение расстраивает его планы контрнаступления и он должен отсрочить момент контрудара. Тем не менее, все его мысли были сосредоточены на подготовке таких резервов, которые позволили бы ему не только отразить неприятеля, но и заставить их посредством контрудара откатиться далеко назад; а как только начнется отступление неприятеля, союзные армии нанесут ему такие сокрушительные удары, которые превратят отступление в беспорядочное бегство.

Во время одного перерыва на завтрак мы получили возможность познакомиться со стратегическими планами Фоша, и это оказалось очень интересным. Он и г. Бальфур вышли погулять в сад. Мы видели, что они ведут очень оживленную беседу — оживленную, поскольку речь идет о генерале Фоше. Бальфур слушал старого солдата молча, с почтительным вниманием, и лишь время от времени задавал ему какой-нибудь вопрос. Мы увидели затем, что генерал и министр остановились; генерал делал яростные движения, сначала кулаками, а потом и ногами. Мы впоследствии узнали, что он таким путем иллюстрировал план своего большого контрнаступления. Когда оно начнется, он ударит здесь и ударит там — приходилось пользоваться уже не только обеими руками, но и ногами, — будет бить и добивать безостановочно, чтобы неприятель не имел времени опомниться. Это было очень выразительное предсказание того, что в самом деле случилось вскоре; генерал применил этот метод, и он дал союзникам окончательную победу. Уже в тот момент, казалось бы, непоправимого бедствия Фош видел, что немцы своей полной победой сами помогают его планам. Еще раз

это оказалось для немцев тактическим триумфом и стратегическим поражением.

Образовавшийся после этой победы «выступ» немцы могли защищать только при помощи очень значительных сил — тех сил, которые должны были выполнить «хагенскую» атаку * на британский фронт. С другой стороны, этот «выступ» был слишком узок, чтобы служить базой для дальнейшего широкого наступления; надо было, следовательно, его расширить, а это значило, что придется бросить еще больше войск на бастионы Реймса, который еще держался на востоке, и на лес Вилье-Коттре и Компьень, которые замыкали их фронт с запада.

Германское наступление только частично выполнило поставленную германским командованием задачу: заставить союзников бросить силы на юг и тем ослабить фронт англичан. Фош не забывал и того, что армия принца Рупрехта стоит в полной готовности против наших позиций во Фландрии. Он стянул подкрепления из частей, стоявших к югу от Соммы, а затем, по мере развития операций, он приказал двинуться на юг французской X армии, которая находилась в резерве за I и III армиями на севере. Но к этому времени стало уже ясно, что германцы слишком заняты на р. Эн, чтобы они смогли перенести свои атаки на север, тогда как наши силы на севере быстро возрастали. В течение месяца с 21 марта по 20 апреля новые пополнения, в общей сложности около 200 тысяч человек, были посланы нами во Францию — в том числе и юноши моложе 19 лет, которые были призваны ввиду такой крайности. К 1 июня общая численность белых войск в британской армии — отечественных и из доминионов, находившихся во Франции, — была лишь на 7 тысяч человек меньше того количества, которое было у нас на 1 марта, а через месяц она уже превысила это число. Германцам приходилось оттягивать резервы союзников к югу все новыми и новыми атаками на этом фронте, прежде чем они могли обеспечить успех своих «хагенских» атак во Фландрии. К тому же, в результате образовавшегося глубокого и опасного выступа они очень растянули свой фронт на юге.

Германцы, таким образом, должны были продолжать свое наступление на юге по двум причинам: во-первых, потому что позиции, которые они сейчас занимали, оказывались очень опасными, если «выступ» не будет расширен; во-вторых, потому что это был единственный способ ослабить наши резервы на севере и сделать возможным давно задуманное фландрское наступление.

Сражение на р. Эн закончилось 6 июня. Последний день битвы был отмечен успешной контратакой американских войск и еще другой атакой, проведенной англичанами. Хорошие достижения американцев в этот день были грозным предзнаменованием для неприятеля и совершенным откровением для впавших в уныние союзных генеральных штабов.

---

* По имени Хагена, одного из виднейших теоретиков танковой войны (его книга «Танки» переведена на русский язык). — *Прим. перев.*

Через три дня, 9 июня, германцы начали наступление на секторе Мондидье — Нуайон. Это, однако, не было для французов неожиданностью. Фош предвидел, что немцы предпримут такую попытку на соседнем секторе, чтобы расширить «выступ». Нападение было в конце-концов задержано, но немцы все же пробились в центре французской линии на 6 000 ярдов. Этого, однако, было недостаточно, для того чтобы сколько-нибудь приблизить неприятеля к Компьеню, а контратака Фоша 11 июня заставила Людендорфа отказаться от этой попытки. Через неделю была сделана вторая попытка, на этот раз — на восточном секторе. Атака немцев к востоку от Реймса была проведена в небольших масштабах и окончилась безрезультатно. Германские удары потеряли свою прежнюю силу, а французы дрались все увереннее. Полковник Швертфейгер в своем сообщении комитету рейхстага говорит об этом сражении:

> «Тем временем, развивая наше наступление на Шмен-де-Дам, мы начали 9 июня атаку на Компьень. Однако 11 июня под напором сильного французского контрнаступления эту атаку пришлось прекратить. Весь фронт от Мондидье до Реймса перешел на состояние обороны, и в середине июня наступило относительное успокоение» *.

В течение почти целого месяца на западном фронте велись только местные операции. Союзники беспокоили неприятеля небольшими атаками в разных пунктах, имевшими целью исправление линии фронта. Одна из этих атак на британском фронте причинила серьезное огорчение американскому главнокомандующему.

Это была атака на Гамель в расположении IV армии; атаку начали 4 июля австралийские войска. 33-я американская дивизия на своем секторе проходила в это время обучение совместно с британскими войсками. Австралийцы и американцы, которые прибыли из-за океана, чтобы воевать на старом континенте, на родине своих предков, уже успели тесно сдружиться. Вскоре после битвы я посетил американские позиции и имел удовольствие познакомиться с этими войсками, которые прошли мимо меня маршем. Никогда еще я не видел такого прекрасного человеческого материала.

От одного из офицеров я слышал любопытный рассказ о том, что случилось во время битвы при Гамеле. Когда намечался план атаки, чтобы освободить от германского нажима Амьен, предполагалось, что в этой операции примут участие и австралийцы и американцы. Молодые американцы очень радовались, что наступает момент их первого боевого крещения в мировой войне. Между тем, из американской главной квартиры прибыло сообщение, запрещающее нам применить эти войска в предстоящем сражении. В оправдание этого безапелляционного приказа приводились такие соображения: американцы, мол, еще проходят военное обучение и не готовы для активного участия в боях.

---

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 191.

Когда американцы услыхали об этом приказе, волна уныния охватила весь лагерь, и некоторые из них рассказали об этом печальном известии своим австралийским товарищам. Эти последние стали смеяться над американцами, что из-за какого-то приказа главной квартиры они дают себя отвлечь от прямого дела. Австралийцы сказали американцам: «Неужели вы будете обращать внимание на этих пачкунов? Мы на них плюем!»

Американцы согласились с этой точкой зрения, пошли в бой и, по всем известным мне данным, дрались с большим воодушевлением и отвагой. Австралийцы потом только и могли сказать о них: «Отличные бойцы, но слишком горячи!..»

Генерал Першинг рассказывает в своей книге «Мой опыт в мировой войне», что он очень рассердился на штаб британской армии за то, что он разрешил американцам принять участие в сражении вопреки его приказу. «Этот инцидент, — говорит Першинг, — заставил меня издать настолько категорические инструкции, чтобы факты такого порядка никогда больше не могли повториться» *. Таков был непосредственный результат.

Наступило затишье, большие наступательные операции прекратились, и Людендорф занялся приведением в порядок своих потрепанных дивизий при помощи тех людских резервов, которые еще можно было наскрести. Он все еще рассчитывал нанести союзникам окончательный удар во Фландрии; но для этого надо было предварительно расширить опасный «выступ» на Марне. 14 июня он приказал начать приготовления к двойной, с обоих флангов, атаке на Реймс, которая намечалась приблизительно на 10 июля; эта атака должна была высвободить германские части из тисков и расширить узкий «выступ».

В случае успеха за этой операцией через десять дней должна была последовать «хагенская» атака во Фландрии.

Людендорф, далее, приказал начать приготовления к тому, чтобы после этих операций произвести прорыв между Соммой и Марной и захватить Амьен и Париж одновременно. Против этого плана возникли возражения в его же собственном штабе; ему указывали, что для такого широкого одновременного прорыва нехватит войск. В результате Людендорф 12 июля объявил, что придется дождаться похода марнского и фландрского наступлений и уже потом решить, атаковать ли Париж или Амьен.

Последовавшие события избавили его от этого беспокойства. Не один Людендорф сочинял планы в июне и в первые дни июля. Как только Фош захлопнул немцев в этом очень уязвимом «выступе», он стал подготовлять свой контрудар. Теперь во Франции находились большие американские силы — к концу июня они составляли уже 24 полные дивизии, из которых десять были на фронте, и американские подкрепления продолжали прибывать по 250 тысяч человек в месяц. У союзников теперь снова было численное превосходство над неприятелем, а Фош являлся убежденным сторонником на-

---

* General *Pershing*, My Experiences in the World War, p. 475.

ступательных операций. Он накоплял силы для большого прорыва в направлении Суассона, который должен был отрезать германские дивизии, зажатые в «выступе» Шато-Тьерри. Прорыв должен был совершиться, как только армия кронпринца будет полностью занята в намеченном немцами охвате Реймса с востока и запада. Давно уже Фош ревниво накоплял свои резервы для великого момента, которого он ждал в продолжение месяцев; он знал, что этот момент наступит, когда немцы истощат свои силы в бесплодных наступлениях. Это было важнейшей частью его плана предстоящей кампании, плана, который он представил в январе представителям военного ведомства в совете, а также Петэну и Хейгу. Все еще помнят, что оба знаменитых стратега отклонили этот план как совершенно невыполнимый. Когда быстрое продвижение немцев к Марне в конце мая создало, казалось, угрозу Парижу, Петэн решил воспользоваться этими резервами, чтобы остановить напирающих немцев; он отдал уже приказ о переброске некоторых из этих дивизий, предназначавшихся для контрнаступления, в помощь французским армиям, преграждавшим немцам дорогу в Париж. Но вмешался Фош и запретил отвлекать эти дивизии от их прямого назначения. Петэн должен был для защиты Шампани и линии Марны найти другие дивизии. Резервная армия осталась нетронутой; скрытая в лесах, она готова была к нападению по первому слову генералиссимуса.

Впереди оставалась еще перспектива германской «хагенской» атаки, но Фош правильно рассчитал, что она произойдет только после повторной немецкой атаки на Реймс. И в самом деле, девять дивизий из резервов армии принца Рупрехта были переброшены для прорыва к востоку от Реймса. Хейг, который вначале противился отправке каких бы то ни было войск в Шампань, впоследствии принял точку зрения Фоша и согласился отдать восемь французских дивизий, которые находились в резерве за линией его фронта. Он дал, кроме того, четыре своих собственных британских дивизии для атаки германского «выступа».

15 июля к востоку и западу от Реймса началось последнее германское наступление в эту войну. Фош ожидал этого и заранее готов был отдать некоторое пространство на обоих фронтах. Петэн применил здесь свою тактику эластичного фронта: передовые линии недолго сдерживали неприятеля, затем отходили; это заставляло неприятеля уходить вглубь и отрываться от поддерживающей его траншейной тяжелой артиллерии, еще до того как он вступал в соприкосновение с основными силами обороны. Эта тактика и в данном случае смяла главный удар наступающих войск, и немцы так и не добились ничего существенного в течение первых двух дней атаки. На третий день ударил Фош. Он собрал свою атакующую армию во главе с генералом Манженом, одним из самых решительных генералов этой войны, в лесу Вилье-Коттре, на западном фланге германского «выступа». При первых проблесках зари армия вышла из леса, поддерживаемая огромным количеством танков, без какой-либо артиллерийской подготовки. Манжен атаковал немцев 22 дивизиями между Марной и Эн в восточном направлении на

фронте протяжением в 50 километров. Из этих дивизий две были британские, а две американские, т. е. дивизии двойной мощности по сравнению с обычной британской или французской дивизией. Самое существование такой огромной наступательной силы на западном фланге неприятеля было ловко скрыто от врага; в первый день союзники прорвались на 10 километров в глубь его линии, захватили 16 тысяч пленных и приблизительно сто орудий. Боковые сообщения между Суассоном и Шато-Тьерри, как шоссейные, так и железнодорожные, оказались, таким образом, под огнем союзной артиллерии. Американские дивизии находились в первых рядах атакующих, и в этом первом для них большом наступлении они покрыли себя славой. Британские дивизии также сыграли важную роль в этом наступлении и значительно содействовали победе.

К армии Манжена были прикомандированы 15-я и 34-я британские дивизии. В первый день сражения они были оставлены в резерве и были брошены в бой только 23 июля. В этот и последующие дни они участвовали в самых горячих схватках. В одном из примечаний к опубликованным депешам маршала Хейга сказано по поводу этого сражения:

> «Семнадцатая французская дивизия воздвигла памятник нашей пятнадцатой дивизии на самой высшей точке Бюзансийского плато. Здесь было найдено тело шотландского солдата, который оказался впереди всех во время атаки 28 июля» *.

А маршал Фош отмечает в своих мемуарах, что при возобновлении атаки 1 августа британская 34-я дивизия совместно с тремя французскими дивизиями, поддерживаемые танками, —

> «...атаковали высоты Гран-Розуа и, несмотря на бешеное сопротивление неприятеля, взяли штыковым ударом германские позиции между Гран-Розуа, Синьаль-де-Сервене и деревней Крамай. Они выдержали многочисленные яростные контратаки. Эта решающая схватка заставила немцев вновь отступить» **.

Это был внушительный сюрприз. Людендорф уже успел побывать на севере, в Турнэ, где он инспектировал подготовительные работы к «хагенской» атаке; сейчас же по возвращении он узнал о французском прорыве. Надо полагать, что немцы уже раньше получили сведения о предстоящем контрнаступлении союзников, но они решили — и совершенно справедливо, как выяснилось впоследствии, — что Фош намерен был начать его 14 июля или в один из ближайших к этой дате дней. Когда этого не случилось, они решили, что мысль о контрнаступлении оставлена.

Ход сражения в первые два дня совершенно успокоил немцев, поскольку речь шла об их западном фланге. У высот, окружающих Реймс, и далее на восток шла яростная схватка. Немцы решили, что

---

* Sir *Douglas Haig*, Despatches, p. 256.
** Marshal *Foch*. Memoirs, p. 422.

Фош уже должен был ввести в дело свои резервы, чтобы поддержать свою сильно теснимую в этих секторах армию. И в самом деле, Петэн, который более чем следовало был обеспокоен успехами немцев на некоторых участках его фронта, хотел ввести в бой часть резервов из Вилье-Коттре, но Фош отменил его приказ. В течение этих двух дней между Суассоном и Шато-Тьерри не раздавалось ни одного выстрела, и немцы в своем «выступе» уже решили, что опасность атаки в этом секторе миновала. Вот как блестящий германский автор описывает то очень спокойное состояние духа, в котором пребывали в тот момент германские войска:

> «...И ночью и днем они слышат гул сражения, происходившего на Марне и на подступах к Реймсу... Они узнают об успехах: мы деремся к югу от реки и уже продвинулись немного в районе лесистых склонов гор. Потом возникают даже слухи, что неприятель отступает по всему фронту, что он уже подтягивает все свои резервы, чтобы выравнять положение у Реймса и на Марне, что он уже, конечно, и не помышляет об атаке в этом районе. Бдительность падает... Войска убаюканы ложным ощущением полной безопасности... они себя чувствуют почти как на отдыхе...
>
> И вдруг эта идиллия нарушена неожиданной атакой неприятеля... она, как молния, прорезает утренний туман. Мне рассказывали, что, когда началась эта атака, многие из бойцов уже успели уйти на полевые работы.
>
> ...Впереди атакующих шел авангард из многих сотен танков, и, повидимому, танков новой системы, маленьких и очень подвижных. Продвинувшись, они образовали прикрытие для пулеметов, и в минимальное время создалась такая картина, что наша линия фронта оказалась прорванной в бесчисленных точках, и наши люди дрались просто-напросто за собственную шкуру, тогда как их тыл уже находился под пулеметным огнем противника. Никто не знал в точности, что́ именно происходило... Но войска поняли, что они окружены, и люди потеряли головы... это очень заразительная вещь. Всюду, где неприятель продвигался, он обходил с фланга еще сопротивляющиеся части, расширяя в обе стороны брешь, которую он уже пробил в нашей линии. Со всех сторон надвигались непрерывной атакующей лавиной французы и американцы... и положение становилось все более и более серьезным» *.

Французский прорыв создал угрозу германским войскам в марнском «выступе», и после непродолжительной упорной борьбы Людендорф должен был отступить на линию р. Вель. Он с величайшим трудом сумел высвободить свои основные силы, зажатые в «выступе», оставив нам 25 тысяч пленных и большое количество орудий и другого военного материала.

---

* *Karl Rosner*, The King, *passim*.

Интересно отметить, что генерал фон Кюль, подводя итоги последнему германскому наступлению, объясняет неудачу немцев отсутствием внезапности в их действиях и тем единством в командовании, которое уже было достигнуто в то время союзниками. Он указывает:

> «Фош перебросил приблизительно восемь дивизий французских войск с фландрского сектора на французский фронт. Надо думать, что Хейг был очень этим обеспокоен, потому что он знал о резервах, стоявших за армейской группой кронпринца Рупрехта. И все же он должен был отдать четыре английские дивизии на французский фронт и еще четыре послать в район Амьена на Сомме. В результате Фош мог перебросить четыре французские дивизии оттуда на свой правый фланг. Все эти передвижения были закончены задолго до 15-го. Это ясно показало всю важность единства командования в руках генерала Фоша. Если бы не это, вряд ли удалось бы примирить противоречивые интересы англичан и французов» *.

Победа союзников при Вилье-Коттре имела гораздо более значительные результаты, чем неудачи армии кронпринца в ее попытках захватить Реймскую гору. Все изменилось, подуло другим ветром. Гинденбург пишет:

> «Хотя сражение на марнском «выступе» спасло нашу армию от полного уничтожения, которое замышлял неприятель, мы, конечно, нисколько не обманывали себя насчет далеко идущих последствий этой битвы и нашего неизбежного отступления.
>
> С чисто военной точки зрения огромное и роковое значение имел тот факт, что мы уступили противнику инициативу и на первых порах не имели сил вернуть ее себе. Мы должны были ввести в дело большую часть тех резервов, которые предназначались для наступления во Фландрии. *Это значило, что мы лишались надежды нанести давно задуманный решительный удар английской армии.* Неприятельское верховное командование было сковано этой угрозой во всех своих планах; теперь оно освобождалось от этой заботы. Более того, английские армии в итоге боев на марнском «выступе» освободились от того морального гипноза, которым мы обволакивали их в течение многих месяцев. Можно было ждать, что командование неприятеля использует теперь полностью и всеми средствами эту перемену в обстановке, которой оно не могло не сознавать. У противника были очень благоприятные перспективы, поскольку, вообще говоря, наша линия защиты была теперь уже недостаточно сильна и удерживалась не совсем полноценными войсками. К тому же, эта линия значительно удлинилась с весны и стала, таким образом, стратегически более уязвимой» **.

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 177, 178.

** Von *Hindenburg*, Out of My Life, p. 385.

Интересно отметить также, какое впечатление произвели на старого прусского ветерана американцы.

> «Можно было, конечно, считать, что и неприятель тяжко пострадал во время последних боев. Между 15 июля и 4 августа 74 неприятельских дивизии, в том числе 60 французских, понесли серьезные потери, тогда как английские армии фактически не вводились в бой в течение нескольких месяцев. В этих условиях неуклонно прибывавшие американские подкрепления должны были представлять для неприятеля особую ценность. Даже если подкрепления еще не вполне отвечали современным требованиям с чисто военной точки зрения, количественное превосходство само по себе имело на данной стадии особое значение, поскольку наши части понесли столь тяжкие потери.
>
> Впечатление от нашего поражения у нас в тылу и в странах наших союзников, судя по первым отзывам, было еще серьезнее. Сколько надежд, лелеемых в течение многих месяцев, было разрушено одним ударом! Сколько планов и проектов разлетелось в прах!» *.

Людендорф подтверждает это впечатление, которое нашло свое выражение в мемуарах его шефа:

> «Наши попытки склонить народы Антанты к миру силой германского оружия до прибытия американских подкреплений окончились крахом. Стремительный напор нашей армии оказался недостаточным, чтобы нанести неприятелю решающий удар до момента появления американцев на поле битвы в достаточно больших количествах. Мне стало ясно, что наше общее положение отныне очень серьезно.
>
> К началу августа мы приостановили наступление и перешли на оборонительное положение по всему фронту» **.

Гинденбург и Людендорф понимали, что это было не проигранное сражение, а проигранная война. Это было начало конца. Еще раз приведу живое и красочное описание этой битвы — одной из величайших решающих битв в истории, — данное Карлом Роснером в его уже цитированной книге.

> «*Конец*... Гигантская мрачная пропасть, от которой он (кайзер) так упорно отводил глаза весь этот день, теперь открылась перед нами. Ужас, только ужас маячил впереди: армии, которые уже бегут врассыпную домой; страшное разочарование масс, истерзанных нуждой и лишениями... Ужас, спущенный с цепи. Красная гибель миллионов людей, доведенных до бешенства, людей, которых обманули, пообещав им победу..., победу, которой они ждали так долго...» ***.

* Von *Hindenburg*, Out of My Life, p. 386.
** *Ludendorff*, My War Memories, p. 677.
*** *Karl Rosner*, The King, p. 215.

Германская армия истощила свои резервы. Ее потери были так велики, что пришлось расформировать 10 дивизий и перераспределить их пехоту между другими частями. То, что оставалось, было уже недостаточно сильно ни в количественном, ни в качественном отношении, чтобы позволить Людендорфу возобновить наступление на каком-либо участке фронта. Оказалось, что этих сил уже недостаточно и для того, чтобы отстоять германские линии от увеличившихся и пополненных свежими силами армий Антанты. Немцы поняли, что игра проиграна. Надо отдать должное их армиям: немецкие армии сумели внушить союзникам такое ощущение своего превосходства, что ни один из командующих генералов Антанты, за исключением Фоша, еще не сознавал благоприятных возможностей новой ситуации.

Трудно переоценить — и было бы неблагородно и несправедливо недооценивать — ту роль, которую сыграла американская армия в этом поразительном повороте военного счастья в сторону Антанты. Американцы участвовали в этом сражении своими всеми дивизиями, которые равнялись по численности двадцати французским. Они дрались с отчаянной отвагой и мужеством и принесли существенную помощь в борьбе за победу на марнском «выступе». Были и другие американские дивизии, которые держали другие участки союзного фронта, а несколько дивизий находились в резерве. Формировались новые дивизии из десятков тысяч американцев, которые уже высадились во Франции; десятки тысяч уже двигались к нам на выручку по морям и океанам, сотни тысяч проходили военное обучение в Америке, а за ними стояли еще миллионные резервы. Немцы, хотя и невысоко расценивали их боеспособность ввиду недостаточной военной квалификации офицеров и рядовых, охотно отдавали американцам должное за их отвагу и бесстрашие. Немцы слишком хорошо знали, что такой человеческий материал, когда он приобретет некоторый боевой опыт, даст прекрасные кадры. Немцы уже наблюдали этот процесс и дорого за это заплатили, когда Британия бросила так щедро на поля сражения во Франции и во Фландрии своих совсем еще «сырых» новобранцев. С другой стороны, истощенным армиям центральных держав неоткуда было брать новые свежие силы. В таких условиях самый факт получения подкреплений одной из борющихся сторон имеет такое моральное значение, что он неизбежно предопределяет конечный исход. Храбрые дуэлянты уже в течение долгого времени наносили друг другу ожесточенные удары. Силы обоих противников постепенно иссякали. Один из них решает напрячь последние остатки своих сил, чтобы отчаянным ударом добиться решения, прежде чем сам рухнет наземь. В это время другой, также уже истекающий кровью, получает свежую кровь путем переливания из вен мужественного и сильного юноши, который только что пришел к нему на помощь. Результат ясен.

После этого сражения боевой дух германской армии был окончательно сломлен. Вплоть до конца некоторые германские части дрались с отчаянной отвагой, и упорство, проявленное ими в этой борьбе, подтверждается теми огромными потерями, которые понесли

британские, французские и американские наступающие войска. Но германская армия как целое после битвы при Реймсе уже ни разу не показала примеров той стойкости, к которой привыкли ее противники за четыре года непрерывной борьбы. Даже храбрейшие люди не могут драться с обычным своим упорством, когда они в глубине души уже знают, что никакие усилия и жертвы с их стороны не спасут их от поражения. Если в придачу к этому тягостному сознанию, они еще устали и измотаны беспрерывной борьбой, тогда падают самые стойкие.

Контрудар Фоша 18 июля положил конец всем германским надеждам на еще одно большое наступление центральных держав. Подул другой ветер. 22 июля армейская группа кронпринца Руппрехта, стоявшая против британского фронта, получила приказ перейти на оборонительное положение и передать свои предназначавшиеся для «хагенской» атаки резервные дивизии, отчасти на пополнение армейской группы германского кронпринца, отчасти для того, чтобы сменить истощенные дивизии на других участках фронта.

Начиная с апреля основные операции вела французская армия. Требовалось некоторое время, чтобы она оправилась и пополнила свои потрепанные дивизии, прежде чем возобновить наступление. Но в том и состояла тактика Фоша, чтобы не дать немцам притти в себя после только что полученного удара. Кроме того, он не хотел дать немцам времени построить новые укрепления на тех линиях, к которым они подошли после своего продвижения в марнских «выступах». Тактика, которую он в июне с такой актерской наглядностью продемонстрировал г. Бальфуру в Версале, теперь должна была быть применена в действии.

С момента своего назначения верховным главнокомандующим Фош разрабатывал и планировал большое наступление союзников; отдельные неудачи и срывы заставляли его откладывать выполнение своего плана, но ни разу не изменили его решения провести этот план в жизнь. Это был план кампаний, набросанный им в его знаменитом меморандуме от 1 января 1918 г., который был тогда временно провален, в результате сопротивления двух главнокомандующих. Как только Фош увидел, что его контратака в Вилье-Коттре удалась, он составил меморандум, в котором изложил свои предложения; этот меморандум был представлен командующим союзных войск на военном совете 24 июля. Фотостатическая съемка этого чрезвычайно важного документа находится передо мной сейчас, когда я пишу эти строки; к этому меморандуму приложено собственноручное сопроводительное письмо Фоша к Хейгу.

В начале своего меморандума Фош указывает, что его контрудар не только остановил пятое германское наступление, но и превратил его в германское поражение. Надо было использовать это поражение. Надо было использовать это поражение не только в самой Шампани, но и в гораздо более широком масштабе. Союзники теперь имели равные с неприятелем силы по числу батальонов и бойцов, а в отношении резервов даже превосходили его.

«Более того, все донесения сходятся на том, что неприятель вынужден теперь иметь две армии: одна — оккупационная армия, обреченная, никак не пополняемая, давно уже бессменно находящаяся на позициях; а за этой очень непрочной «фасадной» армией маневрирует другая армия — армия наступления. Германское верховное командование все свое внимание расточает на эту вторую армию, но и она уже жестоко потрепана за последнее время».

У союзников было, кроме того, бесспорное превосходство над неприятелем в отношении аэропланов, танков и артиллерии. Это превосходство беспрерывно возрастало, поскольку в ряды союзников вливались новые американские силы по 250 тысяч человек в месяц, а тот факт, что немцы были оставлены и разбиты, давал нам отныне еще и моральное превосходство.

«Наступило время, когда мы должны отказаться от оборонительной тактики, которая диктовалась нам до сих пор нашим количественным отставанием, и перейти к наступлению».

В своем меморандуме Фош предусматривал две стадии этого наступления. На первой стадии союзники производят серию атак на различные важные секторы фронта. Эти атаки выполняются быстро одна за другой при помощи тех сил, которые союзники могут собрать для этой цели в данный момент. Все это только подготовка ко второй стадии, когда будут обеспечены хорошие позиции для маневрирования, и соотношение сил изменится еще больше в нашу пользу.

Для начальной стадии Фош намечал две серии операций. Первая серия должна была освободить боковые железнодорожные сообщения вдоль всего фронта союзников. Она заключала три наступления:

«а) Освобождение линии Париж—Аврикур в округе Марны. Это — минимальный результат, который должен быть достигнут данным наступлением.

б) Освобождение линии Париж — Амьен путем совместных операций британской и французской армий.

в) Освобождение линии Париж — Аврикур в округе Коммерси путем ликвидации сен-мигиельского «выступа». Эта операция должна быть подготовлена безотлагательно и выполнена силами американских армий, как только они будут иметь все необходимые средства в своем распоряжении».

Сен-мигиельская операция, как указывал Фош в примечании, позволит союзникам предпринять в широком масштабе операции между Маасом и Мозелем, а «это может нам когда-нибудь понадобиться». По всему видно, что Фош не преуменьшал возможных размеров своего наступления.

Вторая серия этих предварительных операций включала атаку в южной части фландрского фронта, чтобы отвести угрозу, нависшую над угольными округами Бетюна; другая атака в северной части

фландрского фронта должна была окончательно отбросить неприятеля от Дюнкирхена и Кале.

> «Как уже было сказано выше, эти операции должны быть проведены с короткими интервалами, чтобы затруднить противнику переброску резервов и не дать ему времени для реорганизации своих частей.
>
> Они (т. е. союзные наступающие части) должны быть снаряжены всем необходимым, чтобы обеспечить безошибочный успех операций.
>
> Они должны, наконец, во что бы то ни стало добиться полной внезапности атаки. Последние операции показали, что это необходимое условие успеха».

Фош тогда еще не мог точно указать сроков окончания операций первой стадии. Он, однако, указывал в своем меморандуме, что

> «есть основания ждать в конце лета или в начале осени такого важного наступления, которое увеличит наши преимущества над неприятелем и не даст ему никакой передышки».

Эта схема показалась неприемлемой французскому и британскому главнокомандующим. Вот что пишет об этом французский военный писатель, который располагал исчерпывающей информацией о том, что происходило на конференции:

«Этот меморандум по размерам и числу предусмотренных атак сразу же вызвал возражения собравшихся. *Хейг и Петэн ссылались на то, что их армии устали; Першинг — на то, что его армии не имеют достаточного боевого опыта.* Ни один из главнокомандующих не выразил, однако, своего отказа в категорической форме; они были убеждены, что события заставят верховного главнокомандующего союзными армиями ввести свой план в рамки их собственных построений» *.

Петэн, в частности, в своем письменном ответе от 26 июля заявлял, что атака на сен-мигиельский «выступ» вместе с атакой на армантьерский «мешок» составляет задачу именно того «*важного наступления*», которое намечается на конец лета или начало осени; это наступление «*истощит, вероятно, все французские ресурсы на 1918 г., но это будет сделано во имя результата, который будет достаточно важен и обширен*». Последняя фраза очень двусмысленна. Фош отмечает в своих мемуарах, что на военном совете 24 июля и Хейг и Петэн были поражены смелостью его плана, широтой охвата и тем количеством операций, которые по этому плану предусматривались. Петэн спустя два дня послал письмо Фошу. «Самое большое, что мы сможем сделать в 1918 г., — писал он, — это провести атаку на сен-мигиельский выступ и очистить армантьерский «мешок».

Даже Фош в июле еще не предвидел, что мы в 1918 г. покончим с войной: и он считал, что заключительный удар будет нанесен неприятелю в следующем году. Поскольку речь идет о военном поло-

---

* Général *René Tournès*, Histoire de la guerre mondiale, v. IV. p. 193.

жении на западном фронте, это было, повидимому, вполне здравым взглядом на вещи. Но наши победы на Балканах и в Палестине, которые заставили Болгарию и Турцию выйти из войны, подавляющее действие нашей блокады на моральное состояние Германии и Австрии, результаты стратегии Фоша, — все это привело войну к развязке гораздо раньше.

2. МЕМОРАНДУМ ВИЛЬСОНА

Точка зрения британского военного командования была представлена английскому кабинету сэром Генри Вильсоном сначала в виде устного доклада о последствиях германского поражения, а затем в форме письменной «оценки» положения, датированной 25 июля.

Сначала о его устном докладе кабинету.

19 июля, когда военный кабинет получил сообщение о германском наступлении и о полном успехе последовавшего затем контрнаступления Фоша, я сразу почувствовал значение этого события. Начальник имперского генерального штаба, однако, никак не разделял моего оптимизма. Он считал, что единственная задача германского наступления у Реймса заключалась в том, чтобы заставить союзников оттянуть свои резервы с севера; он цитировал телеграмму из главной квартиры Петэна, которая подтверждала это мнение. Зная привычку Вильсона ставить себя на место неприятеля и рассуждать с его точки зрения, я попросил его представить кабинету оценку военного положения с точки зрения немцев. Он ответил, что неприятель мог бы сказать следующее:

> «Я произвел атаку на большом фронте немногими дивизиями, для того чтобы оттянуть к Реймсу главные французские резервы. Это мне удалось, и поэтому я не жалуюсь на результаты. Что касается французского контрнаступления, то оно меня радует. Я готов отступить на некоторых участках, если я тем самым ввожу в дело союзные резервы; я буду вести арьергардные бои, а затем атакую неприятеля выше к северу — тогда, когда мне это будет удобно. Конечно, мне бы очень не понравилось, если бы они могли меня отрезать. Однако резервы армии кронпринца как будто достаточно сильны, для того чтобы сделать такой успех противника совершенно невозможным».

Тем не менее я был убежден, что мы в развитии этой кампании достигли новой и гораздо более многообещающей стадии. Вот почему я попросил сэра Генри Вильсона подготовить для нас подробный обзор военного положения, для того чтобы кабинет мог уяснить себе влияние второй победы на Марне на это положение. Прежде чем приступить к этому делу, Вильсон пожелал проконсультировать сэра Дугласа Хейга. 21 июля он поехал к сэру Дугласу Хейгу, чтобы выяснить его мнение о военном положении и перспективах. В результате этой консультации я получил от Вильсона замечательный

документ, озаглавленный «Военная политика Великобритании в 1918—1919 гг.». В этом документе Вильсон подробно излагал свою оценку военного положения и перспектив — в назидание британскому правительству, главным военным советником которого он был в то время. Оценивая перспективы западного фронта, он говорил также о том, что́ может быть достигнуто на вспомогательных фронтах; давал свои советы по поводу тех задач, которые мы должны перед собой ставить; высказывался о том, как мы должны распределять наличные силы в ближайшие 12 месяцев. Он сообщал даже свои предсказания о том времени, когда мы сможем возобновить наступление против немцев, и указал, чего, по его мнению, мы могли бы достичь в этом случае. Он не только побывал во Франции и обсудил военное положение совместно с главнокомандующим фельдмаршалом Хейгом, но ему было известно также мнение Петэна о перспективах 1918 г., и те сообщения, которые он получил из главной квартиры Петэна уже после битвы у Реймса, показывают, что этот выдающийся французский генерал не увидел в этом событии ничего такого, что заставило бы его изменить свой прогноз. Более того, в Версале Вильсон имел даже возможность собрать информацию у военных экспертов, которые там находились в это время. А в военном министерстве он имел в своем распоряжении всю военную информацию, которую штаб по самому смыслу вещей должен был получать со всех фронтов и от наших очень искусных тайных агентов. Если учесть все это, то придется признать его «оценку» — поскольку она касается перспектив западного фронта — не только личным мнением весьма умного, но склонного иногда к ошибкам офицера, но и своего рода сводкой всей военной мудрости, которую он смог почерпнуть в военном министерстве, в британском генеральном штабе и во французском генеральном штабе.

Если рассматривать документ Вильсона с этой точки зрения, он покажется удивительным произведением. Дух захватывает, когда читаешь эту «оценку» сейчас, спустя много лет; поражает дикое несоответствие действительности и полное непонимание положения. И в «оценке» фактов, и в предсказаниях Вильсон ошибался, чудовищно ошибался.

Хотя начальник имперского генерального штаба предварительно снесся по этому поводу с сэром Дугласом Хейгом, посетил его в его главной квартире, где он обменялся с ним мнениями по поводу военного положения и перспектив, Хейг впоследствии выразил полное презрение к вильсоновскому меморандуму в его окончательной форме. Ему не нравилось многословие Вильсона и очень смелые «полеты» его мысли в дальневосточном направлении. И все же нет сомнения, что этот документ отражал взгляды британского главнокомандующего на положение западного фронта после германского поражения в июле. Приведенная мною выше выдержка из книги генерала Рене Турнес подтверждает такое понимание позиции Хейга.

Меморандум Вильсона датирован 25 июля. Он написан, таким образом, уже *после* германского наступления у Реймса 15—17 июля

и *после* великого контрудара Фоша 18 июля, когда он разнес германский «выступ» и заставил немцев отступить от Марны. Немцы так были ослаблены потерями и так были обескуражены своим поражением в Шампани, что должны были уже окончательно оставить надежду на какие-либо большие наступления на западном фронте; они переводили весь свой фронт на оборонительное положение. Когда Вильсон писал свой документ, Австрия уже распадалась на части, болгарская армия уже почти совсем разложилась, а от турецкой армии сохранились только жалкие остатки.

Запомним все это и посмотрим, какую информацию и какие советы мог дать наш главный военный советник своему правительству в результате долгих консультаций с генеральным штабом.

В начале своего меморандума Вильсон обозревает последствия сражения в Шампани. Он правильно отмечает, что германское наступление было нейтрализовано.

> «Можно сказать, что в результате этих операций немцы потеряли инициативу *на данном участке фронта и что угроза Парижу значительно уменьшилась»* *.

Вильсон утверждал далее, что у принца Рупрехта на фландрском фронте резервы еще не тронуты. Время, говорил он, покажет, осуществится ли это наступление сейчас же или оно будет отложено до того, как неприятель соберет и реорганизует возможно больше дивизий после своих неудач на юге. Сведения, полученные во время военных действий, показывали, что германские роты во многих случаях не укомплектованы полностью.

На самом же деле, неудачи в Шампани имели для немцев гораздо более серьезные результаты. Людендорф говорил об этом так:

> «Серьезное ослабление восемнадцатой армии и правого крыла девятой... нам приходилось компенсировать подкреплениями. Эти подкрепления мы могли получить только от армейской группы кронпринца Рупрехта... Генеральный штаб решил поэтому совсем отказаться от фландрского наступления.
>
> Армейская группа Рупрехта должна была перейти на оборонительное положение и отдать свои резервы для усиления восемнадцатой, девятой и седьмой армий...» **.

Другими словами, сражение в Шампани имело своим непосредственным результатом то, что давно задуманное фландрское наступление было отменено, а резервы принца Рупрехта вовсе не остались нетронутыми, а были переброшены для усиления разбитых армий на юге.

Указание Вильсона о том, что неприятельские части укомплектованы не полностью, поистине, не было преувеличением. Я приводил в другой главе свидетельство генерала фон Кюля о численном составе германского батальона в описываемое время, которое показы-

* Курсив мой. — *Лл. Дж.*
** *Ludendorff*, My War Memories, v. II, p. 674.

вает, что он был гораздо слабее, чем это представлял себе Вильсон. Численность германских батальонов и рот была в то время более чем наполовину ниже обычной. Легко понять поэтому, что когда в наши ряды стали вливаться широким потоком американцы, а немцы уже не могли поддерживать состав своих частей на прежнем уровне, военное счастье передвинулось круто в сторону союзников и фронт союзников повернулся лицом к победе.

Запомним эти факты и посмотрим, как оценивает Вильсон перспективы кампаний на последние месяцы 1918 г.

Он подразделяет все варианты, которые он считает реальными, на пять групп. Наиболее благоприятные для союзников из тех, какие он смог придумать, идут вначале, а за ними в порядке возрастающих бедствий для союзников — остальные. Эти пять вариантов следующие:

> «1. Может случиться, что германское наступление будет остановлено, прежде чем будет достигнуто какое-либо стратегическое решение; это заставит союзные армии в активном взаимодействии удерживать линию от Северного моря до Швейцарии, прикрывая порты Ламанша и Париж.
>
> 2. Британская армия может быть вынуждена оставить порты Ламанша:
>
> а) либо в результате успешного германского наступления на британском фронте;
>
> б) либо для того, чтобы не потерять связь с французами и американцами к югу от Соммы.
>
> 3. Неприятель может захватить Париж или создать для него такую эффективную артиллерийскую угрозу, что мы не сможем пользоваться рельсовыми путями через этот город и должны будем остановить важнейшие военные заводы, которые сосредоточены в его окрестностях.
>
> 4. Неприятель может окончательно оторвать британскую армию от французской, отбросив первую к позициям, прикрывающим порты Ламанша, а последние — на юг.
>
> 5. Неприятель может создать прорыв на том или ином участке фронта к востоку от Парижа, разрезать французскую армию на две, что повлечет за собой возвращение к условиям открытой полевой войны».

Стоит отметить, что наступление союзников не фигурирует здесь вовсе, даже как одна из возможностей. Совершенно ясно, что тот «моральный гипноз», о котором говорил Гинденбург, все еще держал в плену наших военных руководителей.

Вильсон рассуждает дальше о том, что случилось бы, если бы осуществилась та или иная из этих возможностей. Любая из последних двух означала бы решительное поражение французов и очень серьезные потери для англичан и американцев:

> «...Третий вариант имел бы, вероятно, такие серьезные политические и экономические результаты, что французская

сопротивляемость была бы сломлена. Но даже если французы вынуждены будут заключить мир, Британская империя и Америка смогут еще продолжать эффективную морскую и экономическую войну, хотя отход их войск из Франции будет очень нелегким делом и потребует, вероятно, больших жертв. Мы должны будем тогда использовать все наши военные возможности и приналечь на восточном фронте, равно как и в Месопотамии и Палестине. Результаты, которые могут быть этим достигнуты, почти полностью зависят от того, какие фактические размеры примет к этому времени союзная интервенция в Сибири.

...При втором варианте, т. е. при потере портов Ламанша, союзники смогут еще продолжать операции во Франции, хотя и с большими для себя неудобствами, которые будут обусловлены новой неблагоприятной морской обстановкой. Нашему положению будет угрожать не только необеспеченность сообщений через Ламанш и фактическое прекращение движения в Лондонский порт, но и неблагоприятные перемены в обстановке подводной войны в Атлантике. Это, вероятно, значительно снизит количество сил, которые Америка будет держать во Франции. Это тем более вероятно, что в то время создается уже довольно значительный излишек американских войск против того числа, которое Америка может доставить во Францию и держать там. Этот излишек может быть с пользой применен на дальневосточном фронте, если фронт этот к тому времени будет воссоздан».

Американцам будет интересно узнать, что в июле 1918 г. намечался такой план: если их войска в результате какого-нибудь несчастья будут отрезаны от Франции, они должны быть переброшены на Дальний Восток для укрепления сибирского фронта. Это, вероятно, один из тех полетов вильсоновской фантазии, которые Хейг в своем дневнике характеризует как «вздор Вильсона». В целом, однако, Вильсон хочет надеяться, что осуществится первый вариант, и в этом случае:

«...германское наступление будет остановлено. Оно не даст германцам никаких серьезных стратегических результатов. Основной заботой союзников в этот момент будет обеспечение наших линий во Франции хотя бы в такой мере, чтобы мы могли не беспокоиться за наши позиции. Все это позволит нам в последующий период отдать все силы для подготовки решающей фазы борьбы, а также даст нам возможность, в случае необходимости, перебросить часть наших войск на другие театры войны, не подвергая себя серьезной опасности».

При этих наиболее благоприятных обстоятельствах Вильсон надеется в 1918 г. в результате целой серии небольших местных операций выправить нашу линию, отогнав немцев несколько дальше от

портов Ламанша, от угольного бассейна Бриэ, от Амьена и Парижа; на большее он не надеется. Но и это потребует «активного сотрудничества до поздней осени каждого бойца и каждого орудия, которое мы сможем выставить на поля сражения». В этом случае, конечно, не может быть и речи об укреплении какого-либо другого союзного фронта для подготовки новых наступлений вне пределов Франции.

Вдохновленный этими видениями, Вильсон благополучно приводит нас к осени и дает все-таки надежду на то, что не случится ни одно из четырех бедствий, изображенных в вариантах от 2-го до 5-го. Во второй части своего меморандума Вильсон переходит к обсуждению проблем того «подготовительного периода», который, по его предположениям, должен будет тогда наступить.

Теперь расцветают его надежды на «завершающее военное усилие» союзников. Когда дело доходит до этого, он заявляет:

> «Первый вопрос, который сейчас возникает: когда должно быть сделано это последнее решающее усилие? Другими словами, можно ли будет это сделать в 1919 г. или придется ждать до 1920 г.?»

Он переходит к рассмотрению будущего соотношения сил союзников и неприятеля. Исходя из того, что немцам уже сейчас нехватает 200 тысяч до полного комплекта, что они не смогли завербовать в свои ряды сколько-нибудь значительное количество русских, предположив, с другой стороны, что американцы выполнят все свои обещания, — он выражает надежду, что нынешнее количественное отставание союзников (он оценивает это отставание в 30 тысяч бойцов) может смениться к июлю 1919 г. превосходством союзников на 400 тысяч человек или даже больше. В соответствии с этим он приходит к заключению, что союзники могут начать наступление *в июле 1919 г.* Он рассуждает также о том, нельзя ли отложить это наступление до 1920 г., но сам проваливает это предложение на том основании, что Англия устала от войны, Франция и Италия истощены, а Соединенные штаты проявляют нетерпение. Он боится, что будет трудно дотянуть даже до избранной им даты, потому что «весь военный энтузиазм уже испарился» и откладывать наступление дальше значило бы дать немцам время эксплоатировать огромные ресурсы России. Поэтому он заявляет:

> «Говорю без колебаний, что в качестве даты нашего окончательного и последнего военного наступления на западном фронте мы должны наметить 1 июля 1919 г. и никак не более поздний срок».

О возможных результатах этого наступления он выражается очень осторожно. Наше количественное превосходство:

> «. . .при условии максимальной механизации, полного использования всех ее ресурсов и правильного руководства

со стороны нашего единого командования *дает нам серьезные шансы на достижение существенных военных успехов*».

Когда я получил этот документ в июле 1918 г., я против этого утверждения на полях сделал отметку: «Что это значит?»

Перечитывая сейчас этот меморандум, я продолжаю удивляться.

Помню еще, что против вильсоновского указания о нашем отставании от центральных держав на 30 тысяч винтовок я написал тогда:

«Не верю этому! Это основано на старом и ложном предположении, что германские дивизии укомплектованы полностью».

В то время союзники в результате прибывавших американских пополнений уже имели несомненное количественное превосходство над центральными державами. Но наше верховное командование качнулось от беспечного оптимизма осенью 1917 г., когда оно безмерно преувеличивало потери и слабость неприятеля, в сторону столь же ошибочного пессимизма, который заставлял его преувеличивать силы врага.

Отложив наступление союзников до июля 1919 г., Вильсон сейчас же делает резонное замечание, что и неприятель будет в это время что-то делать. Поэтому он спрашивает, как мы сможем ему помешать.

Он заявляет, что *«в течение этого периода немцы не будут иметь повода для беспокойства о своем военном положении во Франции, несмотря даже на то, что они утратят свое количественное превосходство. Они смогут даже, если захотят этого, перебросить значительные силы для операций на других театрах войны»*.

После этого начинаются самые удивительные взлеты вильсоновской фантазии. Всякий, кто знает Хейга, не станет возлагать на него ответственности за эти пророчества. Конечно, это чисто вильсоновские пророчества.

Он считает, что немцы смогут перебрасывать на итальянский фронт по 14 дивизий в месяц, пока не накопят там 93 дивизий. Они смогут также послать 12 дивизий на салоникский фронт. Им будет труднее послать значительные пополнения на палестинский и месопотамский фронты, но они могут организовать постоянную базу в Баку и оттуда контролировать железные дороги в Закавказье вплоть до границ Афганистана, создавая таким образом угрозу северо-западной границе Индии.

Все эти авантюры в далеких странах должна была совершать страна, которая не могла уже найти достаточно людей, чтобы защищать свои собственые границы. Вильсон, впрочем, сам выдвигает конкретные предложения по борьбе с собственными ночными кошмарами. В течение осени и зимы 1918 г. мы должны, по его мнению, послать несколько дивизий на зимовку на итальянский фронт, чтобы они могли отразить возможное германское наступление; для этой цели мы должны предварительно улучшить железнодорожное сообщение между Францией и Италией. Наступление на салоникском фронте несколько менее вероятно, но он считает наше положение

на этом театре войны очень слабым и уже предвидит для союзников необходимость оставить Салоникский порт с тяжелыми потерями. Он рассуждает о возможности наступления союзников на этом фронте весной 1919 г., но приходит к заключению:

«В общем я против какого-либо наступления в данный момент на Балканах и рекомендую сократить численность британских войск на этом театре войны до минимума путем постепенной замены их индийскими частями возможно более быстрыми темпами. Освободившиеся таким образом войска будут нуждаться в продолжительном отдыхе после долгого пребывания в этой пораженной лихорадкой стране, прежде чем они смогут отвечать тем суровым требованиям, которые предъявит к ним будущая кампания во Франции».

Из этой записи не видно, чтобы автор представлял себе хоть в малейшей степени, какое мощное подкрепление получили на этом фронте союзники благодаря вступлению в строй греческой армии: он даже не подозревает, что именно на этом фронте через два месяца союзники отметят первый из своих окончательных триумфов, что здесь будут разбиты болгары в таком стиле, что они вынуждены будут выйти из войны, а Людендорф должен будет просить о перемирии.

Что касается палестинского фронта, на котором уже скоро должен был иметь место второй из триумфов союзных войск, то Вильсон на основе докладов Алленби приходит к выводу, что мы сможем продвинуться максимально до линии Тивериада — Акра и что это, мол, не будет иметь важного стратегического значения. Если немцы дадут туркам весной 1919 г. подкрепления для палестинского фронта, то и нам придется перебросить туда подкрепления, которые будут нам нужны для Франции. Как смогут немцы, далеко не имея достаточных сил на западном фронте, выделить из своих скудных ресурсов еще какие-то потрепанные части для Палестины, — этого он не объясняет. Во всяком случае он считает, что стратегическое значение Алеппо, даже если бы нам удалось взять этот город, теперь уже значительно меньше, потому что неприятель сможет двинуться через Кавказ против Персии и Индии.

Все это заставило его перенести свое внимание на единственный театр военных действий, где, по его мнению, могут быть предприняты значительные операции зимой 1918—1919 гг.: этот театр — Месопотамия! Одержимый старыми предрассудками военных кругов относительно уязвимости северо-западной границы Индии, Вильсон уже видит, как германцы пробивают себе дорогу через Каспийское море, разоряют Персию и пересекают Афганистан, чтобы совершить злое дело над Индией. И не в отдаленном будущем, — нет, а в 1919 году! В соответствии с этим он именно здесь намечает британское наступление; и характерно, что именно здесь он готов признать за нами количественное превосходство над неприятелем, превосходство настолько значительное, что оно даже может показаться

чрезмерным. Замечательно, с каким постоянством колеблются суждения нашего штаба об отставании и превосходстве в зависимости от его желания или нежелания начать или продолжить наступление на том или другом театре войны. В Месопотамии, заявляет Вильсон:

> «. . .наше военное положение не дает оснований опасаться прямой атаки противника в ближайшем будущем, потому что мы имеем здесь большое превосходство над турецкими силами — настолько большое, что борьба стала бы для противника стратегической нелепостью. Это превосходство составляет 73 тысячи винтовок или 115 тысяч бойцов».

Поэтому он рекомендует нам вторгнуться в Северную Персию. Это даст возможность охватить прочным поясом Каспий и не позволит немцам двинуться на Индию. Это единственная операция для всех фронтов, кроме западного, которую Вильсон признает желательной в период между июлем 1918 и летом следующего года.

Третья часть его доклада посвящена великому сражению в июле 1919 г., которое и должно явиться завершающим военным усилием союзников. Тогда еще рано было излагать тактические планы этой кампании. Вильсон поэтому ограничивается предложением о сокращении числа наших дивизий в течение зимы для полного их укомплектования, улучшив их снабжение артиллерией, пулеметами и танками (последними за счет кавалерии), и о возвращении возможно большего числа британских дивизий в Европу из «внешних театров». Он предлагает возвратить все белые войска из Салоник и 54-ю дивизию из Палестины. Мы уже видели, что победа, которую он обещал нам в результате всего этого, определялась им весьма туманно.

В заключительной части своего меморандума начальник имперского генерального штаба расправляет свои крылья во всю ширь и дает нам обзор положения Британской империи после войны.

Он не высказывает своего мнения о том, должны ли мы возвратить Германии ее колонии, но он твердо знает, что мы должны сохранить наши железнодорожные узлы в Палестине и Месопотамии и кроме того держать в своих руках линию от Багдада к Каспийскому морю. Дело в том, что:

> «. . .мы будем иметь после войны на наших дальних границах гораздо более грозного врага, чем тот, с которым мы имели дело раньше. Нам придется максимально напрячь силы, чтобы сохранить неприкосновенность наших границ».

Вильсон не может отделаться от мысли о Кайберском проходе *. Он предостерегает нас:

---

* Важнейший из горных проходов, ведущих из Афганистана в Раджпутану (Индия). В литературе английского империализма «Кайбер» является символом опасности, угрожавшей Индии с севера. «Через Кайберский проход хлынет в Индию войско русского царя» (ср. у Киплинга). — *Прим. перев.*

«Мы должны помнить, что в будущей войне мы должны будем бороться с Германией самостоятельно, без чьей-либо помощи, тогда как она будет иметь Турцию и, возможно, часть России, если не на своей стороне, то по крайней мере в сфере своего влияния. При таких обстоятельствах Германия, не имея никаких особых забот в Европе, сможет сосредоточить большие армии против Египта и Индии на своих сухопутных путях, недоступных для наших военно-морских сил».

Я не имею основания думать, что Хейг сопровождал Вильсона в этих дальневосточных полетах его фантазии. Но есть все данные утверждать, что оценка перспектив, данная начальником имперского генерального штаба, совершенно совпадает с оценкой, данной обоими главнокомандующими — Петэном и Хейгом.

Итак, вот предел военной мудрости, вот все, что мог повергнуть к стопам правительства его главный военный советник после долгих консультаций с нашими главными полководцами на полях битвы. Происходило это в момент, когда ряд германских наступлений на западе окончательно провалился, когда мы уже имели численное превосходство над противником и завладевали инициативой в военных действиях: когда трудно уже было удержать болгар в их окопах перед Салониками, а турки быстро таяли в Палестине; когда австрийцы были отброшены на Пиаве, а народ их уже вопил о хлебе и мире. Вот предел их мудрости: сидите спокойно на западе до июля 1919 г., а тогда возможно будет достигнуть кое-какого полезного военного успеха; вторгнитесь в Северную Персию; продвиньтесь немножко вперед к Палестине; готовьтесь к отступлению в Салониках. Наступление на Австрию не упоминается даже, как одна из возможностей.

То обстоятельство, что этот удивительно пессимистический документ, вышедший из-под пера генерала Вильсона, фактически верно отражал тогдашние взгляды наших военных руководителей, находит очень выразительное подтверждение в высказываниях такого авторитетного лица, как генерал Смутс. Смутс тоже несколько раз в различное время посетил Францию — в последний раз в половине июля 1918 г.; он собрал сведения о военном положении в беседах с Хейгом и начальником его штаба. На заседании военного кабинета 14 августа он излил в прениях те опасения и страхи, которыми его накачали в главной квартире.

Г-н Бальфур излагал наши военные цели. Генерал Смутс под впечатлением столь мрачной оценки военных перспектив, почувствовал себя обязанным произнести предостерегающие слова; это тем более замечательно, что заседание происходило после 8 августа, которое Людендорф назвал черным днем германской армии — в этот день немцы потеряли последнюю надежду на успешное сопротивление союзным войскам. И тем не менее, выступая непосредственно после этой победы, генерал Смутс сделал предварительно несколько замечаний по поводу меморандума Бальфура о целях войны, а за-

тем сообщил нам свой взгляд на военное положение в конце августа:

> «Г-н Бальфур изложил нам здесь наши мирные условия с точки зрения министерства иностранных дел: он исходил из предположения о полном поражении неприятеля. Он (Смутс) не может усмотреть, что программа, основанная на таком предположении, целиком оправдывается нынешней военной ситуацией. Он не допускает, что в течение этого года может произойти что-либо такое, что серьезно изменит существующее положение... Он опасается, что неприятель, медленно уступая нам кое-какие территории на западе, сосредоточит свои силы — главным образом турецкие войска — на востоке... Он опасается, что кампания 1919 г., не дав окончательного решения на западе, ухудшит и сделает опасным наше положение на востоке. Ему очень не хочется думать о 1920 г. Несомненно, что Германия проиграет войну, если война будет длиться достаточно долго. Но стоит ли дожидаться?..»

Это выступление совпадает даже по тону с меморандумом генерала Вильсона; Смутс, очевидно, черпал свое вдохновение из того же источника. Какая ужасная инфекция пропитала весь наш генеральный штаб, если она могла оказать столь сильное действие на умного и мужественного генерала Смутса! И какое это счастье, что правительство не приняло слишком всерьез мнения и советы этих военных экспертов. Если бы мы тогда в самом деле поверили в эти пессимистические прогнозы, мы могли бы почувствовать себя обязанными, в интересах страны, привести войну к поспешному и неокончательному миру, лишь бы не терзать наш народ, затягивая войну до 1920 г.

Никогда нельзя было полагаться на суждения наших военных руководителей о перспективах военного положения. Они, как маятник, беспрерывно колебались между крайним оптимизмом и столь же крайним пессимизмом. Ни то ни другое настроение не имело никакого основания в реальностях военной обстановки. В 1917 г. Хейг был убежден, что даже если Россия уйдет от союзников, если Франция не оправится от своих потрясений, если американцы так и не научатся воевать, — британская армия самостоятельно под его водительством разобьет немцев в 1918 г.

Но уже через несколько недель после этого блестящего предсказания он погрузился в состояние безысходной и мрачной меланхолии. Жоффр и Фош были во всех случаях оптимистами — и часто без достаточных оснований. Петэн, напротив, был неизменно робок и весьма склонен к унынию. Есть ли власть более абсолютная, чем власть командующего большой армией? Но большая власть действует, как алкоголь. В большинстве случаев она возбуждает веселье и увлекает людей за пределы всякой реальности. В других случаях она вызывает тяжкую депрессию. Но и в том и в другом случае она отравляет разум.

5. ГЕРМАНСКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ

В продолжение почти трех месяцев британская армия наслаждалась относительным спокойствием; она за это время восполнила свои потери и улучшила свое снаряжение. Теперь Фош решил, что наступила ее очередь атаковать германские позиции. Существовало два или три варианта. Фош сначала предложил, чтобы Хейг начал свою давно задуманную операцию в южной Фландрии для освобождения территории, прикрывающей Бетюнские угольные копи. Но Хейг к тому времени уже оставил свое увлечение фландрским наступлением и предпочитал Амьен как исходный пункт для марша к победе; Роулинсон утверждал, что в этом секторе перед его армией открываются прекрасные перспективы на успешное наступление. С этим Фош согласился. Хейг первоначально решил вести атаку на фронте протяжением в 8 миль. Но теперь он стал поклонником петэновской стратегии, которая была охарактеризована в «оценке» сэра Генри Вильсона, как «серия операций с ограниченными заданиями, которые имеют целью вынудить немцев к отступлению». Фош не сочувствовал этому предложению и рекомендовал вести атаку на значительно более широком фронте. Это должен был быть один из тех «ударов топором», при помощи которых он надеялся окончательно разгромить германскую армию. Когда Хейг возразил, что он не может собрать необходимых резервов для наступления такого масштаба, Фош спросил его, разве нет войск, которые занимают в настоящее время траншеи по правую и левую сторону от предполагаемого фронта атаки? Тогда Хейг включил в свой план наступления британские дивизии на левом фланге, а французская армия, находившаяся непосредственно справа от расположения его войск, была также поставлена под командование Хейга на время этого наступления. Наш генералиссимус теперь пришел уже к заключению, что германская армия не сможет более сопротивляться решительной атаке отныне победоносных союзников. Последнее поражение лишило немцев нескольких из их лучших дивизий, а остальные их войска впали в уныние. Вся германская армия почувствовала, что победа для нее уже недосягаема.

Из пяти больших операций, которые намечал Фош в своем меморандуме в качестве первой стадии наступления 1918 г., первая — в Шампани — уже проводилась, а проведение второй — на амьенском фронте — было теперь поручено Хейгу. Детали плана были разработаны 26 июля на конференции у Фоша; в ней участвовали Хейг, Роулинсон, французский генерал Дебеней, командовавший первой французской армией, которая должна была участвовать в этом наступлении. После этой конференции Фош послал 28 июля Хейгу два меморандума: в одном он давал ему инструкции по выполнению этой операции, во втором предоставлял ему безраздельное командование британскими и французскими войсками, которые должны были участвовать в этой операции, и просил его начать атаку возможно скорее.

Результаты этой атаки полностью подтвердили предположения Фоша о состоянии германских войск. Союзники еще раз извлекли пользу из нового метода атаки, впервые, хотя и плохо, примененного в Камбрэ: короткая бомбардировка, а за ней стремительное движение большого танкового отряда. Фош применил эту тактику во время атаки в Вилье-Коттре. При подготовке к амьенскому наступлению соблюдалась полная тайна, и когда это наступление началось 8 августа, оно застало немцев совершенно врасплох. К вечеру первого же дня мы захватили от 6 до 8 миль немецких линий. Французы расширили атаку на юг и через два дня отбили Мондидье. За одну неделю было взято 30 тысяч пленных — британская четвертая армия взяла 21 тысячу пленных и потеряла при этом только 20 тысяч человек. Немцы спешно подтягивали подкрепления. Если бы Хейг бросил свою армию в образовавшуюся брешь и преследовал разбитых и деморализованных немцев, не давая им притти в себя, он добился бы еще большей победы. Когда неприятель, смятый и павший духом, еще не успел подтянуть резервы, Хейг не продолжал своего нажима упорно и неуклонно, как это было нужно, и немцы смогли оправиться и перестроить свои ряды. И Гинденбург и Людендорф с благодарностью и удивлением подробно рассказывают об этой столь обрадовавшей их передышке. Гинденбург пишет:

> «. . .К счастью он не представлял себе размеров своего начального тактического успеха. Он не бросился к Сомме в тот же день, хотя мы не могли бы поставить на его пути сколько-нибудь стоящие войска.
>
> После рокового утра 8 августа наступил относительно спокойный день, а за ним еще более спокойная ночь. В это время наши первые подкрепления уже находились на пути к нам» *.

А Людендорф говорит:

> «Положение было необычайно серьезным. Если бы противник продолжал атаку хотя бы даже с обычной силой, мы не могли бы больше удержать наши линии к западу от Соммы» **.

Он уже готовился к дальнейшему отступлению, но, как он выражается, неприятельская атака на следующий день (9-го), «к счастью для нас, не была продолжена с достаточной силой». Дело в том, что британская армия сама не представляла себе размеров и значения той победы, которую она одержала в тот день. Англичане все еще мыслили в терминах прежних наступлений, когда завоевание нескольких километров было пределом мечтаний, а опыт прошлого говорил им, что опасно продвигаться слишком глубоко, так как немцы в таких случаях неизменно перестраивались, подтягивали резервы и очень энергично и искусно переходили в контрнаступление. Англичане все еще не понимали, что теперь перед ними находился не-

* Von *Hindenburg*, Out of My Life, p. 393.

** *Ludendorff*, My War Memories 1914 — 1918, p. 682.

приятель, который уже в очень большой мере утратил прежнюю стремительность и боеспособность. Донесения о сражении, полученные кабинетом с фронта, показали нам, как плохо понимал сам сэр Дуглас Хейг огромное значение одержанной им победы. Площадь захваченной территории была невелика. Эффект победы был моральный, а не территориальный. Он показал в равной мере и друзьям и врагам, что сопротивляемость Германии сломлена. Еще яснее, чем после французского контрнаступления 18 июля, германцы теперь, после британского удара 8 августа, должны были понять, что всякая надежда на победу несбыточна. После поражения в июле немцы, хотя и пришли к заключению, что их наступление окончательно и навсегда провалилось, однако, все еще надеялись реорганизовать свою армию, чтобы создать совершенно неуязвимую линию защиты. После битвы у Амьена они не могли уже сделать и этого. Людендорф признает:

> «8 августа было днем крушения нашей боеспособности. Зная, каковы перспективы нового набора в армию, я окончательно потерял надежду найти какой-либо стратегический ход, который позволил бы нам изменить положение в нашу пользу... Войну надо было кончать».

Он приводит затем поразительные факты, имевшие место во время этого сражения; эти факты и привели его к столь мрачным выводам:

> «Я послал штабного офицера на поле сражения. Его доклад о состоянии тех дивизий, которые должны были выдержать первый удар наступающих войск, глубоко меня взволновал. Я созвал в Авен дивизионных командиров и офицеров, чтобы обсудить с ними события во всех деталях. Мне рассказали о фактах необычайной отваги, но вместе с тем и о таких фактах, которые, скажу прямо, я считал невозможными в германской армии. Целые группы наших солдат сдавались отдельным бойцам или мелким подразделениям неприятеля. Отступающие войска, встречая на своем пути свежую дивизию, смело идущую в бой, кричали им что-нибудь вроде «штрейкбрехеры!» или «вы затягиваете войну!» — выражения, которые мы не раз слышали впоследствии. Офицеры во многих случаях утратили авторитет и давали себя увлечь вместе с остальными. На заседании военного кабинета в октябре под председательством принца Макса статс-секретарь Шейдеман обратил мое внимание на донесение одного дивизионного командира о происшествиях, имевших место 8 августа; это донесение заключало печальные истории такого же рода. Я не изучал этого донесения, но могу подтвердить эти факты по своему собственному опыту. Один батальонный командир, который побывал в тылу незадолго до 8 августа, а затем вернулся на фронт, приписывал эти факты тому духу непослушения и той общей «атмосфере» анархии, которые люди при-

носили с собой с тыла на фронт. Все то, чего я боялся, о чем так часто предостерегал, стало здесь сразу реальностью. Наша военная машина уже больше не действовала. Наша боеспособность упала, несмотря на то, что большинство дивизий еще дрались героически.

Восьмое августа не оставило никаких сомнений в падении нашей боеспособности. При таком состоянии резервов я уже не мог надеяться найти какой-либо стратегический маневр, который изменил бы ситуацию в нашу пользу. Более того, я пришел к убеждению, что теперь уже генеральный штаб не может строить каких-либо планов, потому что нет для них тех прочных оснований, которые были раньше, — прочных настолько, насколько это возможно в условиях войны. Руководство приобретало, как я указал тогда же, характер безответственной игры на счастье, а это я всегда считал роковым. Судьба германского народа была для меня слишком большой ставкой, чтобы итти на риск. Войну надо было кончать» *.

Кайзер пришел к тому же выводу. В беседе в Авене 8 августа, когда еще шло сражение, он заявил:

> «Вижу, что надо подводить итоги. Мы больше не выдерживаем. Войну надо закончить» **.

После этого германское верховное командование делало только попытки вести арьергардную борьбу в надежде затянуть войну пока и союзники не устанут настолько, чтобы согласиться на условия, которые были бы не слишком унизительны для центральных держав.

Следственная комиссия рейхстага, изучив весь фактический материал, пришла к заключению:

> «Вплоть до 15 июля 1918 г. верховное военное командование не соглашалось с тем взглядом, что победа уже не может быть достигнута силой оружия. Оно возражало против мирных переговоров на основе ничейного исхода.
>
> Крушение всего наступления, которое стало очевидным после поражения 8 августа, объясняется тем, что в результате беспрерывной и невероятно упорной борьбы физические и духовные силы войск оказались исчерпанными; кроме того, подкрепления войсками и материалами были уже недостаточны» ***.

Генерал фон Кюль в своем показании, данном этой комиссии, описывает, как таяли германские силы в это время. Он говорил:

> «Уже невозможно было возместить наши тяжелые потери. *Наши подкрепления были исчерпаны.* В августе 1918 г. мы должны были расформировать десять, а в октябре 22 дивизии.

---

* *Ludendorff*, My War Memories 1914 — 1918, p. 683, 684.

** *Alfred Niemann*, Kaiser und Revolution, S. 43.

*** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. 1, S. 23.

Верховное военное командование к концу июля должно было снизить контингент боевого батальона на западном фронте с 850 до 700 человек. Скоро, однако, стало ясно, что невозможно поддерживать контингенты и на этом уровне. В августе батальоны армейской группы германского кронпринца состояли в среднем из 660—665 строевых солдат. Но реальная боевая мощь батальона была значительно ниже. При подсчете численности боевого состава мы включали в эти цифры не только больных, находившихся в госпиталях или в отпуску, не только солдат в очередном отпуску и в командировках, но и тех, которые числились пропавшими без вести в продолжение 2—3 месяцев, а число этих последних непрерывно возрастало в течение всего лета...» *

17 августа Людендорф потребовал, чтобы новобранцы 1900 г. рождения, т. е. юноши, которым шел тогда 18-й год, были переданы в его распоряжение на полевые сборные пункты на западном фронте для переброски их на позиции по его усмотрению. Наиболее зрелые из новобранцев этой категории уже были переведены на боевые линии. Людендорф заканчивал свое письмо так:

«Знаю все возражения, которые могут быть выдвинуты против применения в военных действиях этой категории молодых людей. Но я не вижу другой возможности поддержать состав полевой армии на таком уровне, чтобы она могла справиться со своими задачами» **.

Итак, германская армия постепенно таяла, а союзники непрерывно получали подкрепления в результате все возраставшего прилива американских войск. Но различие между обеими армиями уже не ограничивалось только растущим расхождением в их количественной мощи. Моральный крах германской армии предвещал ей еще бо́льшие бедствия. Фон Кюль жалуется, что новобранцы, вливавшиеся в армию в последние месяцы войны, были скорей источником слабости, чем силы. Их оторвали насильно от спокойной хорошо оплачиваемой работы на военных предприятиях, а многие из них уже были заражены большевизмом. При первой возможности они объявляли себя больными. При первом удобном случае они убегали. Они не поддавались дисциплине, они бунтовали. Фон Кюль говорит о тысячах дезертиров, которые убегали с боевых позиций:

«За линией фронта на железнодорожных станциях и в крупных центрах скоплялись сотни тысяч дезертиров. Люди, которых во время отпуска успели распропагандировать, бродили массами за линиями фронта, вовсе не стремясь найти свои части. Так в решающий момент сотни тысяч людей были для фронта потеряны...» ***.

---

* «Ursachen... u. s. w.», Bd. III, S. 208, 209.
** Ibid., Bd. III, S. 67, 68.
*** Ibid., Bd. III, S. 212.

В ряды армий постепенно проникало сознание, что война проиграна. В последние недели это ощущение сокрушительного поражения охватило неудержимой волной все население фатерланда. В течение четырех лет немцы считали себя непобедимыми, и еще в середине лета 1918 г. им обещали победу и победоносный мир. Блестящая и легко давшаяся победа над французами в июле, за которой последовали грандиозные победы над британской армией в марте и апреле, подтвердили, казалось, окончательно, что обещания военных руководителей не были пустой похвальбой. А теперь наступили эти непостижимые неудачи. Напрасно старается фон Кюль объяснить то чувство возмущения, которое охватило теперь германский народ, работой пацифистских агитаторов и большевистских эмиссаров. У нас в стране они тоже были. Но условия, в которых им приходилось работать в Германии, были гораздо более благоприятны для их деятельности, чем у нас. Основная масса германского населения, особенно рабочие, люди свободных профессий и мелкие рантье испытывали большие лишения в результате блокады. Мужчины и женщины могут перенести очень многое, если впереди маячит луч надежды. Разложение тыла в Германии часто объясняют «пропагандой лжи», организованной союзниками. Германские власти по понятным причинам не публиковали сведений о количестве американских войск, прибывших во Францию, об успехах наших войск в борьбе с германскими союзниками, о неудачах подводной кампании и о количестве потопленных нами подводных лодок, а мы широко распространяли эту полезную для нас информацию, сбрасывали с воздуха листки в расположении германских войск за линией фронта. Великое достоинство этой информации заключалось в том, что она была правдива. Наше министерство информации сумело перенести эту пропаганду через границы; делалось это очень искусно и тонко. Успех этого дела — заслуга лорда Бивербрука и лорда Нортклиффа. Самым популярным методом распространения был следующий: пачки листовок привязывались к маленьким баллонам, которые отпускались в свободный полет при первом же сильном западном ветре; при благоприятных обстоятельствах они залетали не только во внутренние области Бельгии и в оккупированные районы Франции, но и через границу — в Германию. Этим путем, а также и другими способами мы сумели в значительной мере показать войскам и гражданскому населению неприятеля, что их вожди бессильны предотвратить полный крах. Но эта пропаганда была бы совершенно пустым занятием, если бы немцы могли прорвать блокаду на востоке и со своей стороны блокировать союзников при помощи своих подводных лодок или если бы немцы продолжали разбивать союзные армии одну за другой и гнать их перед собой. Такие операции поддержали бы дух германского народа, дали бы ему уверенность в том, что победа приближается и не обманет.

Еще и в другом важном отношении Антанта имела большое превосходство над противником на своем пути к победе. Это танк — новейшее и самое мощное орудие для атаки и наступления. Сомма,

Пашендель и Камбрэ доказали нам окончательно, что танки могут быть совершенно неодолимыми, если они оперируют в больших количествах и на подходящей территории. Если бы наша первоначальная программа была выполнена и генеральный штаб точно представил бы себе все значение этого орудия, мы бы имели достаточные количества танков своевременно, и они спасли бы много жизней. Но много танков выбывало из строя, и мы недостаточно учли этот факт. Удивительно, что немцы пренебрегли этим новым орудием, даже после того как они убедились в его эффективности. Бестолковое применение танков в битвах на Сомме и Пашенделе и совершенно недостаточное использование их успехов в Камбрэ создали у немцев ложное представление о возможностях, которые дает танк. Вначале танки не произвели на Людендорфа большого впечатления. Зимой 1916—1917 гг. он считал, что еще не наступило время заняться танками, а в 1918 г. он заявлял, что германское наступление будет иметь успех и без танков. Немцы построили несколько танков, но они были неуклюжи и мало эффективны. Между тем тактика массовой танковой атаки, которая так оправдала себя при прорыве германской линии в Камбрэ в ноябре 1917 г., стала применяться союзниками систематически в 1918 г. Как мы уже видели, именно танки были острием того клина, который вбили французы в германские линии 18 июля, и это было для немцев началом конца. Маленькие, поворотливые французские танки прорвались сквозь германские линии и посеяли среди немцев панику и уныние. Танки начали британское наступление 8 августа; они во многом предопределили эту замечательную победу и в еще большей мере определили огромное моральное действие этой победы на германскую армию. Четыреста пятнадцать боевых танков взобрались в полночь на гору и во всех схватках последующих дней пробивали дорогу для пехоты: ломали заграждения, с легкостью переходили через окопы, повсюду рассеивая и обращая в бегство неприятельских солдат, легко и без ущерба для себя обходили пулеметные гнезда, будто носорог встретил на своем пути муравейник.

Генерал фон Кюль признает, что наши танки летом и осенью 1918 г. добились решающих результатов против «усталых германских войск на их линиях фронта». Представитель германской главной квартиры, объясняя тогдашнюю ситуацию лидерам партии рейхстага, сказал 2 октября 1918 г.:

> «Неприятель применил танки в неожиданно больших количествах. Когда, после очень плотного обволакивания наших позиций дымовой завесой, танки начинали свои внезапные атаки, нервы наших людей часто не выдерживали напряжения. В таких случаях танки прорывали наши передовые линии, очищали путь для своей пехоты, появлялись в нашем тылу, производили то здесь, то там панику и делали невозможным какое-либо руководство сражением».

Оратор, далее, говорил:

> «Мы не имели возможности противопоставить неприятелю такое же количество германских танков. Наша промышленность не могла производить их в достаточном числе без серьезного ущерба для других важных заданий; она и так была напряжена до крайности» *.

Германское военное командование не сумело организовать производство танков, а все оправдания, которые приводят его апологеты, представляют сами по себе очень серьезное обвинение всей политике генеральных штабов и Англии и Германии; штабы систематически «вычесывали» всех физически здоровых людей из промышленности и бросали их в окопы. Фон Кюль признает:

> «Нет сомнения, что германская промышленность справилась бы с производством танков, если бы мы поставили перед ней эту задачу заблаговременно, достаточно определенно и настойчиво».

Но Людендорф, как и наши собственные генералы, находился во власти предрассудка, что для обеспечения победы необходимы только массы и массы людей с винтовками. Больше или меньше на несколько батальонов — это не склонило бы чаши весов в сторону победы или поражения, а если бы эти люди были заняты изготовлением танков, боеспособность остальных батальонов возросла бы во много крат, и это могло бы оказаться решающим фактором. Как отмечает наша «История министерства снабжения», в производстве танков «количество потребной рабочей силы было очень невелико по сравнению с общим размером продукции, и требования предприятий на рабочие руки легко удовлетворялись отделом снабжения рабочей силой». В самом деле, осенью 1918 г. немцы, испытывая уже очень большой недостаток в людском материале на фронтах, впервые всерьез занялись производством танков в широких масштабах; это было запоздалое признание решающего значения этого орудия. Тогда вопрос стоял о наиболее целесообразном распределении наличной живой силы. В вопросе о танках, так же как и в вопросе о пулеметах и тяжелых орудиях, здравый смысл гражданского человека, пользующегося умными советами офицеров, которые не заняли высоких постов единственно вследствие независимости своего мышления, спас союзников от узости и заскорузлости генералов, стоявших на высших ступенях военной лестницы. В нашей стране мы, несмотря на бешеные вопли штабных офицеров и их друзей, настаивали на сохранении в военно-промышленной системе полноценных людей, которые могли снабдить армию механическими средствами борьбы и вооружением; эти средства спасли жизнь многих бойцов и облегчили их дело. В Германии военные взяли верх над гражданскими властями, и в результате Людендорф получал людей для окопов, но не имел самых смертоносных орудий

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 211.

войны, которыми были щедро снабжены его противники. Летом и осенью 1918 г. он дорого за это заплатил. Во время дискуссии о живой силе сэр Остин Чемберлен сделал несколько очень тонких замечаний по этому поводу. Военные власти требовали тогда как можно больше людей для окопов за счет снижения темпов в работе существенных отраслей промышленности в стране.

> «...Мы до сих пор не получили ответа на вопрос, который был поставлен военному совету, а именно: если бы пришлось выбирать между значительным сокращением человеческого состава армии и соответствующим сокращением числа снарядов и военных материалов, включая и те, которые предназначены для наших союзников, — что предпочло бы военное министерство? Дежурный генерал-адъютант всегда отвечал, что мы должны иметь больше солдат, а начальник снабжения и генерал-квартирмейстер говорили, что нужно как можно больше снарядов».

Французские военные власти также все время понукали нас, чтобы мы наскребли как можно больше людей. Но в то же время они требовали от нас еще стали, еще продуктов питания и еще больше предметов первой необходимости. Сэр Остин Чемберлен считал, что французов также надо было попросить сделать выбор.

После британской победы 8 августа история дальнейшей борьбы в течение лета и осени 1918 г. представляет собой серию «ударов топором», которую союзники наносили своим тающим и обескураженным врагам то тут, то там, — одновременно на левом фланге, в центре и на правом фланге. Они не давали врагу покоя, и он, шатаясь, уходил из самых укрепленных своих гнезд. Во время этих операций Хейг зарекомендовал себя самым лучшим образом. Сейчас он выполнял именно ту роль, для которой он был превосходно приспособлен: роль ближайшего помощника бесспорно талантливого стратега; Фошу принадлежит заслуга создания общего плана наступления на всем фронте. Хейг, Петэн и Першинг разработали детально планы наступления на секторах, которыми они командовали, и руководили атакой со знанием дела и решимостью. Потери экспедиционной армии Хейга в весенних боях были к тому времени восполнены в такой мере, что общая боевая мощность этой армии к началу всеобщего наступления не сократилась, несмотря на ее чудовищные потери в прошлом. Как ударная сила эта армия была сейчас даже гораздо более мощной, чем в марте, потому что сильно возросло число механизированных частей, которые по эффективности во много раз превосходили обычные части. Между 1 марта и 1 августа боевая сила танкового корпуса возросла на 27%, а пулеметного на 41%, тогда как общее число аэропланов во Франции возросло на 40%. Мы помним пессимистические предсказания Петэна и Хейга во время наших заседаний в Версале о вероятном состоянии союзных армий летом и ранней осенью 1918 г.; поэтому уместно привести здесь французскую оценку соотношения союзных

и германских сил, которая была составлена в августе 1918 г. «Боевые контингенты» союзников были исчислены в размере 4 002 104 человек; германские — 3 576 900. Союзная артиллерия исчислялась в 21 843 орудия, германская — в 18 100. У союзников было 5 646 аэропланов, у немцев — 4 000. Союзники имели 1 572 танка, немцы фактически ни одного. Это решающее превосходство союзников по живой силе и механизации возрастало с каждой неделей. Американские подкрепления вливались в ряды союзной армии по 50—60 тысяч человек в неделю, а военные заводы союзников беспрерывно увеличивали выпуск пушек, танков и аэропланов. Эта официальная статистика в то время не была опубликована.

Снижение цифр боевой мощи союзников и преувеличение данных о боевой мощи неприятеля составляли существенную часть штабной стратегии в тот период. Это должно было побудить гражданские власти «быть на высоте» в отношении людей и материалов. В качестве временной меры это можно оправдать, но в историческом документе непозволительно так искажать факты.

21 августа III британская армия атаковала германский «выступ» во Фландрии, а через неделю I армия расширила этот прорыв в северном направлении. Эти атаки заставили немцев стянуть резервы во Фландрию, и в результате IV армия смогла возобновить свое наступление на амьенском фронте. К 26 августа мы отбили Альберт и территорию далее на север. В течение следующей недели мы прорвали гинденбургскую линию против Арраса, захватили Сен-Кантэн и Перонн далее на юг и вышли к верхней Сомме. Французы соответственно продвинулись к югу от расположения наших войск, применяя ту же тактику последовательных ограниченных ударов. В последние дни августа мы вернулись к той линии фронта, которую мы занимали в начале года, почти по всему фронту; в некоторых случаях мы даже перешли эту линию. Американцы блестящей операцией очистили сен-мигиельский «выступ» к югу от Вердена и еще раз проучили неприятеля, заставив его проникнуться уважением к их боеспособности.

В последние дни августа почти все операции, которые Фош в своем меморандуме от 24 июля рассматривал как *первую стадию* наступления, были закончены. Более того, почти по всему фронту мы продвинулись дальше того необходимого минимума, который был намечен Фошем. Теперь наступала очередь второй части наступления, общей атаки по всей линии, которая ставила себе целью опрокинуть силы неприятеля и отбросить его к его собственным границам.

Уже в конце августа Фош ясно предсказал, что приближается вторая стадия наступления, а уже 30-го числа этого месяца он составил план общего наступления союзных армий и передал его командующим армиям. Он предложил, чтобы американцы после очистки сен-мигиельского «выступа», которая была одной из предварительных операций, предусмотренных его меморандумом от 24 июля, атаковали неприятеля в северном направлении к западу от реки Маас. Французы должны были атаковать в центре, англича-

не — на левом фланге французов, а бельгийцы совместно с англичанами — во Фландрии. 3 сентября он добавил к этому плану письменную генеральную инструкцию всем командующим армиями; в этой инструкции он обрисовал все различные операции, которые должны быть предприняты по всему фронту. 8 сентября он в письменной форме просил сэра Дугласа Хейга подготовить и безотлагательно начать наступление, чтобы захватить гинденбургскую линию и продвинуться за эту линию по направлению к Валансьену, Солем, Ле-Като и Вассиньи. На другой день он договорился лично с бельгийским королем о наступлении во Фландрии и приступил к переговорам с Хейгом и Плюмером. В окончательном виде его схема приняла такие формы:

26 сентября. Франко-американская атака между Сюипп и Маасом.
27 сентября. Атака британской I и III армий в направлении Камбрэ.
28 сентября. Атака фландрской группы армий между морем и р. Лис под руководством бельгийского короля.
29 сентября. Атака британской IV армии, поддерживаемая французской I армией в направлении Бюзини.

Фош приказал, далее, французской X армии подготовиться к наступлению на Шмен-де-Дам, которое должно было начаться, когда неприятель будет уже ослаблен и целиком занят вышеперечисленными последовательными наступлениями союзников.

Уже до того, как были осуществлены эти атаки, на других театрах произошли события, которые сделали положение немцев безнадежным и убедили даже наиболее сильных из их руководителей. что дело центральных держав безнадежно проиграно. Все союзники Германии были разбиты и должны были признать, что они не могут продолжать борьбу. Силы австрийцев были подорваны уже с начала этого года. Они готовы были бросить борьбу в январе и в феврале и даже сделали попытку выйти из войны, но немцы вернули их на место отчасти путем продовольственной помощи, отчасти путем неприкрытых угроз. Победы весны и раннего лета этого года придали им стойкости; они могли опять держаться, до тех пор пока можно было опираться о парапет их собственных окопов. Но когда, понукаемые немцами, они попробовали вылезть из окопов и начали слабенькое наступление, союзники их легко разбили и отогнали назад в их горные ущелья; там они и засели в ожидании известий о германских победах. Этот нестройный конгломерат южных немцев, венгерцев, югославян, чехословаков и румын состоял из храбрых народностей, которые всегда проявляли полное бесстрашие в бесчисленных войнах, которые они вели на протяжении многих столетий против других и друг с другом. Но теперь, в 1918 г., былой храбрости не стало. Голод и лишения подорвали их силы. У них впереди не было цели, которая могла бы вдохновить их и дать силу выдержать годы страданий. Никакая общая цель не объединяла их и не оправдывала общих жертв. В феврале удалось убе-

дить их правителей отложить мирные переговоры, чтобы дать немцам возможность сделать последний рывок к победе. Второе большое поражение на Марне убедило их, что игра проиграна и Германия уже не сможет победить. Это заставило их заключить мир немедленно. Все усилия были сделаны со стороны Германии, чтобы убедить их не делать мирных предложений союзникам. Но уже в первую неделю сентября Буриан опубликовал ноту, которая окончательно предопределила постепенный приход Австрии к полной капитуляции. За этим 15 сентября последовало поражение и крушение Болгарии. В этот день союзники совершили прорыв германо-болгарской линии. Балканский барьер был взят. Болгары отступили и уже не поддавались никаким уговорам Германии продолжать борьбу. Болгары просили перемирия. Юго-восточный фронт центральных держав был теперь ничем не прикрыт, и дорога на Константинополь свободна. Союзная армия в Салониках уже делала приготовления для движения к Дунаю, а впоследствии — и через Дунай; другие союзные контингенты должны были двинуться на Константинополь. В Месопотамии турецкая армия была уничтожена, а к 20 сентября Алленби истребил последнюю армию турок в Палестине.

Уже перед комбинированным союзным наступлением на западе Германия была покинута всеми ее союзниками, и мы приняли необходимые меры, чтобы об этом факте были хорошо осведомлены ее солдаты и германский народ. Немцы были теперь в том положении, в котором оказался Наполеон, когда его покинули его союзники: подавляющие силы союзников гнали его из Германии, а с юга уже подходила английская армия, и гражданские власти, равно как и генералы, вопили о немедленном мире, чтобы предотвратить полный развал страны. В таких обстоятельствах самая храбрая армия начинает терять мужество. Всеми презираемые «второстепенные театры» помогли победе союзников на западном фронте. Если бы устояли союзники Германии, не было бы того морального краха германских войск, который ослабил их сопротивляемость и постепенно разложил всю армию. Неизбежность краха и ощущение нависшей угрозы окружения привели к тому, что немцы были очень скоро выбиты из тех самых мощных траншей, о которые в течение нескольких лет разбивались самые яростные атаки союзников.

Союзники покинули Германию, а Фош уже приводил в действие свой план, и вот уже запылал весь западный фронт от Северного моря до Лотарингии. Никогда еще во всей истории человеческих зверств не было такого грандиозного извержения бешенства разрушения. На каждом данном секторе руководство операциями находилось в руках главнокомандующего данной группой союзных войск (бельгийских, английских, французских и американских), который отвечал за успех атаки; но голова мастера направляла их руки: Фош планировал свои последовательные «удары топором», распределял силы и резервы, чтобы обеспечить максимальный эффект. А на полях сражений союзные войска рвались вперед с новой решимостью, которая основывалась на полной уверенности, что те-

перь мы уже превосходим противника и численностью бойцов, и количеством военных материалов, и качеством руководства; они знали, что окончательная победа уже достигнута на других фронтах и недалек час триумфа на этом самом страшном из фронтов. Противник не мог устоять, подавленный перспективой неминуемого сокрушительного наступления.

Одной из самых блестящих и решающих операций во всей этой серии колоссальных сражений был, несомненно, тот сокрушительный удар, который нанес Хейг и его бесстрашная армия британских и колониальных войск на зигфридской линии, между Маркуеном и Сен-Кантэном. Немцы считали не без основания, что они сделали эту линию неприступной, и сами войска, взявшие эту линию, впоследствии с трудом понимали происшедшее, когда они после приступа хладнокровно осмотрели только что взятые укрепления. Огромные, бронированные траншеи, затопленные поля, опутанные во всех направлениях заграждениями из колючей проволоки, укрепленные пункты и пулеметные гнезда, вырытые в земле непроницаемые обширные коридоры, в которых могли укрыться от огня целые батальоны, и сверх всего — превосходно укрепленная линия Северного канала с ее естественными и на первый взгляд непроходимыми препятствиями в центре всей этой сети массивных и хитроумных укреплений. К тому же немцы защищали эту линию очень стойко, и американцы, которые произвели атаку в Аргонне, чтобы отвлечь германские силы на юг, так и не смогли своевременно добиться успеха и повлиять на ход битвы. Людендорф отмечает в своих мемуарах, что впечатление от этого удара было таково, что заставило его немедленно дать приказ о всеобщем отступлении по всему фронту от р. Скарпы до р. Вель и об эвакуации «выступа» на р. Лис во Фландрии. К 28 сентября британские войска разгромили фантастические укрепления зигфридской линии против Камбрэ, пересекли Северный канал; в то же время другие английские части совместно с бельгийцами начали наступление на Фландрию, которое привело их далеко за пределы максимальных достижений приснопамятного пашендельского наступления. В качестве еще одной иллюстрации полной непригодности этого участка для серьезных операций отмечу, что, хотя это наступление во Фландрии встретило лишь слабое сопротивление, оно должно было быть приостановлено на две недели, потому что транспорт увяз в болоте. Французы также значительно продвинулись на своем фронте. 28 сентября, как отмечает Людендорф в своей книге «Генеральный штаб и его проблемы», он и Гинденбург пришли к выводу, что остается только просить о немедленном перемирии и предложить неприятелю заключить мир на основе четырнадцати пунктов президента Вильсона.

Перспективы, открывавшиеся теперь перед Германией, обрисованы Людендорфом в его докладе от 30 сентября. Обозревая положение на различных фронтах, он говорит в докладе о крушении Болгарии, об угрозе крушения Турции и Австрии и об ослаблении Германии на западе. Вот что он говорил о западном фронте:

«Положение на западном фронте хорошо известно. 22 германские дивизии должны быть расформированы. Численное превосходство Антанты возрастает, таким образом, до 30—40 дивизий. 38 американских дивизий чрезвычайно хорошо укомплектованы. С другой стороны, численный состав наших дивизий все более сокращается. Некоторые дивизии существуют только на бумаге.

Однако не сниженный состав наших дивизий делает наше положение столь серьезным. Дело скорее в танках, которые появляются внезапно во все возрастающих количествах... Результаты работы танков таковы, что наши операции на западном фронте практически приняли характер игры на счастье. Генеральный штаб теперь уже не может исходить из каких бы то ни было устойчивых предпосылок» *.

За период с половины марта по 1 октября численный состав германских армий сократился более чем на полтора миллиона человек. Генерал фон Кюль описывает дальнейшее таяние армии в следующих выражениях:

«Во время тяжелых оборонительных боев в октябре средняя боевая мощь батальонов упала к началу месяца до 545 человек, в середине месяца до 508, а к концу месяца до 450 человек. Если вычесть нестроевиков, эти цифры будут составлять соответственно 250, 208 и 142 человека. В конце месяца дивизии насчитывали в большинстве случаев от 800 до 1200 винтовок **.

Прорыв через последние гинденбургские линии, за которым через несколько дней последовало падение Камбрэ, и одновременно стремительный марш к Лиллю на севере — все это привело к тому, что германский фронт зашатался и откатился назад. Людендорф искренно верил, что он сможет удержаться на своей великой крепостной линии и заставить союзников истощить свои силы в бесплодных попытках разбить эту стену, пока они не согласятся заключить мир на подходящих условиях. Непрерывные удары все возраставшей силы, которые наносили Германии союзники, оставили германскую армию беспомощной и бездыханной.

Справедливости ради надо признать, что, отступая, они дрались за каждый километр земли, которую приходилось отдавать.

Это была не охота за противником, и едва ли это было преследование неприятеля. Голодные, истерзанные, совершенно отчаявшиеся германские солдаты продолжали драться, заставляя нас дорого платить за каждую милю, которую мы у них вырывали. В течение всей войны немцы показали себя стойкими бойцами, но ничего нет более высокого в их летописях, чем то мужество, с которым они продолжали бороться с нами в час своего поражения. Они не могли не знать, что они разбиты. На родине их семьи голодали.

* *Ludendorff*, The General Staff and Its Problems, v. II, p. 164.
** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 210.

И все же в октябре, последнем месяце войны, британские войска во Франции потеряли в боях ранеными и убитыми 120 тысяч человек — вот показатель того сопротивления, которое они встречали. В период между 1 июля и моментом окончания военных действий жертвы британских войск в борьбе с разбитым врагом — и с врагом, который знал, что он разбит, — составляли 430 тысяч человек убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести. В течение того же периода французы потеряли 531 тысячу человек, а американцы свыше 200 тысяч. Отдадим должное храброму народу, с которым мы смертельно поссорились только однажды. Они дрались до конца с беззаветным мужеством отчаяния. Героизм, который в борьбе до самого конца проявляли некоторые германские части, вероятно, объясняет тот факт, что до последней минуты наши военные руководители не имели правильного представления о подлинном положении вещей в германском лагере; они не понимали, как сильно повлиял на военное положение немцев крах союзников Германии на других театрах военных действий. 16 октября начальник имперского генерального штаба дал кабинету министров оценку военного положения на западном фронте.

Он сказал:

> «Французская армия крайне истощена, британская армия очень устала, обе армии нуждаются в отдыхе, а подвижность американской армии скована неопытностью ее руководителей. Немецкие же армии устали больше всех армий, дравшихся на западном фронте. В этих условиях — если учесть к тому же наступающее бездорожье, которое чрезвычайно затруднит всякие передвижения, — очень трудно предсказать, каких результатов смогут добиться союзники до наступления периода, когда военные действия станут невозможны».

Отвечая лорду канцлеру казначейства, генерал Вильсон сказал, что из его замечаний вполне позволительно сделать такой вывод: ничто не заставляет нас думать, что нынешнее военное положение диктует Германии необходимость сдаться. Начальнику имперского генерального штаба задан был, далее, вопрос, какое создастся положение, если мы не добьемся решающего результата в ближайшие три недели. Он ответил, что, вероятно, неприятель на севере займет позиции за Шельдой в направлении Валансьена, имея свой правый фланг в Генте; на юге от Валансьена неприятель должен будет остаться на плато у р. Эн. Начальник имперского генерального штаба сделал набросок будущих военных операций на западном театре.

Эта оценка военного положения на западном фронте получила во всех деталях подтверждение в докладе, который спустя два дня сделал кабинету сэр Дуглас Хейг. Его оценка положения приводится в одной из последующих глав («Как был заключен мир»).

И сэр Генри Вильсон, и сэр Дуглас Хейг недооценивали ту общую деморализацию, которая охватила германский народ и уже начала заражать армию. Даже на Сомме, на Скарпе и в Пашенделе,

где мы после месяцев упорной борьбы завоевали лишь по нескольку километров, наши солдаты никогда не изменяли своему долгу. Теперь, когда они гнали перед собой врага, милю за милей, когда они брали город за городом, у них был новый стимул к мужеству, которого они еще никогда до сих пор не знали. К 19 октября Остенде и Зеебрюге были отбиты и бельгийское побережье, наконец, очищено от неприятеля. Куртре, Рубе, Лилль, Ле-Като были в наших руках. Американцы упорно двигались к Аргонне, а между ними и нами французы проходили через французские департаменты, которые находились в германских руках с первого года войны.

26 октября Людендорф подал в отставку. 1 ноября канадцы вошли в Валансьен. 4 ноября Хейг начал большое наступление, но еще до начала атаки германские войска на этом участке окончательно рухнули. Французы неуклонно двигались вперед, отбрасывая германскую армию к границам Германии. Американцы вели упорные бои в Аргонне. В Киле вспыхнул бунт: моряки германского флота, которым приказано было выйти в море, чтобы нанести последний отчаянный удар противнику, отказались повиноваться и подняли красное знамя. 9 ноября кайзер отрекся от престола. За два дня до того германские делегаты перешли через французские линии: они пришли вести переговоры о перемирии. 10 ноября англичане вступили в Монс. Немцы дрались отчаянно вплоть до последнего часа. 11 ноября в 5 часов утра было подписано перемирие, и в 11 часов утра военные действия прекратились по всему фронту от Голландии до Швейцарии.

Глава восемьдесят третья

В РОССИИ ПОСЛЕ БРЕСТА

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Восточная Европа после подписания брест-литовских соглашений находилась в состоянии необычайного разброда. Большевистские власти согласились отделить от территории бывшей Российской империи Финляндию, Аландские острова, Эстонию, Лифляндию, Курляндию, Литву и Польшу; кроме того — Украину и Кавказ; они начали демобилизацию всех вооруженных сил и интернирование всех своих флотов. Но объем власти большевистских правителей представлял собой очень неопределенную величину. Они только что захватили власть в результате переворота. Первое русское учредительное собрание, которое начало заседать 11 декабря 1917 г., через месяц после большевистской революции, было разогнано уже через 2 дня 18 января 1918 г. оно собралось снова и на другой же день было снова разогнано. Главная задача Ленина состояла в том, чтобы добиться социального и экономического освобождения рабочих при такой форме правления, какая окажется наиболее удобной для достижения этой цели. Большевики были тогда в количественном отношении небольшой партией, вышедшей из рядов городских рабочих. Притязания большевиков на власть основывались на праве сильнейшего, которое определяется твердостью воли, ясностью задач и вооруженной силой.

Наблюдателям за пределами России трудно было сказать, устойчиво ли большевистское правительство. Нет никакого сомнения, что в России были значительные группы населения, которые не питали никакой любви к большевистским властителям, утвердившимся в Москве и Петрограде. Казалось, что вся страна распадается на части.

Вот этапы крушения Российской империи день за днем:

12 сентября 1917 г. Центральные державы признали независимость Польши от России и даровали Польше временную конституцию.

20 сентября 1917 г. Совет закавказских народов — Армении, Грузии, Азербайджана и Дагестана — провозгласил Закавказье федеративной республикой.

20 ноября 1917 г. Украина провозглашена независимой республикой.

28 ноября 1917 г. Эстония объявила себя независимой.

6 декабря 1917 г. Финляндия объявила себя независимой.

23 декабря 1917 г. Бессарабия провозглашена независимой Молдавской республикой.

4 января 1918 г. Россия, Франция и Швеция признали независимость Финляндии.

12 января 1918 г. Латвия объявила себя независимой.

9 февраля 1918 г. Украина заключила сепаратный мир с центральными державами.

К тому времени, когда русские подписали с центральными державами мирный договор в Брест-Литовске, германские войска захватили русские острова в Балтийском море, подступили через балтийские провинции на расстояние 150 миль к Петрограду и неуклонно двигались через Украину к югу России. На юго-востоке донские казаки во главе с генералом Алексеевым восстали против большевиков и двинулись на Москву, но были разбиты в феврале. Дальше на восток вся Азиатская Россия находилась в состоянии полного хаоса; в каждом районе большевики, националисты, пантуранисты и панисламисты группировали своих сторонников, и каждая из враждующих групп готовилась к борьбе под своими знаменами.

Всюду, где находились сколько-нибудь значительные группы бывших германских и австрийских военнопленных, эти последние пытались влиять на события в интересах центральных держав; а там, где были чехи, которые до прихода большевиков к власти сражались на стороне русских, чешские отряды пытались остановить продвижение германцев. После того как русское наступление в Малой Азии закончилось провалом, турки приободрились и начали нажимать на Закавказье. Во всех этих районах большевизм действовал, как сила, вызывающая брожение. Он ломал до основания старый социальный и административный уклад, но не мог еще создать взамен какую-либо новую упорядоченную и стройную систему управления. Тогда еще казалось маловероятным, что он когда-либо сможет это сделать. Все еще победоносная Германия была уже в некоторой мере хозяином положения в Финляндии, балтийских провинциях, в Польше и на Украине. Германия продолжала свой марш на восток вдоль северного побережья Черного моря, а ее союзник Турция в это время уже вновь наступала на юге, по направлению к Кавказу и Каспийскому морю. Уже было похоже на то, что Германия, если только она избегнет поражения в мировой войне, чрезвычайно расширит свое влияние на Востоке, станет в лучшем случае сюзереном целой группы игрушечных вассальных государств, которые она создала на территории между Балтийским и Черным морями; подчинит своему контролю обширную территорию вплоть до Каспия и, возможно, Сибирь вплоть до Тихого океана. Можно было опасаться, что разрушительная работа большевиков в конечном счете только подготовит почву для прусского господства в России.

Совершенно очевидно, что, хотя большевистское правительство порвало с Антантой и заключило сепаратный мир с Германией, мы не могли при этих обстоятельствах оставить Россию под господством германцев. Мы не могли примириться с тем огромным ростом германского империализма, который питался обусловленной в договорах добычей, особенно германским господством над Украиной с ее запасами хлеба и скота, углем Донецкого бассейна и, в дальнейшем (через Черное море и Кавказ), обширными запасами каспийской нефти. Если Германия сможет свободно пользоваться этими ресурсами, все результаты нашей блокады будут сведены на-нет. Не приходится сомневаться в том, что в течение всего 1918 г. германцы искали в России не только территориальных приобретений, которые должны были вознаградить их за все тяготы войны, но в еще большей мере жизненно необходимых для них источников питания, фуража, нефти и минералов. Контроль над Украиной и Черным морем, Кавказом и Каспием и проникновение в Сибирь должны были высвободить Германию из тисков союзной блокады. Они надеялись захватить в этих землях, богатых природными ресурсами, огромные запасы хлеба и мяса, лошадей для армии, кожу, нефть, медь и железо. Если бы эти надежды осуществились, исход войны мог быть иным.

Кроме того, здесь были значительные запасы военных материалов в военных складах и на пристанях в Архангельском и Мурманском портах во Владивостоке. Мы послали им эти материалы для борьбы с центральными державами. Теперь, когда Россия подписала мирный договор с немцами, эти военные материалы могли попасть в руки наших врагов и были бы использованы против нас. Было мало вероятно, чтобы большевистское правительство добровольно отдало их Германии, но оно могло оказаться вынужденным это сделать под германским нажимом. Германские войска уже углублялись в Финляндию, откуда они, не встречая сопротивления, легко могли двинуться к мурманскому побережью и к Белому морю. В Сибири находились крупные отряды австрийских и германских войск, составившиеся из освобожденных военнопленных. И повсюду действовали германские агенты.

Я уже говорил в другом месте * о той позиции, которую мы и наши союзники решили занять в отношении новых правителей России. Мы не обязаны были устанавливать в России тот или иной государственный строй. Мы сделали все возможное, чтобы поддерживать дружественные дипломатические отношения с большевиками, и мы признали, что они *де-факто* являются правителями территории прежней великой России. Но были и другие русские территории, в которых власть *де-факто* принадлежала не им. Националистские движения охватили волжские и донские области; грузины, армяне образовали независимые правительства на Кавказе; а в огромной бурлящей Сибири образовались местные автономные правительства, большевистские и небольшевистские; были казацкие

* «Военные мемуары», т. V, гл. 71 «Большевизм завоевывает Россию».

соединения; были компактные группы чехословаков, которые составились частично из живших в России к началу войны чехов и словаков, а главным образом из рот и целых полков солдат этих национальностей, которые в свое время предпочли сдаваться русским в плен, чем воевать за Австрию. Они уже сражались вместе с русскими на стороне союзников, а когда большевистская Россия сложила оружие, они продолжали стоять за дело союзников. А мы становились заинтересованной стороной, как только речь заходила о готовности сопротивляться германскому проникновению в Россию.

Генерал фон Кюль в своих показаниях комиссии рейхстага после войны уделяет весьма значительное место следующему вопросу: могла ли Германия в 1918 г. перебросить с восточных фронтов на западный больше войск, чтобы пополнить убывавшие в борьбе с англо-французским наступлением германские контингенты? Он приходит к выводу, что большее количество войск перебросить тогда нельзя было. Если бы немцы отказались от своего плана добиться решающих результатов во Франции и перешли на западном фронте на оборонительное положение, они могли бы захватить Россию и временно покорить ее. Но раз было решено перейти на западном фронте к большому наступлению, немцы императивно должны были убрать с восточного фронта свои лучшие войска. Немцы, в самом деле, свели количество войск в России до минимума, совместимого с политикой выкачивания продовольствия из Украины и южной России. Рассказ фон Кюля о недостатке продовольствия в Германии и Австрии и о жизненной необходимости привлечения запасов из русских источников очень поучителен. Уже 15 декабря 1917 г. министр продовольствия отправил Людендорфу письмо, в котором говорилось:

> «Состояние наших продовольственных запасов таково, что вопрос о доставке зерна из России становится неотложным... Совершенно независимо от положения в Австрии для нас самих доставка зерна из России — вопрос решающей важности для продолжения войны» *.

Он приводит сообщение графа Чернина о еще более отчаянном положении в Австрии. В январе 1918 г., когда происходили переговоры в Брест-Литовске, граф отмечал:

> «Катастрофа на почве недостатка продовольствия уже стучится к нам в дверь. Почти невозможно избежать полного краха; создается ужасающее положение... Революция неизбежна, если они не смогут обеспечить нам хлеб». Одновременно граф Чернин обращает свои взоры на Украину: «Я надеюсь получить продовольствие из Украины, если мы только сможем продержаться еще несколько недель» **.

---

* «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Bd. III, S. 16.

** Ibid., Bd. III, S. 16, 17.

Фон Кюль приводит свидетельство генерала фон Арца, что к концу декабря 1918 г. несколько армий уже не имели мучного пайка ни на один день. 5 января 1918 г. он известил германского генерал-квартирмейстера, что

> «австро-венгерская армия в течение последних недель находилась в таком критическом положении в отношении продовольствия, что теперь уже у нас нет абсолютно никаких запасов муки и фуража. Мы должны были сократить ежедневный хлебный паек до 280 граммов, а ежедневный паек зерна фуража — до $1^1/_2$ килограммов» *.

Много еще материалов подобного же рода приводит фон Кюль. В результате германские и австро-венгерские войска вторглись на Украину и двинулись к Крыму, чтобы получить продовольствие. Они и получили некоторое количество, но гораздо меньше, чем надеялись. Не было устойчивого правительства, и крестьяне предпочитали сжигать или зарывать в землю свои излишки, чем видеть, как их реквизируют чужеземцы. Немцы получали только то, что можно было захватить силой. Убеждая германское правительство послать больше солдат на Украину, чтобы захватить урожай, министр продовольствия писал 7 августа 1918 г.:

> «Есть опасность полного краха в новом хозяйственном году, если не получим на Украине для последних двух месяцев те запасы, которые мы не можем получить внутри страны...» **

Заявления этого рода показывают, что неприятельские страны рассматривали эксплоатацию русской территории, как нечто жизненно необходимое для продолжения борьбы на фронте. Но не только выкачивание продовольственных и других запасов из России занимало их в ту пору. Они, кроме того, понимали, что нельзя дать России возможность сорганизоваться для борьбы с ними. Генерал фон Кюль говорит:

> «Мир с Советской Россией был бы более или менее надежен, если бы мы смогли держать ее в границах и защитить наш восточный фронт. Мир этот был на самом деле не более чем перемирием. Советское правительство было нашим заклятым врагом. Кроме того, мы должны были считаться с тем, что Антанта еще сделает попытку восстановить в России фронт против нас» ***.

Людендорф заявляет в своих мемуарах, что было бы нелепо уходить из России, потому что она была необходима немцам для их собственного пропитания, и они должны были не допустить ее укрепления при содействии Антанты. Немцы, кроме того, считали необходимым установить кордон вдоль границ оккупированной

---

* «Die Ursachen... u. s. w.», Bd. III, S. 17.
** Ibid., Bd. III, S. 30.
*** Ibid., Bd. III, S. 39.

области, чтобы сдержать напор большевистской пропаганды, которая уже просачивалась в Германию. Людендорф надеялся даже завербовать для себя солдат среди русских на западе и юге. Он замечает патетически:

> «Мы должны получить в конце концов хоть какую-нибудь помощь от сынов той страны, которую мы освободили от большевистского владычества» *.

Но неблагодарные русские вовсе не горели желанием воевать за Людендорфа. Две дивизии были сформированы в Германии из специально отобранных военнопленных украинской национальности. Но, «к несчастью, они нас подвели».

Однако, если немцы не смогли использовать Россию так широко, как они надеялись (а мы очень боялись, что они добьются всего, что хотели), было бы все-таки очень глупо совсем развязать им руки в России и Сибири. Мы учитывали огромные ресурсы России для нужд военного времени, равно как и огромные возможности систематического внедрения в нее и установления в ней своего господства. В течение лета и осени 1918 г. мы провели несколько мероприятий, которые ставили себе главной задачей на Востоке:

> не дать Германии и Турции доступа к нефтяным богатствам Каспия;
>
> не допустить, чтобы военные запасы в Мурманске, Архангельске и Владивостоке попали в руки неприятеля;
>
> помочь чехословацким войскам на Урале и во Владивостоке, чтобы они либо восстановили антигерманский фронт совместно с казаками союзной ориентации и с другими националистскими группами в России, либо беспрепятственно ушли из страны и присоединились к союзным силам на западе.

Британский военный кабинет и союзный верховный военный совет постоянно занимались этим вопросом, искали путей к выполнению этих задач. Это было сложное и трудное дело. При царе вся Российская империя находилась под единым сильным и централизованным управлением. Так обстоит дело и в СССР в наши дни. Но начиная с осени 1917 г. в течение всего остального периода войны и нескольких лет после ее окончания территория бывшей Российской империи разбилась на ряд областных образований, независимых правительств, конкурирующих и враждующих политических группировок. Конкурирующие силы центральных держав и Антанты вклинивались в эту путаницу; в результате создавалась дикая неразбериха. Так, в Финляндии Германия поддерживала белогвардейцев против революционных, т. е. большевистских, групп и помогала белым продвигаться вдоль русского севера к мурманскому побережью. В Сибири германские войска и германские агенты боролись вместе с большевиками против чехословаков союзной ориентации и против националистского казачества. На Украине

* *Ludendorff*, My War Memories. v. II, p. 566.

большевистское правительство вывозило или уничтожало крестьянские запасы продовольствия, чтобы они не попали в немецкие руки. В Баку Антанта поддерживала антисоветское правительство. Большевики, как правило, не были верны ни Германии, ни Антанте, если их к этому не принуждали. Они сами признавали, что их цель — свергнуть все капиталистические правительства, поэтому мы могли ждать от них только последовательно-враждебной политики. В этом отношении они относились к обеим враждующим коалициям вполне беспристрастно, с одинаковой подозрительностью и враждебностью; при всем том советское правительство было непрочь, как я скажу об этом ниже, воспользоваться поддержкой союзников, если это было им нужно. Но мы вели свой последний отчаянный бой в великой войне и должны были принять свои собственные меры, чтобы защитить наших друзей и наши интересы на Востоке.

2. МУРМАНСК И АРХАНГЕЛЬСК

Союзники могли проникнуть в Россию двумя путями: либо через Арктику в Мурманск и Архангельск, либо через Владивосток — в Сибирь. Нашей основной заботой было держать оба эти пути свободными.

В течение 1917 г. мы доставили в эти порты свыше двух миллионов тонн военных материалов. В Архангельске и Мурманске были свалены как попало колоссальные количества орудий, снарядов и обмундирования; ввиду полного расстройства транспорта в России они так и не были использованы русскими армиями. В течение лета в этом районе оперировала небольшая эскадра британских военных судов, которая конвоировала грузовые суда и отражала атаки германских подводных лодок. Некоторые суда этой эскадры оставались еще в водах Кольского залива зимой 1917 и 1918 гг.

Когда советские власти отказались подписать Брест-литовский договор, немцы стали двигаться к Петрограду. После этого местные власти Мурманска обратились к адмиралу Кемпу за помощью и выдвинули предложение о совместных действиях против наступающих немцев.

Мы в тот момент не могли выделить войска для Мурманска, но сейчас же отправили крейсер «Кокрейн» для подкрепления нашей эскадры и попросили французов и американцев поступить аналогично. Французы послали крейсер «Адмирал Об», который прибыл в Мурманск 19 марта. Позднее Соединенные штаты послали «Олимпию».

Подписание Брест-литовского мира сделало для русских невозможными какие-либо дальнейшие военные действия на море. Однако германские подводные лодки все еще угрожали морскому сообщению с Мурманском и Архангельском. Они, среди прочего, потопили несколько русских пароходов и бомбардировали русскую сигнальную станцию. Тогда мурманское правительство передало свои местные морские силы — три истребителя — в распоряжение союзни-

ков. Англичане, французы и американцы взяли себе по одному истребителю, чтобы защищать побережье и русское судоходство от нападений германских подводных лодок.

Но если вопрос о сохранении нашей базы в Мурманске разрешался довольно легко, то в Архангельске ситуация была гораздо более сложной. Архангельск доступен для судов только летом, когда нет льдов. По многим причинам было, однако, важно обеспечить контроль над этим портом. Здесь скопилась значительная группа союзных беженцев; они не могли пробиться к Мурманску, потому что большевистские войска уже отрезали сообщение с этим городом. В Архангельске находился миллион тонн союзных запасов, в том числе большие количества марганца; все это, вероятно, немцы забрали бы или купили у большевистского правительства, если бы мы оставили это имущество без охраны. На союзной дипломатической конференции в Лондоне 16 марта рассматривался доклад генерала Нокса, который рекомендовал нам послать в Архангельск отряд в пять тысяч человек. К этому докладу было приложено заявление капитана Проктора, британского военного представителя в Архангельске, который выдвигал проект о посылке смешанного союзного отряда в 15 тысяч человек. Мы передали этот вопрос на обсуждение союзного морского совета и постоянного совета военных представителей в Версале. Однако, когда оба эти совета собрались на совместной конференции 23 марта, разразилось германское наступление на западном фронте. В такой момент невозможно было обсуждать вопрос о военной экспедиции в Северную Россию.

По мере приближения весны германская угроза русскому Северу становилась все более серьезной. Финляндия была в то время фактически германским протекторатом; в ней находилось двадцать тысяч человек германских войск. Мы узнали, что немцы собираются расширить финляндскую территорию до Арктики, чтобы создать базы для германских подводных лодок на Мурманском побережье. В первые дни мая финские войска подступили к Печенге, гавани к западу от Кольского залива. Адмирал Кемп по просьбе мурманского правительства послал отряд русских совместно с отрядом наших моряков им навстречу; эти отряды отразили атаку финнов и отогнали их от Печенги.

В то время чехословацкие войска в Сибири насчитывали около семидесяти тысяч человек; из них двадцать тысяч двинулись к Владивостоку, а остальные пятьдесят тысяч находились в Западной Сибири. Союзники считали, что если мы поможем им пробиться в Северную Россию, они смогут присоединиться к нашим силам и помогут нам воссоздать антигерманский фронт на востоке. В этих целях необходимо было ускорить организацию союзных сил на Севере; поэтому мы 17 мая направили в Мурманск генерала Пула с военной миссией в составе пятисот офицеров и рядовых для обучения чешских войск, которые, по нашим расчетам, должны были там собраться к этому времени. Пул отправился на борту американского крейсера «Олимпия», который должен был присоединиться

*

к британским и французским кораблям в Мурманске. По прибытии Пул стал командующим всеми сухопутными силами союзников.

Наш план о соединении с чехословаками в северной России требовал оккупации Архангельска. Однако большевики становились все более враждебными союзникам, а в конце июня из Петрограда был выслан отряд, для того чтобы выбить нас из Мурманска.

Новые британские и французские части прибыли в июне и июле, а 2 августа, после небольшого сражения, союзные экспедиционные силы оккупировали Архангельск. В течение следующих недель они продвинулись немного вверх по Двине, но залитая водой, всегда погруженная в туман тундра очень мало способствовала развитию операций. Еще некоторые пополнения для наших войск в Северной России прибыли в сентябре, но уже задолго до этого стало ясно, что нет никакой надежды на соединение с чехословацкими войсками из Западной Сибири. Чехословакам оставалось только пробить себе дорогу на восток — к Владивостоку.

Когда в ноябре было подписано перемирие, наши архангельские отряды были прочно «заморожены» в этом порту и в низовьях Двины. Они выполнили свою непосредственную задачу, не дав немцам при содействии большевиков утвердиться на севере; они открыли путь к спасению для значительной группы союзных беженцев, которые бежали на север после большевистской революции. Они также не дали немцам возможности захватить и использовать против нас запасы военных материалов, которые были сложены в Архангельске и Мурманске. Но экспедиция все же не выполнила полностью той стратегической задачи, которая одно время перед ней ставилась. Ей не удалось установить связи с чехословаками и поднять основные силы русского народа на борьбу с немцами, чтобы воссоздать антигерманский фронт. Присутствие немецких войск в Финляндии не позволяло нам отрываться от наших северных баз на юг, а большевики были очень мало склонны с нами сотрудничать. Они были враждебны и Антанте и немцам в равной мере

3. СИБИРЬ

Более крупной по масштабу и более успешной по результатам была та интервенция, которую мы выполнили в дальнейшем в Сибири, выступив от Владивостока. Это была яркая иллюстрация того факта, что в стратегии иногда далекий кружный путь — самый близкий. Мы должны были начать операции с самой отдаленной из всех наших баз, из порта на тихоокеанском побережье Азии, и пройти через пустынные просторы Сибири. И однако же именно этим кружным и далеким путем мы фактически смогли оказать значительное давление на германцев в России и оказать поддержку тем силам, которые противились германскому проникновению в богатые нефтью и хлебом районы. Политика союзников по отношению к России после гибели ее военной мощи сформулирована в решениях, принятых в Версале, после того как большевистское правительство вступило в переговоры с немцами.

В декабре 1917 г. военные представители союзников в Версале обсуждали положение в России. К этому времени большевистское правительство уже прекратило военные действия с центральными державами, хотя ни Россия, ни Румыния не заключили еще мира. В совместной ноте № 5, датированной 24 декабря 1917 г., военные представители указывали на то, что Германия может теперь получить продовольствие из южной России, обеспечить свой контроль на Черном море и утвердиться на Кавказе. По этим соображениям они требовали:

> «Мы не можем гарантировать, что войска Южной России и Румынии смогут оказать сопротивление большевикам, которым помогают немцы. Все же военные представители считают, что национальные группы, которые намерены продолжать войну, должны быть поддержаны нами всеми находящимися в нашем распоряжении средствами.
>
> Военные представители учитывают, что это сопротивление не сможет продолжаться слишком долго, если не окажется возможным обеспечить более прямое сообщение между союзниками и нашими друзьями в России, либо через Владивосток по сибирскому пути, либо путем усиления операций в Турции, которые могут открыть прямую дорогу к Тифлису или заставят турок заключить сепаратный мир и открыть Дарданеллы».

Как я уже рассказывал в другом месте, мы в начале 1918 г. еще не смогли сломить Турцию настолько, чтобы заставить ее открыть Дарданеллы или отдать нам Тифлис. Однако мы использовали после некоторой задержки владивостокский вариант.

Среди многих соображений, которые обусловили интервенцию, надо указать прежде всего на тот факт, что во Владивостоке скопились большие военные запасы, которые предназначались для наших русских друзей в их борьбе с центральными державами. Мы не хотели, чтобы ими воспользовались большевики для истребления тех антибольшевистских сил, которые все еще готовы были бороться с немцами; еще меньше хотели мы, чтобы эти запасы были захвачены австро-германскими войсками в России или сданы неприятелю большевиками по их мирному договору с немцами. Далее, Владивосток оставался тогда нашим последним пунктом связи с антигерманскими силами в России — казаками на Дону и Кубани и антибольшевистскими правительствами на Кавказе. В-третьих, нельзя было допустить германское проникновение в Сибирь с ее огромными естественными богатствами. В Сибири находились значительные группы бывших военнопленных — немцев и австро-венгерцев, которые были захвачены в плен русскими в ходе войны. Среди всеобщего хаоса эти бывшие военнопленные крепко держались друг за друга и готовы были либо захватить важнейшие пункты для неприятеля, либо вернуться в Центральную Европу и пополнить собой неприятельские армии. В-четвертых, мы должны были учесть тот факт, что наш союзник — Япония — находилась в очень благоприятном положении для интервенции в Сибири и проявляла

весьма живой интерес к положению в этой стране. Было трудно отказаться от помощи, которую предлагала нам Япония. С другой стороны, было чрезвычайно желательно, чтобы Великобритания и Соединенные штаты участвовали во всех операциях, которые будут здесь проведены. Если бы мы позволили Японии оперировать самостоятельно, русские несомненно заподозрили бы ее, основательно или безосновательно, в том, что она посягает на их территории; а это могло их бросить в объятия центральных держав.

Уже в декабре 1917 г. мы запросили Японию и Соединенные штаты, считают ли они желательной оккупацию Владивостока и установление контроля над сибирской железной дорогой, которая в результате хаотического состояния страны перестала работать. В начале января мы узнали, что японцы послали военное судно во Владивосток — мы сейчас же приказали нашему судну «Суффолк» выйти в эти же воды. Командир «Суффолка» по прибытии во Владивосток сообщил, что появление нашего судна рассеяло подозрения, которые вызвал среди местного населения приход японского корабля, и что русский гарнизон и флот в этом районе находятся в состоянии полной анархии. В феврале командир «Суффолка» доносил, что казаки Восточной Сибири на конференции в Имане осудили большевистскую политику и все попытки заключить сепаратный мир и обратились к союзникам за финансовой и материальной помощью. В начале марта, перед самым заключением Брест-литовского мира, мы получили еще одно обращение от казаков. Они готовы были, если мы дадим им продовольствие и оружие, захватить железную дорогу и установить в восточной части Сибири свою власть антигерманской ориентации. Нам сказали, что они, вероятно, согласятся принять помощь от японцев, если остальные союзные правительства будут сотрудничать с японцами.

Вопрос о возможной японской интервенции в России через Сибирь начал теперь очень сильно занимать все союзные правительства. На той стадии невозможно было предвидеть, как далеко продвинутся германцы в России, если мы им не помешаем. Мы знали, что Германия воспользуется обширными запасами продовольствия, угля и нефти, которые можно было получить в России. Мы также не исключали возможности, что немцы начнут вербовать в свою армию русских.

Такое развитие событий казалось вполне вероятным. Наполеон завербовывал завоеванные народы в свою великую армию. Немцы тоже носились с такими планами. У них уже было несколько польских дивизий в составе их армий. Почему бы не быть у них и русским дивизиям? В России — 180 миллионов человек, которые, вероятно, легко поддадутся умелой пропаганде. Среди них много хорошо обученных первоклассных солдат, которые теперь не входили ни в какие воинские части и не имели работы. Существовала грозная опасность, что Германия утвердится в этой стране, воспользуется ее материальными богатствами и ее огромным человеческим материалом для борьбы с нами. Все это вполне оправдывает те усилия, которые делали союзники, чтобы произвести интервенцию

в России и организовать те элементы русского населения, которые могли бы при некотором нашем воздействии на них бороться с этой опасностью.

Япония была одним из наших союзников в этой войне, но, хотя она располагала огромной военной силой, отдаленность Японии от всех театров войны не позволяла нам до сих пор воспользоваться в сколько-нибудь значительной мере ее военными ресурсами. Теперь же, казалось, ситуация в России позволяет нам это сделать. Японцы хотели вступить в Россию через Владивосток и Сибирь и поднять казаков, чехов и другие дружественные союзникам элементы на борьбу с немцами. С одной стороны, нужно было учитывать, что нашествие Японии может вызвать раздражение советского правительства, возбудить враждебность русского народа и бросить его в объятия Германии, что прочное утверждение Японии в Сибири вовсе не входило в наши планы и что при всяком соглашении такого рода необходимо было обеспечить доброжелательное отношение и сотрудничество Соединенных штатов.

На союзной дипломатической конференции в Лондоне 16 марта 1918 г. было решено послать специальное сообщение по этому поводу правительству США. Это сообщение, написанное г. Бальфуром, излагало взгляды британского, французского и итальянского правительств на положение в России и возможность японской интервенции через Сибирь. Сообщение гласило:

> «На конференции премьер-министров и министров иностранных дел Франции, Италии и Великобритании, состоявшейся 15 числа сего месяца в Лондоне, мне было поручено изложить президенту Соединенных штатов Америки соображения участников конференции о необходимости союзной интервенции в Восточной России, для того чтобы предупредить окончательное внедрение неприятеля в эту страну.
>
> Опасность эта, по мнению конференции, и очень велика и очень близка. Россия привела в состояние полного расстройства свою армию и свой флот, и Германия никогда не позволит ей воссоздать их. Территория России кишит неприятельскими агентами; вся ее энергия уходит на внутреннюю борьбу; не остается сил для борьбы с германским владычеством. Все надежды России основываются на том, что агрессор должен будет пройти необъятные пространства, прежде чем сможет обеспечить военную оккупацию страны.
>
> Однако, к несчастью для нас, у Германии нет необходимости в полной военной оккупации России. Германия хочет только, чтобы Россия оставалась небоеспособной до конца войны, чтобы она повиновалась Германии и по окончании ее и чтобы она в то же время снабжала центральные державы продовольствием и сырьем. При нынешнем беззащитном состоянии страны все это может быть достигнуто без переброски крупных воинских частей с запада на восток.
>
> Такова болезнь. Каково лечение? Конференция считает,

что есть только одно средство — союзная интервенция. Если Россия не может сама себе помочь, ей должны помочь ее друзья. Но помощь может быть оказана только двумя путями: через северные порты России в Европе и через ее восточные границы в Сибири. Из них Сибирь, пожалуй, наиболее важна и вместе с тем является наиболее доступной для тех сил, которыми могут располагать сейчас державы Антанты. И с точки зрения человеческого материала, и с точки зрения транспорта, Япония может сейчас сделать в Сибири гораздо больше, чем Франция, Италия, Америка. Великобритания могут сделать в Мурманске и Архангельске. Вот почему конференция считает нужным обратиться к Японии, чтобы она помогла России в ее нынешнем беспомощном положении.

Конференция вполне сознает, что существуют веские возражения против этого проекта. В течение всей войны Россия охотно принимала японскую помощь; однако если эта помощь предстанет теперь в виде японской армии, оперирующей на российской территории, то это, по мнению многих наблюдателей, будет принято с недоверием или даже с возмущением. Подобное отношение основывается главным образом на опасении, что Япония будет вести себя на востоке России так, как Германия ведет себя на ее западе, т. е. захватит русские территории и унизит русское национальное достоинство. Союзники Японии в настоящей войне не могут, конечно, разделять этих подозрений. Если Япония выступит в нынешней ситуации, то она выступит как друг России и как держава, действующая по поручению других союзников России. Ее задачей будет не копировать немцев, а бороться против них. Конечно, все это будет разъяснено всему миру, прежде чем Япония приступит к каким-нибудь прямым действиям.

Таковы вкратце те аргументы в пользу японской интервенции, о которых я, по желанию конференции, довожу до сведения президента. Мне остается лишь добавить, что, по мнению конференции, никакие шаги по выполнению этой программы не могут быть предприняты без активной поддержки Соединенных штатов. Без этой поддержки было бы бесполезно обращаться к японскому правительству. И если бы даже японское правительство согласилось действовать на основании представлений Франции, Италии и Великобритании, такое выступление без поддержки правительства Соединенных штатов потеряло бы половину своей моральной ценности.

Я поэтому искренно надеюсь, что Вы благожелательно рассмотрите эту программу, которая при всей ее трудности становится неизбежной, как нам кажется, ввиду того опасного положения, которое создалось за последнее время в Восточной Европе.

А. Дж. Бальфур.

Министерство иностранных дел

16 марта 1918 г.»

Мы отправили это сообщение президенту Вильсону в результате сильного давления со стороны французов, которые добивались немедленной японской интервенции. Мне мудрость этого шага казалась сомнительной, поскольку он, по всей вероятности, должен был вызвать сильное озлобление русского правительства. Я считал весьма существенным, чтобы это выступление было поддержано Соединенными штатами. Вскоре мы узнали, что Вильсон возражает против японской интервенции, пока сами русские не попросят о ней. Тогда мы предложили решить вопрос посылкой смешанной экспедиции из американцев, англичан и японцев; на это русские, по мнению некоторых наших советников, могли бы согласиться.

5 апреля японцы высадили своих моряков во Владивостоке, чтобы оказать защиту своим резидентам, поскольку там не было устойчивого правительства и накануне были застрелены бандитами три японца. Англичане сейчас же высадили такой же отряд, для того чтобы каждый наш шаг в России носил характер союзного, а не только самостоятельного японского выступления.

В течение следующих трех месяцев происходили беспрерывные дискуссии по вопросу о плане наших действий в Сибири. Президент Вильсон очень не хотел интервенции. В самом деле, трудно было предвидеть, какие крупные положительные результаты могут быть достигнуты таким путем в России. С другой стороны, — если только немцы не будут окончательно разбиты на западе, — легко было предвидеть, что они в случае нужды уйдут из Франции и Бельгии и создадут почти неприступный фронт, опираясь на Рейн, и в то же время будут продолжать свое внедрение и экспансию в разбитой России и Сибири; это сделает их к моменту окончания войны сильней и могущественней, чем когда-либо. Казалось, стоит приложить некоторые усилия для того, чтобы не допустить этого. И во всяком случае, в России находились чехословаки. На заседании верховного военного совета 2 мая нам доложили, что 40—50 тысяч чехословаков пробиваются к Владивостоку, отражая все попытки большевиков их остановить. Это были отличные войска, которые очень важно было использовать против неприятеля на востоке или на западе.

Я уже говорил об этих чехословацких войсках. Царская Россия не хотела использовать этих потенциальных союзников, потому что это были все же мятежники против другой империи, хотя и враждебной в данный момент. Но после революции эти части сформировались в чешский легион, который в 1917 г. храбро дрался в составе русской армии на стороне союзников. Когда большевики свергли временное правительство, чехи находились на Украине. Людендорф свидетельствует, что они были единственными серьезными противниками во время его наступления на эту страну:

«Большевистские войска оказывали весьма слабое сопротивление, но чехословацкие войска, составленные из бывших австро-венгерских военнопленных, дрались гораздо лучше, и

у нас было с ними несколько яростных схваток. Эти операции и военные действия продолжались до мая» *.

Дальнейшие выступления чехословаков причинили ему еще больше неприятностей и вызвали его возмущенный, хотя и несправедливый протест. В своих мемуарах он отмечает:

«В России события развивались очень своеобразно. С согласия советского правительства Антанта сформировала чехословацкие части из австро-венгерских военнопленных. Предполагалось использовать их в борьбе с нами, и поэтому они должны были быть отправлены во Францию по сибирской железной дороге. Все это было санкционировано правительством, с которым мы заключили мир. Мы уличили их в этом!» **

На самом деле чешский легион был сформирован до того, как советское правительство пришло к власти. И хотя это правительство, которое находилось в мире не только с немцами, но и с нами, номинально выражало согласие, чтобы военнопленные обеих сторон возвратились в свои страны, и в соответствии с этим дало разрешение чехам отправиться во Владивосток, — оно, однако, относилось к этим передвижениям чешских войск с возрастающим подозрением. Советское правительство разоружило чехов и начало отправлять их отдельными отрядами через Сибирь. Чехи с недоверием следили за этими действиями большевиков, они подозревали, что у советских властей есть какие-то другие дурные намерения. Но чехи были очень крепкие, дисциплинированные, целеустремленные люди; поэтому тактика, которая оказывалась чрезвычайно успешной в отношении дезорганизованной, растерянной и терроризованной буржуазии, была очень мало пригодна в применении к таким людям, как чешские легионеры. Они разоружили войска, которые должны были напасть на них, и захватили сибирскую железную дорогу. Теперь уже они занимали сильную стратегическую позицию, как для того чтобы обеспечить себе проезд до Владивостока, так и для того, чтобы оказать серьезное сопротивление большевикам и немцам, в равной мере, в южной и восточной России. Мы не преувеличим, если скажем, что присутствие чешского легиона было определяющим фактором в нашей сибирской экспедиции. Мы не только обязаны были принять необходимые меры, для того чтобы оказать им защиту, но мы смогли с их помощью создать нечто вроде антигерманского фронта в Юго-восточной России и вдоль всего Урала. Людендорф опять очень неточен, когда уверяет, что мы ставили себе целью свержение московского правительства; но он очень правильно оценивает ту роль, которую сыграли в нашем деле чешские войска, когда говорит:

«Антанта, поняв, что она не может сотрудничать с правительством, которое ждет помощи от Германии, начала борьбу

* *Ludendorff*, My War Memories, v. II, p. 566.
* Ibid., v. II, p. 564.

с большевизмом. Вместо того чтобы послать эти войска (т. е. чехов) во Францию, она задержала их на сибирской ж. д., на границе между Россией и Сибирью, и заставила их драться с московским правительством. Они постепенно продвинулись к Средней Волге, по направлению к Казани и Самаре. Вдобавок Антанта, заняв чехословацкими гарнизонами железную дорогу, не дала нам возможности вернуть наших военнопленных из Сибири. Это была для нас бесспорно серьезная потеря. . .

Новый фронт Антанты в России начался с приходом чехословаков на Среднюю Волгу» *.

Немцы, таким образом, признают, что мероприятия, которые мы провели внутри России, лишили их огромных подкреплений на восточном фронте и не дали им возможности использовать ресурсы России.

Мы не собирались свергнуть большевистское правительство в Москве. Но мы стремились не дать ему возможности, пока еще продолжалась война с Германией, сокрушить те антибольшевистские образования и те движения за пределами Москвы, вдохновители которых готовы были бороться заодно с нами против неприятеля. И было неизбежно, что наше сотрудничество с этими союзниками придаст вскоре нашей работе в России видимость борьбы за свержение большевистского правительства. Первоначально это поистине не входило в наши намерения.

В течение некоторого времени мы надеялись, что советское правительство, которое явно не могло желать проникновения немцев в Сибирь, попросит нас послать союзные отряды через Владивосток, чтобы отбросить немцев. По этим соображениям мы в апреле решили дать инструкции атаману Семенову, антибольшевистскому лидеру Восточной Сибири, которого в борьбе с большевиками поддерживала Япония, чтобы он воздержался от антибольшевистских выступлений; мы убеждали Японию занять такую же позицию. Но большевики не просили нас о помощи, а Семенов продолжал свою борьбу с большевиками. Сообщение японского правительства от 19 мая 1918 г. рисовало положение в этом районе в следующих чертах:

«Некоторое время назад британское правительство предложило имперскому правительству Японии начать интервенцию в Сибири, которую оно полагало необходимой, чтобы сдержать германское проникновение в страну. Впоследствии, учитывая позицию Соединенных штатов в этом вопросе, британское правительство признало желательным побудить, если возможно, советское правительство, чтобы оно само предложило союзникам начать интервенцию. Британское правительство поручило г. Локкарту вступить в переговоры с советским

---

* Ibid., v. II, p. 654, 655.

правительством по этому поводу. Имперское правительство не имеет сведений о ходе этих переговоров в последнее время, но оно полагает, что никакие конкретные результаты до сих пор не достигнуты. С другой стороны, британское правительство опасалось, что оказываемая союзниками поддержка отряду Семенова, который открыто стремится сокрушить большевиков, может помешать благоприятному развитию вышеуказанных переговоров. Поэтому оно просило японское правителство посоветовать Семенову воздержаться временно от дальнейшего продвижения вперед. Такой совет был дан Семенову через японца, который с ним связан, но оказалось невозможным заставить атамана изменить свои намерения. Более того, он продолжает свое наступление, ободренный теми успехами, которые он имел до сих пор в борьбе с большевиками. Казаки продолжают стекаться в его отряд, насчитывающий уже пять тысяч человек, и силы Семенова растут с каждым днем. Сейчас он уже угрожает Колымской...»

В сообщении указывалось далее, что почти нет надежд на то, что советское правительство призовет союзников оказать им помощь в борьбе с немцами; кроме того, интервенция в сотрудничестве с советским правительством только оттолкнет от нас антигерманские элементы в России. Поэтому, по мнению японского правительства, мы морально обязаны поддержать Семенова.

Другая трудность была связана с отрицательной позицией, занятой в этом вопросе президентом Вильсоном. Он считал, что всякая попытка интервенции в России без согласия советского правительства превратится в движение для свержения советского правительства ради реставрации царизма. Никто из нас не имел ни малейшего желания реставрировать в России царизм, но мы считали важным восстановить антигерманский фронт в России, пока война еще продолжается. Однако в вопросе об интервенции в Сибири мы столкнулись с недоверием Америки к Японии, с подозрениями Америки относительно намерений Японии на азиатском континенте. Эти подозрения были не вполне безосновательны, как показали позднейшие события. Семенов в дальнейшем стал известен, как «японская марионетка», и возможно, что совет, который они ему дали по нашей просьбе, был выражен несколько туманно.

28 мая на англо-французской конференции в Лондоне Пишон от имени французов очень настаивал на принятии необходимых мер для немедленной переброски чехов во Францию. В то время французы отчаянно дрались за каждого человека, которого можно было послать во Францию, чтобы помочь им отразить германское наступление. Но трудность заключалась в том, что у нас не было свободного транспорта для такой операции. Мы могли только просить японцев перебросить чехов через Тихий океан, тогда мы перевезли бы их в Европу за счет такого же числа американских солдат. Но даже и этим путем мы не могли надеяться перебросить во Францию к половине сентября больше чем $4^1/_2$—5 тысяч чехов;

кроме того, можно было опасаться, что эта перевозка помешает переброске японских войск в Сибирь. Все же мы всесторонне обсудили этот вопрос на заседании верховного военного совета в Версале 1—3 июня и приняли французское предложение. Мы решили просить японцев предоставить нам свой флот для переброски чехов, если только и пока эти суда не требуются им самим для отправки своих войск во Владивосток. Мы постановили, далее, по вопросу об японской интервенции в Сибири, что если японцы обещают соблюдать территориальную неприкосновенность России, не вмешиваться в ее внутренние дела и продвигаться возможно дальше на запад, чтобы притти в соприкосновение с немцами, то мы постараемся получить согласие президента Вильсона на японскую интервенцию.

В течение мая и июня становилось все более ясно, что нет надежды убедить большевиков сотрудничать с нами для совместной борьбы с германским проникновением в Россию. В этом деле нашими потенциальными союзниками были только антибольшевистские группы, которые утвердились в различных областях распавшейся империи. Отряд чехов пробился к Владивостоку, который они заняли 29 июня после трехчасового боя с большевиками. Они оккупировали город; было создано коалиционное правительство союзной ориентации под защитой чехов. 10 июля мы решили послать в помощь чехам во Владивосток один батальон наших войск из Гонконга; мы убеждали французов также послать войска во Владивосток, если это возможно.

24 июня ко мне на Даунинг-стрит пришел г. Керенский. Он просил союзников оказать помощь остаткам старых социалистических партий, которые входили в состав временного правительства до свержения его Лениным. Он утверждал, что говорит «от имени всей России, за исключением реакционеров и большевиков»; он уверял, что его поддерживает центральный комитет Учредительного собрания, которое разогнали большевики, конференция руководящих деятелей партии социалистов-революционеров, народно-социалистическая партия, социал-демократы (за исключением большевиков) и кадетская партия — партия цензовых буржуазных реформаторов. Эти партии во многом расходились между собой, но все они желали союзной интервенции, чтобы изгнать немцев и большевиков.

Керенский очень добивался союзной экспедиции через Сибирь. Чисто японская экспедиция была бы плохо истолкована, но если в экспедиции примут участие все союзники, японский контингент может быть как угодно велик. Мне было трудно обсуждать с ним сложившуюся ситуацию, поскольку у меня не было уверенности, что он представляет какие бы то ни было организованные силы, а не только резолюции, принятые где-то на тайных конференциях обиженными социалистами. Резолюции на бумаге ничего не стоят против пулеметов, а в России пулеметы находились у большевиков. Керенский не мог сказать нам определенно, сколько еще осталось на свободе его друзей и комитетчиков; он в последнее время не имел с ними связи. Он только высказал свое мнение, что большевики не могли совершенно разрушить эти организации:

> «Их силы с военной точки зрения ничтожны. На Западе много говорили о большевистских экспериментах по созданию красной гвардии, установлению воинской повинности и т. д. Но на практике эти мероприятия не привели ни к каким результатам. Влияние большевиков, по его словам, уже идет на убыль. . .»

Мне казалось, что Керенский недооценивает силы большевиков и переоценивает значение своих занимающихся болтовней группочек. Я сказал ему:

> «Если в России есть элементы, которые готовы воевать с Германией, союзники сделают для них все, что смогут.
>
> Г-н Керенский сообщил, что союзная интервенция не вызовет в стране возражений. Он пришел для того, чтобы сделать это заявление; он, однако, должен знать, каковы намерения союзников и чего он и его друзья могут ждать в будущем. Если союзники склонны помочь, надо будет провести еще несколько дальнейших бесед по вопросу о военных, экономических и других приготовлениях в самой России».

Упоминание о «дальнейших беседах» прозвучало зловеще. Я уже видел в перспективе, как отодвигаются практические мероприятия в России, пока мы будем с г. Керенским пробираться через дебри переговоров и дискуссий. Поэтому я направил моего визитера к г. Филиппу Керру (ныне лорд Лотиан) для дальнейшего изучения его предложений. Доклад Керра о его свидании с Керенским показал, что Керенский в сущности добивался только того, чтобы союзники признали его и его друзей-эмигрантов подлинным правительством России и обязались вернуть им власть. А прельстить нас он думал тем, что соглашался одобрить союзную интервенцию на российской территории против Германии:

> «Г-н Керенский сказал, что он считает необходимым с точностью выяснить позицию союзников в отношении России. Коалиция, которую он представляет, считает себя законной властью в России. Когда он и люди, от имени которых он выступает, говорят, что Россия еще считает себя союзной державой, они не болтают и не фантазируют, а выражают глубочайшее свое убеждение. Они считают, что союз между Россией и западными державами необходим в такой же мере союзникам, как и самой России, потому что воссоздание России как державы независимой в политическом, военном и экономическом отношениях — необходимая предпосылка для всякого длительного мира. Союзники должны искать своих друзей среди либеральных партий, от имени которых он выступает. Они не получат настоящей поддержки ни от большевиков ни от реакционеров. Единственная реальная политика — продолжение сотрудничества на началах старого союза».

Было очевидно, что цели Керенского и цели союзников не совпадают. Мы заботились только о том, чтобы обширная и плодородная территория Российской империи не стала вассалом центральных держав и источником снабжения их в этой войне. Не наше было дело решать, предпочитают ли русские, чтобы ими управлял Ленин или Керенский. Керенский же был озабочен главным образом тем, чтобы получить наше обещание рассматривать его и его друзей как «законное правительство России». По вопросу о том, какие военные силы могли бы он и его друзья собрать на стороне союзников против Германии, он выражался крайне туманно, ни к чему не обязывающими фразами. В общем, я понял, что он и его социалистические коллеги на той стадии не могли внести в дело ничего практически и материально ценного ни для того, чтобы утвердить свою власть в России, ни для того, чтобы бороться с немцами. Поскольку речь шла об этой второй задаче, мы должны были больше надеяться на воинственных казаков, усиленных чешскими легионами и теми отрядами, которые японцы и мы сами могли перебросить в Сибирь.

В течение некоторого времени мы обсуждали вопрос о посылке генерала Нокса в Сибирь, чтобы он изучил положение на месте и посоветовался с русскими деятелями союзной ориентации. 30 мая мы решили прощупать через посредство лорда Рединга, желательно ли, чтобы генерал Нокс поехал через Вашингтон и обсудил положение в России совместно с президентом Вильсоном. Но Вильсон вбил себе в голову, что Нокс как решительный враг большевизма будет добиваться реставрации царизма; он не только не пожелал встретиться с Ноксом, но ему не нравилась самая идея поездки Нокса через Соединенные штаты с такой миссией.

В середине июля, когда мы уже окончательно решили послать генерала Нокса во Владивосток, мы получили письмо от лорда Рединга, в котором он признавал маршрут Нокса во Владивосток через Америку крайне нежелательным ввиду тогдашних настроений в Соединенных штатах. Мы обсуждали этот вопрос на заседании военного кабинета 16 июля и решили, что генерал Нокс должен немедленно отправиться во Владивосток, но не должен заезжать в Вашингтон и не должен давать никаких интервью в пути. Лорда Рединга надо известить, что Нокс направляется нами в качестве главы британской военной миссии, которая войдет в состав будущего союзного штаба во Владивостоке; это был пост, для которого Нокс обладал исключительными данными. Г-н Бальфур в меморандуме, который он передал мне в тот же день, отметил полную абсурдность американской позиции в этом вопросе:

> «Бесспорно, что самодержавный строй претит англичанам всех политических оттенков, несомненно также, что восстановление российского самодержавия, насколько я могу судить, было бы большим несчастием для Британской империи. Самодержавие и милитаризм, естественно, идут вместе; и трудно себе представить, чтобы в случае реставрации царизма Россия

не стала опять чисто военной монархией. Но если так, она будет неизбежно опасна для ее соседей; ни для кого в такой мере, как для нас...

Более того, по моему мнению, восстановленный царизм был бы еще более опасен с точки зрения британских интересов, чем тот, который только что перестал существовать; почти несомненно, что этот новый царизм зависел бы во всем от Германии... Если я правильно рассуждаю, русское самодержавие, никогда не имевшее прочной опоры в своей собственной стране, будет искать поддержки у своего самодержавного германского соседа. Если германское самодержавие переживет эту войну и политические волнения, которые неизбежно последуют за войной, то трудно допустить, что оно не будет контролировать политику Российской империи.

Совершенно верно, что, как бы сильно и искренне ни было наше желание не вмешиваться в русские дела, практически будет почти невозможно, чтобы интервенция не имела некоторого (а может быть, и большого) влияния на русские партии. Интервенты должны будут в силу необходимости сотрудничать с теми, кто согласен с ними сотрудничать. Это косвенно усилит те партии, которые готовы воевать с немцами. Это нанесет прямой ущерб тем партиям, которые ждут помощи от Германии».

Я послал копию меморандума г. Бальфура лорду Редингу, надеясь, что это поможет ему объяснить президенту Вильсону положение вещей в России. Одновременно я послал лорду Редингу частное письмо, в котором указывал, что генерал Нокс не политик и при старом режиме в России был весьма непопулярен, так как высказывался очень критически о царских методах управления. Нокс, писал я, занят целиком военным положением на востоке, и он поэтому самый подходящий человек, для того чтобы разобраться в сибирском вопросе с военной точки зрения. Мы сами нисколько не сочувствуем русским реакционерам и с начала этого года старались поддерживать отношения с большевиками. Я добавил к этому, что единственной, настоящей гарантией против реакции в России может быть лишь сам президент. Если он присоединится к интервенции в Сибири, он сможет в дальнейшем лично направлять ход событий, так как все остальные союзные державы, если не считать Японии, слишком заняты на западе, чтобы уделять достаточное внимание событиям в России. Если, наконец, Вильсон намерен послать авторитетную политическую миссию в Сибирь, я, понятно, приму меры, чтобы ее сопровождал и наш представитель из числа либералов или лейбористов.

На заседании верховного военного совета в Версале 2 июля мы приняли длинный меморандум к президенту Вильсону, в котором было обрисовано положение вещей в Сибири и приводились мотивы, которые заставили нас начать интервенцию. Меморандум заканчивался обращением к президенту с просьбой одобрить предлагаемые

нами мероприятия и дать нам возможность осуществить их, пока не будет слишком поздно.

Президент Вильсон только в конце июля решил принять участие в проектируемой совместной интервенции в Сибири. Но даже и тогда он, повидимому, совсем не представлял себе масштаба этого предприятия. Он дал свое согласие на то, чтобы англичане и американцы послали по семи тысяч солдат, а японцы при помощи этих контингентов создали бы такую армию, которая сможет освободить чехословаков в Сибири, отбивающихся от большевиков, вблизи озера Байкал. Для этого, по мнению Вильсона, достаточно было японского контингента, равного по численности американскому. Однако французы и мы понимали, что для этого потребуются гораздо бо́льшие силы.

Это расхождение во мнениях разрешилось довольно забавным образом. Американский контингент со всеми его крупными вспомогательными отрядами оказался по численности ближе к девяти тысячам, чем к семи. Японцы на этом основании немедленно увеличили свой контингент. Впоследствии войска, высаженные разновременно японцами во Владивостоке, насчитывали свыше 70 тысяч солдат. Наши совместные силы, при поддержке русской армии, собранной генералом Ноксом, позволили нам утвердиться во всей Сибири. К тому времени, когда было подписано перемирие, 11 ноября 1918 г., очень пестрый по составу кордон союзных войск сторожил всю Сибирь по линии сибирской железной дороги вплоть до Урала. Он включал русских белогвардейцев, чехов, британские морские и военные части, японцев, американцев и маленькие группы французов и итальянцев. Положительная роль этого кордона заключалась в том, что мы не дали возможности Германии внедриться в Сибири и утвердить там свое влияние, которое они могли бы использовать после войны. Потом дело повернулось так, что война закончилась полным крушением центральных держав; Брест-литовский мир стал клочком бумаги, и обширная программа экспансии на Востоке, которую лелеяла Германия, свелась на-нет. Ни одно из условий страхового полиса не вступило в силу, и крепкие задним умом критики могут теперь утверждать, что нечего было и тратиться на страховку. Так оно и бывает большей частью со страховыми полисами. Но весной 1918 г., когда исход войны был еще не ясен, благоразумие требовало, чтобы мы всеми мерами предотвратили возможность эксплоатации германцами огромных ресурсов России и Сибири и не допустили германской экспансии на российской территории.

4. КАСПИЙ

Была еще третья область российской территории, где нам пришлось выступить после краха России и после заключения Брест-литовского договора, чтобы сдержать напор центральных держав и не дать им воспользоваться ее богатствами. Эта область находилась на юге, у берегов Каспия, где залегают бакинские нефтяные месторождения.

Когда русская армия под командованием Юденича рассеялась и путь к этой богатейшей области оказался открытым, сюда устремились одновременно наперегонку и немцы и турки. Мы были озабочены тем, чтобы не допустить захвата этой области ни теми ни другими. В течение апреля, мая и июня 1918 г. турки через Армению и северо-западную Персию хлынули в Грузию; одновременно немцы начали энергичное продвижение через Украину на восток в том же направлении. В апреле турки оккупировали Батум, а 8 июня правительство независимой Грузии подписало мир с Германией и Турцией. После этого немцы перебросили через Черное море свои части, которые 12 июня оккупировали Тифлис.

Мы в это время не сидели сложа руки. 27 января 1918 г. наша армия в Месопотамии послала из Багдада миссию, задачей которой было облегчить продовольственное положение в северной Персии и обеспечить свободное сообщение между Багдадом и Каспийским побережьем. Командовал этой миссией генерал Данстервилль. 17 февраля миссия генерала Данстервилля достигла Энзели на южном берегу Каспийского моря. В последующие месяцы он проводил работу по оказанию продовольственной помощи населению северной Персии и боролся с турецкими и большевистскими агентами в этой стране. Данстервилль обосновался со своим штабом в Казвине.

Германское и турецкое нашествие на Грузию вызвало взрыв национальных чувств, и 26 июля большевистское правительство в Баку было свергнуто в результате переворота, а новое правительство обратилось к Данстервиллю с просьбой о подкреплениях, которые он должен был перебросить на предоставленных ему для этой цели новым правительством транспортах через Каспийское море. Данстервилль начал собирать местные ополчения, но они оказались очень незначительными. Турки 26 августа произвели атаку на Баку, но она была отбита нашими войсками. Тогда они обложили город, и в конце концов в ночь с 14 на 15 сентября Данстервилль и его части эвакуировали Баку и отошли к Энзели. Экспедиция сумела удержать нефтяные источники в Баку вне пределов досягаемости для центральных держав в критический период войны, а теперь уже неприятель никак не мог их использовать. Спустя шесть недель Турция вышла из войны.

Последние главы истории союзной интервенции на российской территории принадлежат уже к послевоенному периоду. Самая опасность, во имя которой эта интервенция была предпринята, совершенно исчезла, когда во второй половине 1918 г. на всех фронтах, на востоке и западе, рухнули окончательно все неприятельские армии. Теперь оставался только вопрос, должны ли мы попрежнему помогать тем нашим союзникам в России, сотрудничество которых с нами в общей борьбе против Германии еще недавно было таким желанным. Когда стало ясно, что их стремление к власти обречено на неудачу и что русский народ окончательно отдает свои симпатии большевистскому режиму, наш уход стал неизбежен. Но это уже другая история.

Глава восемьдесят четвертая

ЗАРЯ НА ВОСТОКЕ

В течение весенних и летних месяцев 1918 г. на западном фронте во Франции и Фландрии развернулась такая грандиозная борьба за окончательное превосходство, что главные участники этого страшного состязания почти совсем не обращали внимания на остальные театры войны. Они рассматривались только как источники пополнений для великих боев на западе. Все крупнейшие генералы Антанты предсказывали нам, что война будет продолжаться и в 1919 г., и всем правительствам было приказано подготовить достаточно людей и машин на случай, если придется воевать и в 1920 г. И однако именно те события, которые произошли на этих забытых и презираемых театрах на востоке, привели войну к концу уже в 1918 г. Если бы не они, война продолжала бы свой кровавый марш весной и летом 1919 г.

На всех этих театрах ситуация благоприятствовала решительному удару со стороны союзников; и если бы этот удар был нанесен раньше, то и неприятельские армии рухнули бы гораздо раньше.

Турки были измотаны и дезорганизованы. Дезертирство уже почти свело на-нет их тощие контингенты. Генерал Маршалл в Месопотамии не имел перед собой сколько-нибудь компактных боевых сил неприятеля. Однако крушение русских армий на его правом фланге, беспрерывные волнения в Персии и длина его коммуникационных линий сковывали генерала Маршалла и не давали ему двинуться в наступление с теми силами, которые он имел в своем распоряжении. В Палестине турецкие войска еще оказывали нам сопротивление в различных мелких схватках и стычках, но и они уже превратились в жалкие остатки отрядов, истребляемых эпидемиями, «голодных, оборванных, обовшивевших, растерянных, отчаявшихся, к тому же и по численности уступавших неприятелю» *. На салоникском фронте болгарские солдаты совершенно потеряли интерес к войне и мечтали вернуться домой на свои поля. В Италии австрийские войска были деморализованы голодом и усталостью, которые безраздельно царили в тылу, на их родине. Они предприняли вялое

---

* «Official History -- Military Operations», Egypt and Palestine, v. II, p. 446.

наступление в июне на Пиаве, но когда оно окончилось неудачей, фронт впал в полную неподвижность вплоть до завершающего итальянского наступления в октябре.

Я уже показал в другом месте, как разгром Болгарии ускорил капитуляцию Германии и сделал ненужной кампанию 1919 г., которую нам предсказывали все великие лидеры союзных армий: Петэн до самого конца, Фош в июле после великого германского поражения в Шампани, Хейг еще в октябре.

Все «западники» закрывали глаза на те возможности, которые открывались перед нами на восточных театрах. Можно понять, почему французы держались этой позиции: неприятель находился на расстоянии орудийного выстрела от их столицы. Но гораздо труднее понять, как удавалось нашим военным лидерам и советникам сохранить в неприкосновенности такие односторонние и близорукие взгляды. Это противоречило всем военным и морским традициям, создавшим нашу империю. Но мы все помним, как раздувался всякий незначительный успех, одержанный во Франции или Бельгии, и как сообщения о действительно значительных победах, одержанных союзниками на других фронтах, печатались в газетах мелким шрифтом и под почти незаметными заголовками. Малейшее продвижение на западе раздувалось как великая победа, а поразительные победы сербов в 1914 г. едва были отмечены; победы Брусилова, когда он брал сотни тысяч пленных, не привлекали столько внимания, как продвижение на один километр и несколько тысяч пленных на западе.

Следственная комиссия рейхстага, которая была создана после войны для изучения причин военного поражения в Германии в 1918 г., после исчерпывающих исследований пришла к заключению, что:

> «Война с военной точки зрения была проиграна во время отхода германских войск на западном фронте в сентябре 1918 г., когда крушение Болгарии, за которым последовал крах Австро-Венгрии, совершенно изменило положение германской армии на поле сражения. Начиная с этого времени всякая попытка добиться мира чисто военными средствами становилась совершенно бесцельной» *.

Я уже приводил заявление Людендорфа, что, когда он и Гинденбург узнали о разгроме Болгарии, они пришли к выводу, что и Германия должна просить перемирия. Они поняли, что игра проиграна.

4. САЛОНИКИ

Из всех «захолустий» самым важным оказался презираемый всеми салоникский фронт. Здесь именно произошла та смертельная схватка с центральными державами, которая окончательно сломила их сопротивляемость и в конце концов заставила их отбросить все

* «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918», Reichstag Report, Bd. I, S. 23.

надежды на успешное продолжение войны. Балканы — задняя дверь Центральной Европы, и, когда мы взломали эту дверь, мы увидели конец войны.

Политика союзников на Балканах в течение всего начального периода войны отмечена удивительным отсутствием дальновидности и здравого смысла. Мы отклонили почему-то помощь, которую предлагала нам Греция в начале войны, когда греческие войска могли оккупировать и удержать Галлиполийский полуостров и поставить Константинополь под удар нашего флота. Они могли бы также сдерживать Болгарию. Мы в самом начале отказались поддержать Сербию, хотя мы могли тогда спасти эту страну от разорения и превратить ее в базу для союзных атак на Австрию. Впоследствии, слишком поздно, мы перебросили экспедиционный отряд в Салоники; он был слишком мал, чтобы вести серьезное наступление против неприятеля, но слишком велик для целей защиты и обычной гарнизонной службы. Мы не сумели удержать Болгарию от присоединения к нашим врагам и в течение долгого времени так запутывали наши отношения с Грецией, что она не только не становилась нашим союзником, но оставалась опасной занозой в нашем тылу. В июне 1917 г. мы заставили короля Константина отречься от престола, и после этого Греция с Венизелосом во главе присоединилась к нам. Это означало, что мы могли усилить греческими войсками наши части на Балканах, и Венизелос предложил нам выставить 12 дивизий, 9 из них уже к концу 1917 г., если только Антанта сможет снабдить их необходимым снаряжением, тяжелой артиллерией и т. п. К несчастью, генерал Саррайль, который командовал союзными войсками на этом участке, никак не пользовался успехом у своего начальства на родине, и в результате все его попытки получить снаряжение и продовольствие для греков оставались без внимания: они так-таки ни к чему и не привели. На конференции верховного военного совета 1 декабря 1917 г. мы узнали от Венизелоса, что он не смог выполнить свое обещание о 12 дивизиях только потому, что французы не дали обещанного снаряжения. В результате только три дивизии были к тому времени мобилизованы, и даже они не имели тяжелых орудий и прочего снаряжения. Невозможно было призывать в армию больше людей, если нечем было их кормить и экипировать. Как только верховный совет узнал об этой идиотской небрежности, правительство выправило положение, но шесть месяцев были потеряны безвозвратно.

В конце декабря французское правительство отозвало генерала Саррайля и заменило его генералом Гильома́. Ему было поручено закончить оборонные мероприятия на балканском фронте и изучить возможности наступления. Эта перемена уже давно стала неизбежной, потому что генерал Саррайль, человек больших способностей и большого обаяния, совершенно провалился в качестве командующего объединенными союзными экспедиционными войсками. Он больше интересовался политикой, чем прямым своим делом, которое он совершенно забросил. Его страсть к политическим интригам заставляла его вмешиваться в дела ближневосточных стран и поро-

ждала постоянные пререкания с греками. Он в значительной мере повинен в той безвыходной путанице, которую мы впоследствии распутали, лишив короля Константина престола. Более тактичный генерал мог бы справиться с положением, не доводя короля до открытых враждебных выступлений против нас. Мы требовали от генерала Саррайля отчетов о положении, но отчеты эти не прибывали. Уже 6 июня 1917 г. я должен был — хотя очень этого не хотел — написать г. Рибо, чтобы он назначил другого генерала на место Саррайля и сместил его немедленно. Вот это письмо:

«6 июня 1917 г.

Мой дорогой г. Рибо,

Военный кабинет весьма озабочен многочисленными серьезными сообщениями о недавних наступательных операциях на салоникском фронте — сообщениями, которые заставляют серьезно призадуматься над пригодностью генерала Саррайля в качестве главнокомандующего большими союзными силами на этом фронте.

По стратегическим планам союзников, мы должны были ранней весной начать наступление на салоникском фронте. Насколько мы могли судить и по общему мнению всех компетентных лиц на месте, при надлежащем руководстве мы имели прекрасную возможность нанести неприятелю тяжелый удар. Однако операции, повидимому, окончились полным фиаско.

Судя по отчетам, которые мы получили от наших представителей, эти результаты обусловлены никак не недостатком мужества и упорства со стороны наших войск, но целиком ошибками главного командования. По всем признакам, не был составлен сколько-нибудь согласованный план кампании и не было должного контакта между генералом Саррайлем и армиями, которые находятся под его командованием. Наступление, повидимому, носило характер отдельных операций, не координированных между собой и никак не поддержанных. Не было сделано также и попытки использовать и закрепить достигнутые успехи.

Военный кабинет считает, что эти донесения полностью подтверждаются той информацией, которую он получил от итальянцев, русских и сербов. По этим донесениям выясняется далее, что генерал Саррайль после полутора лет командования совершенно потерял доверие союзных войск, порученных его заботам.

При таких обстоятельствах военный кабинет пришел к заключению, что не имеет права оставлять очень большие британские воинские силы на Балканах под командованием генерала Саррайля.

От своего имени скажу, что я пишу Вам все это с чувством величайшего сожаления. Как вы знаете, я всегда был отнюдь не противником генерала Саррайля. Он произвел на меня

очень благоприятное впечатление, когда мы встретились в Риме, и я в нескольких случаях защищал его и требовал, чтобы ему были предоставлены все возможности для выполнения намеченной нами программы. Должен признать безоговорочно, что он лойяльно соблюдал данные нам обещания. Но, после того как я прочел полученные нами сообщения и навел дальнейшие справки, я всецело присоединяюсь к мнению военного кабинета, что мы не имеем права оставлять британские силы на Балканах под верховным командованием генерала Саррайля.

Мы искренно надеемся, что французское правительство признает небходимость назначения другого генерала вместо генерала Саррайля и сейчас же предложит какому-нибудь компетентному офицеру на месте взять на себя командование до прибытия нового главнокомандующего.

Искренне Ваш Д. Ллойд Джордж».

Вскоре после получения этого моего письма Рибо ушел в отставку, за ним последовал Пенлеве, который был очень привязан к генералу Саррайлю и считал, что оппозиция против Саррайля французских военных кругов вызывается причинами чисто политического характера. Когда же Клемансо пришел к власти, мы возобновили наши просьбы, и он сейчас же принял меры.

Но если перемена в командовании давала нам надежды на бо́льшую гармоничность и эффективность действий салоникских экспедиционных войск, то сама по себе она еще не сулила перспективы нового наступления на этом фронте. Наоборот, создавшееся в декабре 1917 г. и в первой половине 1918 г. положение в Македонии — поскольку об этом мог судить верховный военный совет — совершенно исключало возможность серьезного наступления. Мы воспользовались вступлением греков в ряды воюющих на нашей стороне, чтобы отозвать две из наших дивизий в Египет и Палестину. По данным, которые были представлены военно-разведывательным управлением военному кабинету 12 декабря 1917 г., общая численность союзных войск в Македонии, включая англичан, французов, сербов и греков, составляла 160 тысяч человек, тогда как болгары и немцы имели против нас 203 тысячи винтовок. Это означало, что мы должны держаться строго оборонительной тактики.

Все дело в том, что наши войска на Балканах, которые призваны были нанести *последний сокрушительный удар* неприятелю, оставались вплоть до второй половины 1918 г. в положении всеми презираемой Золушки среди остальных союзных армий. Британское военное министерство никогда этой Золушки не любило. Даже британская официальная история приводит факты вопиющего пренебрежения, волокиты и канцелярщины в отношении самых непосредственных нужд этой армии. Все это без всякой необходимости ухудшало положение этой армии, страдавшей от малярии и недостаточного снаряжения. Как я уже указывал в другом месте, она была обязана своим существованием скорее дипломатическим соображениям, чем

дальновидности военных руководителей. Экспедиция была предпринята не для того, чтобы разбить неприятеля, а для того, чтобы спасти остатки сербской армии и не допустить превращения всего Балканского полуострова, включая Грецию, в австро-германскую провинцию. Главным инициатором этой экспедиции было французское правительство. Наше правительство дало свое согласие с некоторыми колебаниями, а наши военные власти относились к ней все время очень недоброжелательно. Они непрестанно требовали, чтобы мы совсем отвели наши войска из Салоник и сосредоточили все наши силы на западном фронте для тщательно разработанных наступательных операций, которые не принесли нам ничего, кроме огромных потерь.

Г-н Клемансо, который 16 ноября 1917 г. стал французским премьером, также относился к салоникской экспедиции без всякого сочувствия, и в последующие месяцы французские войска на этом фронте были также позабыты, как и наши части. 25 января 1918 г. начальник оперативного отдела военного министерства сообщил нам, что французские войска в Салониках испытывают недостаток в военном снабжении и страдают от голода; это, впрочем, не относилось к итальянским или английским войскам. Они насчитывали уже 28 тысяч человек, выбывших из строя по болезни. Было еще и другое обстоятельство, которое ослабило мощь экспедиционной армии. Дело в том, что в состав этой армии входила одна русская дивизия, но с февраля 1918 г. уже нельзя было рассчитывать, что эта дивизия удержит свои позиции. Пришлось ее отозвать, и ее участок фронта был занят англичанами. Русские были использованы для нестроевых работ за линией фронта, но уже 12 марта военному кабинету было сообщено, что придется эту дивизию совсем отозвать, потому что русские вносят разложение в ряды сербских войск, и есть опасение, что они внесут деморализацию и в ряды греков.

Когда немцы произвели в марте свой прорыв на западном фронте и мы собирали всевозможные резервы для укрепления нашей линии, возникла мысль отозвать наши части из Салоник. Однако же было решено:

> «Ни одна из четырех английских дивизий (включая одну бригаду) на салоникском фронте не может быть переброшена во Францию, так как все они хотя и укомплектованы полностью, но чрезвычайно ослаблены малярией».

Новое германское наступление на реке Лис заставило нас снова заняться этим вопросом. Военные власти долго спорили, отозвать ли две дивизии или не отозвать, но эту идею пришлось оставить ввиду протестов с французской стороны. Тогда на заседании военного верховного совета 2 мая я выдвинул предложение сократить состав этих дивизий, которые состояли из 12 батальонов, до 9 батальонов в каждой, а остающиеся батальоны перебросить во Францию. Клемансо соглашался, чтобы мы заменили в Салониках английские войска индийскими батальонами, а французские — греческими, если только генерал Гильомá сочтет, что это возможно. В конце концов

мы решили послать в Салоники одного французского и одного английского офицера генерального штаба, чтобы они изучили вопрос на месте совместно с генералом Гильомá. Наше военное министерство избрало для этой цели генерал-майора сэра К. Л. Вулкомба, и он отправился в Салоники 15 мая. 30 мая он сообщил нам, что французы отзывают 12 тысяч своих войск из Салоник во Францию. Это поразило меня, как довольно своеобразный метод поведения: они отводили свои войска, не сказав нам об этом ни слова, тогда как на верховном военном совете в Аббевилле они энергично протестовали против того, чтобы мы отводили свои войска. Но, вместо того чтобы возбудить протест против этого, начальник имперского генерального штаба предложил, чтобы мы воспользовались этим как предлогом и заменили некоторые из наших батальонов индийскими войсками, а британские части перебросили на западный фронт. Никто не думал в то время о переходе на салоникском фронте к наступательным операциям.

Наше относительное благополучие на Балканáх вплоть до этого момента зависело не столько от правильного руководства союзными силами на этом участке, сколько от нежелания болгар начать наступление. В этом наступлении они неизбежно получили бы жестокие удары ради очень сомнительного удовольствия занять территорию, которую они ни в коем случае не смогли удержать за собой навсегда. Генерал Гильомá, когда он сменил генерала Саррайля, получил специальные инструкции подготовить и представить планы обороны на этом фронте, учитывая даже возможность отступления, если мы будем атакованы здесь большими силами. На заседании верховного военного совета 15 марта я жаловался, что эти планы до сих пор не представлены. Мне сказали, что планы разрабатываются и будут сообщены военным представителям союзников в Версале. 12 июня наш военный представитель генерал Секвиль-Вест сообщил военному кабинету, что планы еще не получены; он жаловался на неудовлетворительное состояние вопроса об обороне союзных линий на Балканах. В этом его энергично поддержал начальник имперского генерального штаба, который заявил:

> «Мы несколько раз просили генерала Гильомá представить планы отступления в случае необходимости, но до сих пор ничего не добились. Если таких планов нет (мы имеем основание так думать), то огромные бедствия угрожают нашим войскам на этом театре войны».

Далее верховное командование сообщало, что Клемансо решил отозвать Гильомá и посылает на его место генерала Франше д'Эспере.

Перемена в составе балканского командования совпала со значительными переменами в военной обстановке. Немцы, истощенные двумя повторными наступлениями на западе, должны были отвести основные свои силы с балканского фронта, оставив его на попечение болгар, а болгарам уже надоело бороться за австро-германские амбиции на Балканах. Болгары к тому же голодали, потому что немцы

забрали у них все их продовольственные запасы, чтобы как-нибудь прокормить свой собственный голодающий народ. Болгарские армии испытывали недостаток в снаряжении, и Германия перестала субсидировать болгарское казначейство. А у союзников прилив свежих американских подкреплений во Францию делал уже необязательным отозвание войск с салоникского фронта. Греческие армии были уже мобилизованы и экипированы; они уже доказали свою храбрость в небольшом, но удачном наступлении на фронте в $7^1/_2$ миль у Скра ди Леген к западу от Вардара, где они 30 мая продвинулись на $1^1/_4$ мили и взяли 2 тысячи пленных.

Эта победа открыла глаза правительствам Антанты на те возможности, которые открывались на Балканах. Оказалось, что мобилизованные Венизелосом греческие войска отличаются высокой боеспособностью и что на них можно рассчитывать в случае нашего наступления. Оказалось также, что болгары уже не дерутся с таким подъемом, как это было в 1915 и 1916 гг. Генерал Франше д'Эспере, очень компетентный военный специалист, пришел к заключению, что ситуация благоприятствует большому наступлению на этом фронте. Вопрос этот обсуждался на заседании верховного военного совета в июле и было решено запросить по этому поводу соображения военных представителей. К этому времени Клемансо, который раньше был противником «захолустных фронтов», увлекся идеей наступления на Балканах и стал энергично добиваться ее осуществления. Это тем более удивительно, что он всегда был решительным противником салоникской экспедиции. Он говорил во время прений на заседании военного совета:

> «Он (Клемансо) сам был первоначально противником какой бы то ни было балканской экспедиции. Он никогда не верил, что наступление на этом фронте может дать удовлетворительные результаты. Можно ли в таком случае обвинять его за то, что он хочет начать сейчас большое наступление на Балканах? Он так решительно в свое время противился любым предложениям этого рода, что даже как-то предложил отозвать все союзные силы из Салоник».

В данный момент, пока мы еще ожидали ответа от военных представителей, единственной операцией на балканском фронте было продвижение итальянцев в Албанию.

4 сентября генерал Гильома́, который уже сдал балканское командование генералу Франше д'Эспере и вернулся во Францию, явился на Даунинг-стрит на конференцию по вопросу о наступлении на Балканах. Он сделал нам доклад, который очень расходился с теми сообщениями о положении и перспективах союзных армий на македонском фронте, которые мы получили от военного министра:

> «Когда я взял в свои руки командование в Салониках в декабре 1917 г., я покидал Париж под впечатлением, что придется встретиться с большими трудностями, потому что наша армия уступает во многом неприятельской. Я скоро убедился,

что это впечатление было неверным. Я был очень удивлен, когда нашел в Салониках сильную и хорошо снаряженную армию; я еще более удивился тому, что такую армию так долго оставляли в бездействии. Британские войска, в частности, были лучшие из всех, какие я когда-либо видел в жизни, даже лучше тех, которые дрались на Сомме. Французские войска были очень хороши и полноценны во всех отношениях. В сербской армии были также хорошие части; итальянцы равным образом были хорошо представлены людьми и материалами. Все это справедливо и для настоящего момента, и я прямо скажу вам, что не предвижу серьезной опасности в этом наступлении. Сейчас необходимо только обсудить, как наилучшим образом использовать эти силы. Положение с тех пор еще более улучшилось в результате мобилизации греческой армии. В конце 1917 г. у нас были только три дивизии национальной обороны, которые были сформированы временным правительством, но с тех пор г. Венизелос, который стал во главе афинского правительства, увеличил эти силы до 9 дивизий».

Контраст между этой оптимистической оценкой боеспособности салоникской армии и сообщениями о дивизиях, настолько, якобы, истощенных малярией, что они уже даже не могут двинуться с места, — это лишь одна из многих иллюстраций того, как трудно получить надежную информацию о вещах, которые очень нетрудно проверить, если бы военное ведомство считало желательным сообщать правительству правду.

Оценка генерала Гильома́ получила полное подтверждение после поразительного успеха нашего наступления на Балканах, состоявшегося в последних числах этого же месяца. Так же как и во время турецкой кампании, мы недооценивали силы союзников и переоценивали храбрость неприятеля. Наши военные союзники в своем всегдашнем презрении к «захолустьям» и в своем стремлении сконцентрировать все силы на западном фронте ввели свои правительства в заблуждение относительно тех возможностей, которые открывались перед нами на этих театрах войны. Девять греческих дивизий могли бы вступить в строй уже в конце 1917 г., если бы только военное ведомство скорее отпустило им снаряжение. (Об этом я уже говорил в одной из предшествующих глав.) С этим подкреплением мы могли бы разнести вдребезги фронт неприятеля на юго-востоке. А между тем единственный совет, который нам давали наши военные советники, сводился к тому, что мы должны ограничиваться робкой защитой и тщательно подготовлять планы отступления или даже окончательного ухода из Салоник. Такой удар на Балканах, если бы он состоялся, отразился бы сокрушительнейшим образом на всей германской стратегии на западном фронте. Чтобы спасти от краха своих болгарских союзников, немцы должны были бы перебросить несколько дивизий на Балканы.

Я подробно расспрашивал Гильома́ и выпытывал у него подробнейшие сведения о подлинном состоянии коалиционных армий и их

снаряжении, равно как и о численности и боеспособности болгар. После этого я вышел в другую комнату вместе с лордом Робертом Сесилем и сэром Генри Вильсоном, начальником имперского генерального штаба, чтобы вынести решение по этому вопросу. Вильсон был все еще настроен скептически. Он высказался о наступательных планах генерала Гильома́ в таком духе:

> «Он (Гильома́) ставит перед собой три задачи: во-первых, хорошенько щелкнуть болгар, во-вторых, поставить на ноги греческую армию и, тем самым, в-третьих, высвободить некоторое количество французских и английских войск. Все это может принести кой-какую пользу. Но его планы производят впечатление не вполне разработанных. Сомнительна, например, идея занять фронт в 14 километров всего лишь шестью сербскими и двумя французскими дивизиями. Впрочем, мы не вступим в бой, пока не дождемся сербской победы. Если сербское наступление окончится неудачей, они не решатся просить нашей помощи».

Вильсон всегда был ультразападником; это говорил человек, который совершенно искренне не ждал ничего хорошего из Македонии. Таково было мнение военных советников нашего правительства даже в сентябре 1918 г. Вот почему, несмотря на мое давнее убеждение, что надо атаковать противника в самом его слабом месте, я никогда до сих пор не мог склонить их к каким бы то ни было операциям на этом фронте. Теперь, однако, мы услышали показания французского генерала, который хорошо знал обстановку, и я решил настаивать на наступлении. Вернувшись в зал заседаний конференции, я сообщил, что британское правительство согласно с планом наступления. Я предложил, чтобы мы побудили итальянцев начать одновременно наступление на своем фронте против Австрии. Однако македонское наступление, заявил я, никак не должно быть отложено в ожидании итальянского выступления. План генерала Гильома́ начать 15 сентября наступление на Балканах должен быть выполнен в форме атаки по всей линии фронта.

Когда мы начали наше наступление, Людендорф послал в Салоники альпийский корпус с западного фронта, две дивизии с итальянского фронта, одну из Украины и три дивизии с востока, которые предназначались было для западного фронта и уже начали передвигаться в этом направлении. Он ослабил, таким образом, свои наличные и потенциальные подкрепления для западного фронта на 6 или 7 дивизий; и все же он не мог спасти Болгарию, потому что его помощь прибыла слишком поздно. Союзники повели атаку 15 сентября французскими и сербскими войсками на восточных секторах салоникского фронта; успех этой атаки был быстрым и сокрушительным. Если долгие годы позиционной войны утомили болгар и заставили их мечтать о возвращении домой к своим полям, то это же самое заставило сербов отчаянно драться; кроме того, ими руководил один из самых способных генералов этой войны. Они бешено устремились в бой, чтобы разбить неприятеля и пробить себе, на-

конец, дорогу назад на свою родину. Болгары, хоть они и были мужественными бойцами, не могли сопротивляться такому нажиму, и сербы врезались в их строй, как нож врезается в масло. Фронт наступления, который вначале составлял 7 миль, расширился на второй день до 15 миль и до 25 — на третий; к этому времени сербы продвинулись на 20 миль вперед от исходной точки. 18 сентября линия фронта еще расширилась, когда на правом фланге к востоку от реки Вардар британские и греческие армии обрушились на дойранский сектор фронта — самый укрепленный сектор всей неприятельской линии. Четыре дня шла борьба за этот сектор, а затем неприятельский фронт рухнул и здесь в результате отступления болгар на всем остальном фронте.

Тем временем сербы продолжали свое победоносное продвижение далее на запад. Они хлынули по пересеченной гористой местности — которую военные специалисты сочли бы совершенно непригодной для быстрого передвижения — как по открытой равнине. Атака сербов началась 15 сентября. 23 сентября они продвинулись на сорок миль и раскололи совершенно непоправимо болгарские армии. Это один из самых блестящих эпизодов войны: сербы взяли штурмом позиции неприятеля, прочно засевшего в естественных укреплениях на высотах, господствующих над штурмующей армией. 26 сентября болгарский главнокомандующий обратился с просьбой о перемирии и мире. Через три дня болгарские уполномоченные приняли чрезвычайно суровые условия перемирия, продиктованные им генералом Франше д'Эспере в Салониках, а 30 сентября эти условия были ратифицированы союзными правительствами, и военные действия прекратились. В течение первой половины октября итальянцы продолжали свое продвижение в Албанию, а сербы стремительно пробивались через свою собственную страну, выбивая по пути из гнезд небольшие австрийские и германские гарнизоны, а к 19-му они достигли уже берегов Дуная. Теперь союзники находились уже на великом водном пути, по которому они могли снабжаться из Румынии и с Черного моря. Если бы мы оказались на Дунае не в октябре 1918 г., а в 1914 или 1915 г., когда эта дорога была еще широко открыта перед нами, — война кончилась бы на несколько лет раньше. 1 ноября сербы опять утвердились в своем Белграде; и в тот же день Венгрия восстала против своих австро-германских союзников и создала независимое правительство в Будапеште.

Людендорф сообщает, что вечером 28 сентября, в тот день, когда болгарские делегаты прибыли в Салоники, Гинденбург и он решили, что надо немедленно просить о перемирии и о мире. На другой день он предложил германскому министру иностранных дел предпринять необходимые шаги в этом направлении, а утром 30 сентября выпустил коммюнике к германским военным представителям в генеральном штабе, которое началось такими словами:

«События в Болгарии захватили генеральный штаб врасплох. Болгарская армия рухнула. Сегодня заключено перемирие...

> События в Болгарии и их последствия, напряжение на западном фронте без перспектив на улучшение, невозможность восстановить положение при помощи наступления убедили фельдмаршала и меня, что в интересах армии необходимо положить конец военным действиям» *.

Генерал фон Кюль, один из самых способных германских штабных офицеров, участвовавших в войне, в своих показаниях комиссии рейхстага указывал:

> «После крушения Болгарии 3 октября 1918 г. перед генеральным штабом встал вопрос: «Если сегодня отпадет Румыния, как долго мы сможем продержаться без ее нефти? Заставит ли нас крушение Румынии немедленно прекратить военные действия?» Ответ после дискуссий был такой:
>
> «Авиация сможет продолжать свою работу в полном объеме еще приблизительно два месяца (месяц на фронте и месяц в тылу). После этого срока она совершенно выбывает из строя.
>
> Автотранспорт сможет продолжать работу в полном объеме еще приблизительно два месяца (месяц на фронте и месяц в тылу). После этого он должен будет перейти на работу в половинном размере.
>
> Смазочного масла у нас хватит на шесть месяцев; после этого срока все машины придут в бездействие.
>
> Осветительная нефтяная промышленность (т. е. снабжение керосином гражданского населения и сельского хозяйства, что чрезвычайно важно) остановится через один-два месяца. . .»
>
> На заседании под председательством рейхсканцлера 17 октября 1918 г. военный министр Шейх указал, что без румынских запасов мы можем продолжать войну еще полтора месяца» **.

Легко понять, почему Гинденбург и Людендорф считали, что поражение Болгарии кладет конец всем надеждам на дальнейшее сопротивление с германской стороны. Даже располагая румынской нефтью, немцы испытывали большие затруднения в области транспорта. Если бы мы приняли меры, чтобы утвердиться на Балканах в 1915 г., как мы и должны были сделать, этот недостаток запасов нефти сократил бы продолжительность войны по крайней мере на два года.

Фон Кюль приводит также данные, которые показывали, что получавшиеся из Румынии продовольственные запасы имели для Германии жизненное значение и оправдывали оставление там германских частей, несмотря на острый недостаток живой силы на западе. Это справедливо также в отношении продовольственных запасов Украины. Снабжение из Украины после многих трудностей и пере-

---

* *Ludendorff*, The General Staff and Its Problems, v. II, p. 614, 615.

** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 12, 13.

боев было, наконец, организовано более или менее удовлетворительно, но как раз в это время крушение Турции, Болгарии и Австро-Венгрии отрезало Германию от этого источника снабжения.

2. КРУШЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ФРОНТА

Не менее примечательной, чем балканская кампания, была победа англичан над турками в Сирии; правда, на данной стадии она не имела такого значения для скорейшего окончания войны. Если бы эта победа была одержана на три или даже два года раньше, когда Россия была еще активным участником войны, она открыла бы Дарданеллы для союзных флотов. Это позволило бы нам не только снабжать Россию в таких масштабах, какие возможны при использовании только ее арктических и тихоокеанских портов, но и полностью использовать присоединение Румынии к союзникам, вывести из игры Болгарию и превратить весь Балканский полуостров в несокрушимую цитадель союзников. Осенью 1918 г. крушение Турции было уже только частью общего поражения центральных держав и их союзников. После этого крушения Германия и Австрия еще острее почувствовали, что они изолированы и что им вскоре грозит окружение и нападение с юга. Наша двойная кампания против турок, в Палестине и Месопотамии, завершилась в конце 1917 г. захватом Иерусалима и Багдада и консолидацией нашей власти в окружающих эти центры областях. В Месопотамии после этого военные операции фактически прекратились (если не говорить о посылке одного отряда на Каспий) вплоть до последних чисел октября, когда мы продвинулись к Мосулу. Ранней весной 1918 г. наши месопотамские части продвинулись в нескольких местах, захватили тысячи турецких пленных, но не произвели тогда попытки провести наступление в крупном масштабе.

Это соответствовало тому плану войны с Турцией, который был рекомендован генералом Смутсом. 28 января 1918 г. военный кабинет направил его в Египет и уполномочил обсудить там от нашего имени совместно с генералами Алленби и Маршаллом и другими морскими и политическими властями военное положение на Среднем Востоке. Он должен был представить нам проект наилучшего использования и координации наших сил в этих районах. 15 февраля он сообщил нам по телеграфу, что ни одна из местных армий не является достаточно сильной, для того чтобы начать наступление; поскольку месопотамская армия отстояла далеко от Алеппо, ей лучше было ограничить свои задачи обороной и передать две пехотные дивизии и одну кавалерийскую бригаду генералу Алленби, чтобы он мог начать наступление в Палестине. К тому времени 7-я индийская дивизия была уже переброшена, а к началу апреля 3-я индийская дивизия была также отправлена в распоряжение Алленби. Но правительство, однако, не согласилось с дальнейшим предложением Смутса о переброске также и 13-й (западной) британской дивизии генерала Маршалла. Палестинская кампания, которая велась до тех пор вяло и расхлябанно — в полном контрасте

с той стремительностью и решимостью, которую проявлял генерал Мод в Месопотамии, — оказалась теперь в руках генерала, чье мужество, твердость и решимость вскоре совершенно изменили военную обстановку на этом театре войны. Об этом очень живо рассказывает официальная история этой кампании.

Когда Алленби прибыл в Палестину, его армия была совершенно подавлена сознанием полной бесплодности всего того, что она делает. Атака генералов Доубэлла и Четвуда на Газу была за все время войны и для всех ее театров — как для нас, так и для противников, — одним из самых ярких примеров той комбинации бестолковщины, недомыслия и обыкновенной трусости, которая превращает любую обеспеченную победу в унизительное поражение. Газа была «уже фактически захвачена», когда прибыл приказ отступать. В момент отступления мы имели в своем распоряжении перехваченную радиограмму германского командующего, в которой он признавал свое положение совершенно безнадежным. Доубэлл потом утверждал, что он получил эту радиограмму только тогда, когда аотступление уже началось! Газа, когда ее атаковал Четвуд, была «защищена» очень условными «укреплениями», а гарнизон города далеко уступал нашей армии по численности людского состава и по артиллерии.

Нам могут сказать, что Алленби получил очень значительные подкрепления до начала своего наступления. Но и турки получили подкрепления. Когда Алленби атаковал Газу в октябре, гарнизон города был значительно укреплен людьми и пушками, а защитные укрепления были усилены всеми способами, находившимися в распоряжении военных инженеров. 1917 год вплоть до лета был самым лучшим временем, для того чтобы изгнать турок из Палестины. Армия турок была не укомплектована полностью и плохо снаряжена. Это благоприятное стечение обстоятельств не было нами использовано из-за недостатка решимости. Турецкие лидеры не проявляли никакого интереса к Палестине; их надежды и честолюбивые замыслы были устремлены в другую сторону. А в июле 1917 г. уже вступил в командование Фалькенгайн. Он перебросил несколько лучших дивизий турецкой армии в Палестину. Он привез с собой из Германии группу специально отобранных работников, которые должны были усилить и улучшить главным образом механизацию армии. Качество артиллерии было повышено, и она была снабжена снарядами в избытке. Но в британской армии произошла перемена: был назначен новый командующий, и это составило всю разницу. Он одним своим присутствием и личным обаянием поднял дух армии. Его планы были умело и тщательно продуманы и великолепно проводились в действие. Он внес элемент воображения в свои тактические выкладки. Известна та знаменитая уловка, при помощи которой он обманул неприятеля и заставил его поверить, что первая атака будет произведена на Газе: он произвел притворную атаку на Вирсавию. Этот план был подсказан ему блестящим молодым офицером по имени Майнерцхаген, который потом с риском для жизни успешно его выполнил. Но Алленби умел оценить этот план! Искус-

ство руководства состоит не только в придумывании планов и проектов, но в умении выбрать и выполнить лучший из них. План Майнерцхагена дал нам победу в этом решающем сражении. Нечего и говорить, что Майнерцхаген в течение войны так и не поднялся выше чина полковника. Я встретил его на мирной конференции, и он поразил меня, как один из самых способных и умных людей, каких я встречал в какой бы то ни было армии. Этого было достаточно, чтобы сделать его подозрительным для военных кругов и помешать ему подняться на высшие ступени его профессии.

Мой приказ, который я дал Алленби перед его отъездом, — «Быть к рождеству в Иерусалиме!» — был выполнен. В 1918 г. кампания должна была быть продолжена со всей силой.

Но планы наступления в Палестине были нарушены событиями на западном фронте. После поражения, нанесенного англичанам в марте, Алленби должен был послать обратно во Францию две из своих дивизий. Он отправил в апреле 52-ю (лоулэндскую) и в начале мая 74-ю. Он должен был также послать во Францию еще 23 британских батальона из остающихся дивизий; впоследствии они должны были быть заменены индийскими батальонами. Все это означало, что в данный момент его силы были совершенно дезорганизованы, и он не мог предпринять наступления в широком масштабе, пока сменные войска не прибудут и не будут включены в состав его дивизий.

В феврале был взят Иерихон, а затем вплоть до мая было произведено лишь несколько неудачных попыток продвинуться в Трансиорданию. Но с середины мая до первых чисел октября из-за жары активные операции были почти невозможны. Время, однако, работало на нас на этом фронте: дезертирство и болезни все более и более распыляли турецкие армии. Этот процесс происходил уже в течение долгого времени *. Алленби воспользовался перерывом, чтобы закончить реорганизацию своей армии при помощи новых индийских частей, которые уже прибыли на место, и стал готовиться к большому наступлению в середине сентября. Военное министерство не могло обещать ему никаких пополнений для этого наступления. Что касается соотношения сил, то Алленби уже и без того имел большое превосходство над стоявшим перед ним неприятелем. Его дело затруднялось не недостатком бойцов, а невозможностью наладить правильное снабжение и снаряжение своей армии на современных началах.

Некоторое представление о состоянии неприятельской армии можно получить из телеграммы, которую 16 июня генерал Лиман фон Сандерс послал Энверу паше. В этой телеграмме он протестовал против переброски германских войск на Кавказ. Генерал Лиман фон Сандерс писал:

«После продолжительных и тяжелых боев последних трех месяцев и тяжелых потерь, которые мы в этих боях понесли,

* «Военные мемуары», т. V, гл. 74, прилож. 1-е, Доклад военных представителей верховному военному совету от 1 января 1918 г., меморандум № 12.

самые лучшие турецкие полки * имеют в среднем 350—400 винтовок, не считая пулеметов, а многие турецкие полки и того слабее.

У неприятеля частичная замена его войск индийскими батальонами по 800—1000 человек в каждом увеличила его численность, и индийские войска, с которыми мы до сих пор имели дело, дерутся очень хорошо. Неприятель превосходит нас по пехоте в три или четыре раза, и по артиллерии он далеко превосходит наши силы...» **

20 июня Лиман фон Сандерс отправил графу Бернсторфу, германскому послу в Константинополе, телеграмму, в которой он писал:

«Турецкие войска на нашем фронте сами не смогут удержать своих позиций. Мы уже хорошо знаем по другим примерам, что́ происходит, когда турецкие войска отступают. К тому же войска теперь страдают от недоедания, очень плохо одеты и почти совсем разуты.

У турок дезертиров больше, чем бойцов в строю... Обмундирование моей армии таково, что даже многие офицеры одеты в рваные мундиры и даже батальонные командиры обуты вместо сапог в «гарики» (шкурки животных, перевязанные бечевкой)... По сообщениям германских офицеров в шестой иракской армии, которая числится по спискам прусского военного министерства, до апреля 1918 г. 17 тысяч человек умерло от голода и его последствий» ***.

В дальнейшем фон Сандерс указывает, что в сентябре 1918 г., когда мы начали наше наступление в Палестине, между морем и Иорданом находилось около 10 пехотных дивизий. Восемь из них оставались бессменно на передовых позициях в течение шести месяцев.

«Каждая турецкая дивизия насчитывала в среднем около 1 300 винтовок. Батальон в среднем насчитывал 130—150 винтовок (в дивизии было по 9 батальонов). Отдельные батальоны насчитывали 180 человек, но другие в результате болезней и других потерь сократились до 100.

Число дезертирств в течение последних нескольких недель возрастало тревожными темпами. В восьмой армии число дезертиров достигло 1 100 человек за период с 15 августа по 14 сентября. Те, которых удавалось поймать, неизменно указывали в свое оправдание, что они не получали достаточного питания, что у них нет белья и обуви и что окончательно износилось их обмундирование ****.

---

* Турецкие полки состояли из двух батальонов в каждом. — *Ал. Дж.*
** Von *Sanders*, Five Years in Turkey, p. 241.
*** Ibid., p. 243.
**** Ibid., p. 270.

Силы неприятеля находились в плачевном состоянии; становилось ясно, что Турция уже созрела для того, чтобы мы ее разбили. Победа, которую одержал над ними Алленби, была не столько подвигом беззаветной отваги в борьбе с грозным противником, сколько отлично задуманным и прекрасно выполненным маневром, который дал максимальный результат при минимальных затратах.

Сэр Эдмунд Алленби так оценивает соотношение союзных и неприятельских сил в момент, когда он начал свое наступление:

Британские войска — 12 тысяч сабель, 57 тысяч винтовок, 540 орудий.
Турецкие войска — 3 тысячи сабель, 26 тысяч винтовок, 370 орудий.

Другие, оценивая турецкие силы, приводят и бо́льшие и меньшие цифры. Но, во всяком случае, англичане имели огромное превосходство над турками, а Алленби еще более усилил это превосходство на самом фронте наступления при помощи хорошо скрытой концентрации сил в одном месте при одновременном притворном накоплении войск, якобы для наступления, — в другом секторе.

19 сентября Алленби начал свое наступление, которое было подготовлено с подлинным умением. Он поставил себе задачей не только отбросить неприятеля, но окружить его и совершенно изгнать турецкие войска из Палестины. Битва при Мегиддо была блестящей операцией такого рода, которая делает честь ее инициатору. Все имевшиеся в распоряжении Алленби силы были применены так сокрушительно в нескольких последовательных решающих пунктах, а удары были направлены так умело и так быстро, что вся стоявшая против нас турецкая армия была уничтожена, захвачена в плен или рассеяна при минимальных потерях с нашей стороны. Через 12 дней после начала сражения Дамаск пал к ногам Алленби и из всех турецких войск в Палестине, численностью приблизительно в 100 тысяч человек, только жалкие остатки в 17 тысяч человек ушли из сетей, которые раскинул для них Алленби, и бежали на север. Он взял в плен около 75 тысяч человек, тогда как потери его составляли лишь 5 666 человек.

Алленби энергично преследовал неприятеля, и 26 октября Алеппо было взято союзными войсками. С 19 сентября наш фронт продвинулся вперед на 350 миль, а после захвата Алеппо и железнодорожного узла Муслимие к северу от этого города мы овладели не только железной дорогой, ведущей через Сирию в Палестину, но и линией на восток к Мосулу и дальше к Багдаду. На последней стадии этого продвижения вступила в дело и наша оборонная армия в Месопотамии; она двинулась быстрым маршем к Мосулу и этим содействовала победе. Но еще до того, как она смогла дойти до Мосула, все было закончено. 30 октября Турция подписала перемирие с союзниками, а 31 октября военные действия прекратились. Дарданеллы, наконец, были открыты для нас; но мы уже в них не нуждались, потому что через одиннадцать дней сложила оружие Австро-Венгрия, а через неделю за ней последовала Германия.

Когда пересматриваешь материалы об этом последнем и очень эффектном успехе нашего оружия в борьбе против турок, очень

трудно не притти к выводу, что при условии хорошего руководства мы могли добиться такой же победы на несколько лет раньше. Верно, что в 1918 г. турецкая армия уже очень уступала нашей по боеспособности; но ведь и наши силы были сравнительно незначительны: всего только 7 пехотных и 4 кавалерийских дивизии, из которых многие лучшие части были переброшены на западный фронт и заменены «сырыми» индийскими новобранцами, которые еще никогда не были в строю. Двадцать два индийских батальона состояли из таких именно кадров, и многие из их командиров также еще никогда не бывали в бою. Официальная история сообщает, что многие из этих новобранцев не знали даже еще ружейных приемов. Когда эти индийские части высадились в Египте, у них почти не было связистов, было очень мало пулеметчиков, совсем не было бомбардиров, недоставало вообще очень многого, в первую очередь офицеров, которые умели бы говорить на языке индустани. До того как эти части заменили собой прежние хорошо обученные войска, Алленби послал во Францию весной 1918 г. свыше 60 тысяч офицеров и солдат. Наши войска на Ближнем Востоке были гораздо сильнее, чем те, которые потом добились такой поразительной и решающей победы. Если бы мы пополнили наши египетские армии в 1916 г. хотя бы некоторым количеством бойцов из числа тех, которых мы перебрасывали сотнями тысяч на Сомму, — а ведь в то время союзники и без того численно превосходили германцев на западном фронте более чем в полтора раза, — мы могли бы разбить Турцию во-время, чтобы спасти Румынию, снабдить снарядами Россию и закончить войну на два года раньше, чем она фактически дотянулась до своего трагического конца. В кампании против турок в Палестине и Месопотамии наши возможности морских коммуникаций давали нам решающее превосходство над центральными державами. Железнодорожная сеть в Палестине так незначительна и расшатана, что Германия не могла бы дать подкрепления туркам, как бы тяжело их положение ни было. Те военные советники, которые называли палестинскую кампанию бесплодной и разорительной «провинциальной забавой», должны платить по очень серьезному счету.

3. ИТАЛИЯ

Обзор тех театров войны, которые британское военное министерство считало вспомогательными, будет неполным, если мы не бросим быстрого взгляда на Италию. На конференции в Риме в начале 1917 г. я требовал, чтобы на этом фронте была сделана серьезная попытка нанести Австрии такой удар, который заставил бы ее выйти из войны. Наши военные руководители предпочли Шмен-де-Дам и Пашендель. В результате союзники понесли серьезные поражения и потери во Франции и обрекли итальянцев на катастрофу в Капоретто. Мы должны были снимать войска и перебрасывать их в Италию не для того, чтобы завершить победу, а для того, чтобы предотвратить ужасные последствия поражения. Но даже при всем том

мы дали Италии немного более, чем одну лишь четвертую часть того числа солдат, которые погибли только в Пашенделе, не считая огромных потерь, понесенных нами на Шмен-де-Дам.

После этого итальянский фронт, подавшийся на 70 миль назад по сравнению с 1917 г., уже не был таким удобным исходным пунктом для смертельного прыжка на центральные державы. Итальянская армия уже не могла оправиться от того сокрушительного удара, который был нанесен ей в сентябре 1917 г. И все же она была призвана еще до конца войны сыграть решающую роль в деле достижения побед союзников. Она нанесла австрийской армии окончательное поражение на поле битвы, поражение, ускорившее взрыв революции в Вене и выход Австрии из войны.

После реорганизации итальянского фронта на линии Пиаве в конце 1917 г. Антанта имела на этом фронте номинальное превосходство над центральными державами. Исправленные цифры, представленные «Комитету живой силы», показывают, что в декабре 1917 г. соединенные итальянские, британские и французские войска составляли в общей сложности 1 324 тысячи бойцов по сравнению с 915 тысячами австро-венгерцев и немцев. Но данные об итальянских силах по всем признакам очень приблизительны, и итальянская армия нуждалась к тому же еще и в основательной реорганизации после разгрома ее в Капоретто. 1 декабря 1917 г. верховный военный совет постановил, что его постоянные военные советники должны изучить тогдашнее состояние итальянского фронта с точки зрения возможностей как наступления, так и обороны. Однако приближение зимы «закрыло» этот фронт, а весна принесла с собой угрозу германского наступления во Франции. Две из пяти британских дивизий в Италии были сейчас же сняты и переброшены на западный фронт, а затем во второй половине апреля 2-й итальянский армейский корпус был послан на подмогу французам в Аргонну. Мысль об итальянском наступлении была на время оставлена; все доступные ресурсы сосредоточились на западном фронте. Правда, Фош, как только он стал главнокомандующим на западе, потребовал, чтобы итальянцы перешли в наступление. Но итальянцы в то время не хотели переходить в наступление. Они чувствовали себя еще не способными на такого рода предприятие и к тому же в свою очередь ждали австрийского наступления, которое в то время подготовлялось.

Немцы, действительно, очень настойчиво требовали от своего истощенного и послушного союзника, чтобы он поддержал германское наступление во Франции своим одновременным наступлением в Италии. Они начали настаивать на этом еще энергичнее, когда обнаружили, к величайшему своему неудовольствию, что на западный фронт для борьбы с ними переброшены итальянские войска. В Австро-венгерской империи очень непрочное «единение» враждебных народностей поддерживалось с большим трудом и главным образом при помощи военной силы. Австрийская армия к тому времени была уже безнадежно расстроена бунтами, трениями между различными элементами, в нее входившими, и охватившим

се чувством отчаяния. Уже нельзя было надеяться на то, что ни чехи, ни кроаты, ни другие славянские солдаты, ни призывники из Трентино не покинут своего имперского гегемона на поле битвы. Однако немцы, австрийцы и особенно венгерцы еще могли оказать упорное сопротивление, если бы их хорошо кормили. Но невозможно поддерживать боевой дух в холодных и неудобных окопах при скудном пайке. Генерал фон Арц составил секретный план наступления на итальянцев. Он писал Гинденбургу, что надеется отбросить их к р. Эг и завершить военный разгром Италии. В то время почти вся армия австрийцев находилась на итальянском фронте и только очень небольшие части — в России, в Румынии и на Балканах. Наступление было начато 15 июня, но проводилось оно без подъема и после 8 дней ожесточенных боев, атак, и контратак закончилось для австрийцев полной неудачей. Лорд Кейвен требовал, чтобы успех союзников был немедленно развит контрнаступлением, но итальянцы заявили, что они слишком истощены боями, чтобы итти на такой риск.

После этого итальянский фронт оставался без движения до осени. В подкрепление итальянцам был послан один американский полк, и на заседании верховного военного совета 24 июля 1918 г., когда начались опять горячие дни на западном фронте, мы предложили Италии предпринять новое наступление. Но итальянцы уверяли, что австрийцы для них все еще слишком сильны, а потому-де итальянские войска рисковать наступлением не могут. Память о Капоретто все еще владела их воображением; они до того потеряли веру в себя, что, несмотря на свое внушительное численное превосходство, все еще боялись врага, который некогда нанес им такой сильный удар.

Но в середине октября военная обстановка настолько изменилась в пользу союзников, что итальянцы уже могли видеть, как зашатались их враги. Они собрались, наконец, с духом, чтобы присоединиться к общему наступлению. Болгария пала, и союзные войска тотчас ринулись к Дунаю. Дамаск пал, и английские войска устремились к Алеппо. На западном фронте мы отвоевали все бельгийское побережье и отбрасывали немцев далеко за те линии, которые они удерживали начиная с первого года войны. Итальянцы, наконец, согласились внести свою долю, и Фош мог включить итальянское наступление в свой план генерального и окончательного движения союзников к победе. В битве при Витторио-Венето итальянцы отбросили и разбили австрийскую армию; британские части в составе итальянской армии сыграли важную роль в этом наступлении. В этот день итальянцы разбили тот последний в Австрийской империи организм, который еще обладал какими-то признаками спайки и единения. Победоносное наступление итальянцев было начато 24 октября. Через три дня австрийское правительство просило о перемирии. Еще через три дня в Вене разразилась революция. 3 ноября итальянские войска заняли Триест, и перемирие было подписано. Это была полная капитуляция; Антанта получила право полностью использовать для военных целей все пути сообщения Австрийской

империи. По условиям этого перемирия мы могли перебросить наши армии к южным границам Германии — это перевернуло бы весь фронт на Рейне и сделало бы бесплодными все попытки Германии удержаться на этой линии. Но мы уже не должны были совершать этот переход, потому что через неделю Германия сама сложила оружие.

Это было последнее из «захолустий», если не говорить о стратегически незначительных военных операциях в районе германских колоний в Восточной Африке.

Не лишен значения и тот факт, что все эти кампании, которыми пренебрегали военные бонзы, диктаторы нашей стратегии, закончились победой, раньше чем мы победили на излюбленном ими западном фронте. Несомненно, что эти победы, если бы они были достигнуты раньше, имели бы огромное влияние на дальнейший ход войны и ускорили бы ее конец. Но даже при этих условиях они оказались решающими, потому что спасли нас от необходимости воевать еще одну зиму. До того как отпала Болгария, а за ней Турция и Австро-Венгрия, можно было еще думать, что немцы продержатся до 1919 г. Когда союзники Германии пали, ей оставалось только немедленно сдаться.

Глава восемьдесят пятая

КАК БЫЛ ЗАКЛЮЧЕН МИР

1. ГЕРМАНИЯ ПРОСИТ МИРА

Великая война тянулась так долго потому, что военные цели обеих сторон были совершенно несовместимы и ни одна из сторон не хотела уступить другой, пока ее к тому не принудят силой. Можно обвинять ту или другую сторону в сознательных или бессознательных ошибках, вызвавших начало военных действий; можно укорять обе стороны за пакты, соглашения, военные договоры и т. д., которые сыграли свою роль в развязывании чудовищной войны, за алчность, соперничество, подозрительность. Но раз уже война началась, каждая страна стремилась добиться своих целей, чтобы этим вознаградить себя за все жертвы. Франция желала возвратить себе потерянные провинции — Эльзас и Лотарингию. Италия стремилась под знаменем ирреденты заполучить Трентино и Триест. Правительство России добивалось Константинополя и гегемонии на Балканах. В последней фазе войны уже было неясно, чего, собственно говоря, хотела первоначально Россия; добилась же она, в конце концов, величайшей в истории человечества революции. Австрия, этот преступник, который так беспечно поджег весь мир, хотела господства в Сербии. Германия добивалась территориальной экспансии на Востоке и господства на бельгийском побережье. У младотурок были свои пантуранские мечтания. Великобритания, хотя и сумела в течение войны прихватить несколько германских колоний, которые ей, в сущности, не были нужны, вступила в войну, главным образом для того, чтобы отстоять неприкосновенность Бельгии. Вплоть до самого конца войны это был единственный вопрос, в котором мы не склонны были итти ни на какие компромиссы. Всякий, кто прожил эти годы в нашей стране, не станет оспаривать, что для общественного мнения наших островов освобождение Бельгии было именно той целью, которая заставила англичан вступить в войну и поддерживала нашу решимость до самого конца. И так же неоспоримо, что в нашей стране общественное мнение определяет все действия правительства в столь большой мере, что этого никак не могут понять люди, которые привыкли быть подданными довоенных монархий или послевоенных диктатур.

Бельгия стала, особенно в последний период войны, символом непримиримости тех основных задач, которые ставили себе в этой войне союзники, с одной стороны, и центральные державы — с другой. Мы не стали бы так упорно воевать ради того, чтобы зачеркнуть Брест-литовский мирный договор. Отобранные германские колонии мы охотно бросили бы на стол мирной конференции, как задаток при любых деловых переговорах о мире. Мы обещали Франции нашу поддержку в борьбе за Эльзас-Лотарингию; но если бы оказалось, что она устала от борьбы и считает уже, что цена, которую приходится платить за эти провинции, слишком велика, — мы предоставили бы ей самой решать этот вопрос. Однако, пока мы еще могли держаться, мы решили не прекращать борьбы, до того как будут полностью восстановлены независимость и неприкосновенность Бельгии. Эта решимость была так же сильна среди простых людей, которые ничего не знали о высокой политике, как и среди тех, кто был хорошо осведомлен в вопросах политики и истории, кто знал, какие усилия издавна прилагала Великобритания, чтобы не отдать фландрское побережье в руки какого бы то ни было потенциального могущественного врага.

Вопрос о независимости Бельгии стал для нас также вопросом о честных взаимоотношениях между нациями, о недопустимости не считающейся ни с какими нормами агрессии сильного против слабого. Нельзя было допустить, чтобы агрессор воспользовался своей добычей; это значило бы, что Британия признает себя либо совершенно побежденной, либо совершенно обесчещенной.

С другой стороны, германские милитаристы видели в Бельгии чрезвычайно ценный военный трофей. Обладание Бельгией создавало для них новые, гораздо более благоприятные условия для соперничества с Великобританией на морях, если бы мы стали сбивать спесь Германии, как мировой державы. Германские промышленники видели все преимущества, которые им дает этот очень удобный выход к морю. Поэтому, пока они не потеряли окончательно надежды на победу или окончание войны без поражения, они хотели во что бы то ни стало удержать Бельгию в своих руках и после войны. Они точно знали, что это единственный вопрос, в котором мы не пойдем ни на какие компромиссы. И все же вплоть до окончательного своего краха осенью 1918 г. центральные державы очень остерегались сделать хоть какое-нибудь прямое и безоговорочное обещание относительно Бельгии в тех мирных предложениях — пробных шарах, — которые они нам делали время от времени.

В последний период войны политика Германии целиком диктовалась германским верховным командованием. Естественно, что, пока военные не отказались от своих притязаний на Бельгию, политики не могли сделать ни одного мирного предложения, которое мы могли бы рассматривать как базу для переговоров. Германское военное командование стало окончательно верховной властью в государстве, когда оно добилось отставки рейхсканцлера Бетман-Гольвега. После этого все гражданские власти уже стали прямыми креатурами

военного командования. Летом 1918 г. верховное командование добилось отставки министра иностранных дел фон Кюльмана, который позволил себе публично заявить в рейхстаге, что нельзя закончить войну только силой оружия; фон Кюльман намекал на необходимость каких-нибудь уступок со стороны военных руководителей Германии, имея в виду Бельгию в первую очередь.

Отказ Германии от экспансии на своих восточных границах, особенно в Балтике, был также существенным условием всякого приемлемого для нас мира.

Известный меморандум полковника фон Гефтена от 3 июня 1918 г., который Людендорф отправил имперскому канцлеру с «самой горячей рекомендацией», требовал «наступления в целях мира». Это была не искренняя попытка добиться мира, а только маневр, который должен был убедить врагов Германии, что Германия готова заключить мир. Это наступление, убеждал автор меморандума, усилит повсеместно пацифистские настроения, даст выход общему чувству усталости, восстановит британское общественное мнение против правительства — вплоть до того, что премьер-министр должен будет уйти в отставку. К чести этого премьера надо сказать, что фон Гефтен видел в нем главное препятствие на пути к такому миру, который мог бы удовлетворить амбиции прусского милитаризма. А «когда рухнет национальное единство Англии, недолго придется ждать морального краха Франции и Италии». Германия выйдет победительницей, она будет диктовать свои требования союзникам. Вот как далеко заходила «воля к миру» правителей Германии в июне 1918 г.!

Комиссия рейхстага откопала после войны очень любопытный документ, в котором перечислены соглашения, достигнутые на конференции в Спа 2 и 3 июля 1918 г. между кайзером и его главными министрами — военным, морским и гражданским *. Этот документ перечисляет те условия, которые по решению конференции должны быть обеспечены при заключении мира. К тому времени соглашение с Россией уже было заключено в Брест-Литовске. Что касается Польши, было решено, что она должна стать вассалом Германии (а не Австрии), что Германия будет контролировать ее хозяйство и железные дороги, взимать налоги, которые пойдут на покрытие издержек войны; кроме того, Германия должна была аннексировать несколько дополнительных кусков польской территории. Что же касается Бельгии, то конференция вынесла такое решение:

> «Бельгия должна войти в сферу германского влияния, чтобы она уже никогда в дальнейшем не могла подпасть под влияние Франции и Англии и послужить плацдармом для неприятеля.
>
> В этих целях мы должны настаивать на отделении Фландрии от валлонских провинций. Должны быть созданы два са-

* «Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruchs im Jahre 1918». Bd. II, S. 346.

мостоятельных государства, объединяемых только личной унией и экономическими соглашениями. Бельгия должна быть теснейшим образом связана с Германией при помощи таможенного союза, железнодорожных соглашений и т. п.

В ближайшее время Бельгия не должна иметь своей армии.

Интересы Германии должны быть обеспечены длительной оккупацией страны, которая будет постепенно сокращаться; впоследствии мы совершенно эвакуируем фландрское побережье и Льеж. Срок окончательной эвакуации будет зависеть от того, как скоро Бельгия достаточно тесно сблизится с Германией.

В частности, мы должны иметь абсолютную гарантию, что сможем, когда нужно будет, защищать фландрское побережье».

В своем отчете об этой находке комиссия рейхстага заявляла:

«Вплоть до 15 июля 1918 г. верховное командование не соглашалось с тем, что уже невозможно добиться победы силой оружия. Оно отказывалось вести мирные переговоры на основе расчета, что война кончится в ничью» *.

Свидетельство такого рода из неоспоримо авторитетных германских источников убеждает нас окончательно, что до осени 1918 г. мы не могли заключить удовлетворительный мир с Германией. Людендорф попросту не стал бы разговаривать о мире, основным условием которого было бы полное восстановление Бельгии. Комиссия рейхстага указывает в своем отчете:

«Правительство целиком полагалось на суждения верховного командования, пока командование, наконец, само не признало, что победа уже невозможна. В правительстве не было ни одного человека, который решился бы выступить против воли верховного командования» **.

Надо к этому добавить, что австрийское правительство также не решалось выступить против Людендорфа и настаивать на открытии мирных переговоров, хотя австрийцы уже голодали, Вена бунтовала, и только при помощи военных репрессий на Украине и захвата тех грузов зерна, которые направлялись по Дунаю и предназначались для Германии, Австрия еще кое-как отдаляла момент окончательного краха. Как ни безнадежно было положение Австрии, она не решалась заключить мир до того момента, пока не рухнули окончательно все надежды на успех на западном фронте, пока австрийские армии не были разбиты на итальянском и на сербском фронтах и пока, наконец, в Вене не всрыхнул революция, низложившая императора и заменившая его министров такими людьми, которые уже готовы были не считаться с подорванным авторитетом Германии.

Только 8 августа, когда германское наступление у Реймса было отбито и сопротивление немцев рухнуло, Людендорф потерял на-

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. I, S. 23.

** Ibid., Bd. I, S. 24.

дежду на эффективную оборону. Только тогда он начал серьезно думать о том, что придется добиваться мира на тех условиях, которые в данных обстоятельствах будут возможны. Но даже и тогда он еще не мог заставить себя признать, что мира надо добиваться очень быстро, иначе это придется делать тогда, когда он уже не сможет больше защищать свой фатерланд. 14 августа в главной квартире в Спа состоялась конференция под председательством кайзера *. Это была мрачная конференция. Уже поступили сообщения о продовольственных затруднениях, об усталости от войны, о политических беспорядках на родине, об отходе нейтральных стран от Германии, об отчаянии, которое охватило союзные Германии страны. Людендорф довершил все это своим заявлением, что уже нет надежды сломить волю врагов Германии силой оружия и остается только сдерживать неприятеля мерами стратегической обороны.

Кайзер с этим согласился и признал, что Германия должна будет найти удобный момент, чтобы договориться с неприятелем. Сделать это нужно было, по его предложению, через посредство нейтрального государства; он упомянул о короле Испании и королеве Нидерландов, как о наиболее подходящих посредниках в этом деле. Но конференция решила, что «удобный момент» еще не наступил **.

Гинденбург, как и подобало этому упорному старому солдату, высказал свое мнение о военном положении в таких словах:

> «Я все же надеюсь, что мы сможем удержать наши позиции на французской территории и, следовательно, продиктовать врагу нашу волю».

Когда черновики протоколов этой конференции поступили к Людендорфу, он самовластно вычеркнул первую часть этого заявления. Таким образом, заявление фельдмаршала гласило, что «мы удержим наши позиции на французской территории и т. д.» ***. То, что было только выражением смутной надежды храброго человека, стало безоговорочным утверждением.

В результате всего этого, особенно в результате неясности по вопросу об «удобном моменте», старый канцлер, граф Гертлинг был обманут. Он не представлял себе всей тяжести положения и не чувствовал всей настоятельной необходимости немедленно начать мирные переговоры. Дело в том, что ни военные, ни гражданские власти не хотели взять на себя ответственности за мир, который был бы основан на признании германского поражения в войне. Не было ни одного достаточно сильного человека, который объявил бы открыто, что Германия уже не может диктовать мирные условия, опираясь на мощь своей армии и на свои территориальные завоевания. Два пути открывались перед таким человеком, если бы такой человек имел в своих руках власть. Он мог бы настаивать на том, чтобы мирные переговоры были начаты немедленно, пока еще германские армии

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. III, S. 195, ff.
** Ibid., Bd. II, S. 229, ff.
*** Ibidem.

способны оказывать серьезное сопротивление, а занятые германскими войсками вражеские территории еще достаточно обширны. Он мог бы в другом случае, учитывая, что еще не сломленный и продолжающий наступать враг вовсе не склонен заключать мир, бросить всю свою энергию на создание защитной линии огромной мощи вдоль германских границ. Можно было бы отвести германские армии за эту линию, пока не поздно; оставить Бельгию добровольно, прежде чем это пришлось бы сделать под нажимом неприятеля, и собрать на новой очень сокращенной линии защиты большие силы, которые отражали бы любые атаки врага, до тех пор пока мир был бы заключен. Этот второй путь имел то моральное преимущество, что он апеллировал бы к национальным чувствам германского народа и заставил бы его сделать последнее усилие во имя защиты родины. Он имел, далее, то практическое преимущество, что заставил бы союзников отложить наступление на новую линию защиты до весны. Раньше конца зимы они не могли бы перебросить артиллерию и военные материалы, необходимые для возобновления наступления.

Германские военные руководители не пошли ни по тому, ни по другому пути. Они сидели между двух стульев. Они оттягивали момент обращения к союзникам с предложением мира и в то же время оспаривали каждый дюйм земли во Франции и во Фландрии до последней возможности. В результате они истощили свои силы в бесплодных попытках отбросить союзные войска и не смогли сберечь достаточно сил, чтобы основательно укрепить свои границы. В конце концов разбитые и деморализованные войска уже не удерживали своих позиций ни в одной точке, и Германия должна была капитулировать на самых унизительных условиях.

Людендорф не понимал обстановки. Это яснее всего видно из того факта, что, когда германский министр иностранных дел фон Гинтце спросил Людендорфа, каковы его мирные условия в отношении Бельгии *, тот 21 августа ответил, что он не может согласиться на восстановление «статус кво анте». На основе этих заявлений Людендорфа Гинтце заявил на собрании лидеров партий в тот же день:

> «По мнению верховного командования, военное положение не дает оснований для пессимизма. Нет оснований сомневаться в том, что мы выйдем победителями из войны. Мы будем побеждены только в том случае, если оставим надежду на победу.
>
> По мнению верховного командования, мы можем рассчитывать, что добьемся такого военного положения, которое позволит нам заключить удовлетворяющий нас мир **».

24 августа канцлер и вице-канцлер составили декларацию, по которой Германия после заключения мира откажется от Бельгии, не налагая на нее контрибуции и не ставя ей никаких других условий.

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 236.
** Ibid., Bd. II, S. 236.

кроме того, что Германия должна пользоваться в Бельгии такими же политическими, военными и экономическими правами, как любая из остальных стран *. Но когда они на следующий день представили этот документ Людендорфу, он отказался его утвердить. Людендорф настаивал на том, чтобы был включен пункт о германских особых отношениях с фламандским населением Бельгии, и о том, что Германия в возмещение признания «статус кво анте» Бельгии должна получить обратно все свои колонии. Он в конце концов согласился с такой редакцией, в которой фигурировали оба эти пункта, а также декларации о свободе морей и территориальной неприкосновенности Германии и ее союзников. Этот документ не подлежал опубликованию, но мог служить базой для будущих мирных переговоров.

30 августа посол Австрии в Берлине известил германское правительство, что Австрия вынуждена предпринять самостоятельные шаги для заключения мира **. Германский министр иностранных дел фон Гинтце сейчас же был отправлен в Вену для того, чтобы убедить Австрию не становиться на этот путь. Он вез с собой последнее сообщение Людендорфа. Оно говорило о том, что союзники намерены начать большое наступление на западном фронте и что он, Людендорф, ждет его окончания с полной уверенностью в благополучном исходе этого наступления для немцев; поэтому он считает, что момент для начала мирных переговоров выбран неудачно.

Уверенность Людендорфа, как очень скоро выяснилось, была ничем не обоснована. Союзники в конце августа начали атаки по всей линии французского и британского фронта. Эти атаки —

> «...не ослабевая, теснят четыре отступающие германские армии.
>
> 26 августа I английская армия захватывает выступ Монши ле Пре, 28-го, на плечах германской XVII армии, достигает Круазиль и подходит к линии Гинденбурга. Отразив яростные контратаки неприятеля 29 августа, она 2 сентября атакует немцев на линии Гинденбурга, выходит на несколько километров за эту линию и заставляет германскую XVII армию отступить через канал на севере от Санса к Перонну.
>
> На юге, начиная с 27 августа, английские III и IV армии и французские I и III преследуют германские II и XVIII армии, которые отходят с боями согласно приказам Людендорфа. Наши войска захватывают Бапом, Комбль, Шон, Руа, Нуайон. 30 и 31 августа английская IV армия берет Перонн. Начиная с этого момента линия Соммы получила новое направление.
>
> К востоку от Уазы в течение того же времени X армия ведет упорные бои с неприятелем между рекой Эн и Элетт и на равнинах к северу от Суассона. Однако германская IX армия стойко удерживает Сенгобенский хребет, поскольку падение Сен-Гобена означало бы прорыв гинденбургской линии в самом

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 237.
** Ibid., Bd. II, S. 240.

уязвимом месте на стыке, во-первых, северного и южного, и, во-вторых, западного и восточного секторов. Все же 2 сентября к югу от леса Куси X армия достигает, а в некоторых пунктах даже переходит дорогу Шони — Суассон, выполнив, таким образом, последнюю из задач, которые поставил перед ней Фош в своих генеральных инструкциях от 11 августа. Армия подошла, таким образом, вплотную к линии Гинденбурга и готова к атаке» *.

2 сентября англичане атаковали немцев на линии от Перонна до Арраса на север, а в центре взяли штурмом стрелку Дрокур-Кэан — самую сильную точку всей гинденбургской системы и ключ ко всей его линии. Кайзер заболел, когда услышал об этом, а Гертлинг, германский канцлер, сейчас же обратился к Гинденбургу с просьбой высказаться о военных перспективах **. Гинденбург ответил, что сообщит ему обо всем устно, но как-то сумел в ближайшее время избежать разговора с Гертлингом. Тем временем фон Гинтце очень безрадостно провел время в Вене. Он приехал туда 3 сентября; доверительное письмо Людендорфа было теперь уже клочком ненужной бумаги. В разговоре с фон Гинтце 5 сентября граф Буриан сказал ему без обиняков: «что до нас, то это безусловно конец!» ***

6 сентября фон Гинтце вернулся в Берлин с известием, что Австро-Венгрия намерена немедленно заключить мир.

На другой день, однако, австрийский император сообщил, что он согласен отложить опубликование своей мирной ноты, если он получит удовлетворительный ответ на следующие вопросы: каково подлинное положение на фронтах; на какой линии намерен Гинденбург удержаться на время мирных переговоров; когда будет достигнута эта линия; когда, по мнению верховного командования, настанет время начать мирные переговоры.

Гинтце отправился в Спа, чтобы получить ответы на эти вопросы — для Австрии и для германского канцлера одновременно. Информация, которую он здесь собрал, была малоутешительна. Выяснилось, что:

«число дивизий, которыми мы можем располагать в качестве резерва, меняется с каждым днем. Некоторые дивизии пришлось расформировать, чтобы пополнить другие. Верховное командование полагает, что возможность большого наступления с нашей стороны исключена; контратаки возможны. На вопрос, какую линию мы могли бы удержать при всех условиях, если нужно, при помощи контратак, верховное командование ответило: «Наше основное стремление — остаться там, где мы стоим». На вопрос о резервах и о военных материалах мне отвечали очень осторожно: мы почти не строим танков... боеспособность наших войск значительно пострадала из-за недо-

* Général *René Tournès*, Foch et la Victoire des Alliés («Histoire de la guerre mondiale», v. IV, p. 210).

** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 247.

*** Ibid., Bd. II, S. 243.

статка питания... нехватает картофеля... На мой вопрос, можно ли ожидать наступления на салоникскую армию, мне ответили: «Да, будет маленькое наступление» *.

Гинденбург заявил, что он может согласиться с проектом публичного призыва к миру, который выдвигает Австро-Венгрия. Он, однако, согласен участвовать в подготовке через посредство нейтральной державы переговоров о созыве мирной конференции.

Заявление Гинденбурга от 10 сентября было первым ясно выраженным согласием германского командования вступить немедленно в переговоры о мире. За ним последовало на другой день сообщение, что кайзер и верховное командование согласны, чтобы такой демарш был сделан через посредство королевы Нидерландов.

Но император Карл не мог больше ждать. Его трон уже шатался под ним. Даже специальная телеграмма, которую послал ему кайзер Вильгельм 14 сентября, не могла изменить его намерений. В тот же день он опубликовал свой призыв к миру в форме публичного приглашения ко всем правительствам воюющих стран созвать в каком-нибудь нейтральном месте конфиденциальное совещание, которое должно будет установить базу для немедленных переговоров о мире.

Австрийская нота от 14 сентября была длинным документом. В начале ноты упоминалось о декларации центральных держав в декабре 1916 г. (я говорил об этом в одном из предшествующих томов этих мемуаров **), а затем нота утверждала, что центральные державы никогда не отказывались от тех примирительных идей, которые лежали в основе этой декларации. Далее указывалось, что в последнее время наблюдается сближение точек зрения обеих сторон. Нота предлагала, чтобы это наметившееся согласие во взглядах на общие принципы было сейчас же облечено в форму конкретных условий мира:

> «Основная точка зрения все время менялась под влиянием изменений в военной и политической обстановке, и до сих пор ни разу не удавалось достичь осязаемого и практически удовлетворительного общего результата. Можно сказать, правда, что, независимо от этих колебаний, расхождение между точками зрения обеих сторон стало, в общем, несколько меньшим. Можно констатировать, что, несмотря на существование несомненных и до сих пор еще не разрешенных противоречий, уже наблюдается некоторый отход от первоначальных, крайних целей, которые ставила себе в этой войне та или другая сторона; некоторое совпадение во взглядах по основным вопросам всеобщего мира становится все отчетливей.
>
> В обоих лагерях, в широчайших слоях населения бесспорно наблюдается усиление стремлений к миру и взаимопониманию.

---

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II., S. 244.

** «Военные мемуары», т. III, гл. 39, «Германская и вильсоновская нота о мире в декабре 1916 г.».

Более того, сравнение приема, которым было встречено в свое время мирное предложение держав четверного союза, с недавними высказываниями ответственных государственных деятелей союзников, так же как и неофициальных, но в политическом отношении весьма влиятельных лиц, — бесспорно подтверждает это общее впечатление...

Для непредубежденного наблюдателя теперь нет никаких сомнений, что во всех без исключения воюющих странах стремление к миру чрезвычайно усилилось. Повсеместно растет убеждение, что дальнейшее продолжение кровавой борьбы превратит Европу в груду развалин, вызовет такое истощение всех сил, которое задержит общее развитие на многие десятилетия. И нет никаких гарантий, что продолжение борьбы приведет к решению, которого обе стороны тщетно добиваются в течение вот уже 4 лет, наполненных величайшими страданиями, лишениями и жертвами».

Вся трудность заключалась в том, что ни одно правительство не решалось скомпрометировать себя перед своим собственным народом, публично предложив какие-либо уступки. Так и Австро-Венгрия предложила только созвать конференцию, на которой делегаты воюющих сторон должны были в конфиденциальной и никого не обязывающей форме обсудить условия мира. После этого обмена взглядами правительства будут знать, стоит ли собираться для переговоров о заключении мира.

«По нашему убеждению, долг всех воюющих стран сейчас, после многих лет губительной, но ничего не решившей борьбы, совместно обсудить, возможно ли положить конец кровавому состязанию. Весь ход борьбы велит нам понять, наконец, друг друга. Королевское и императорское правительство хотело бы поэтому предложить правительствам всех воюющих стран послать делегатов на конфиденциальную и никого не обязывающую конференцию по вопросу об основных принципах мира. Эта конференция должна иметь место в нейтральном государстве, и в ближайшее время с общего согласия будут намечены место и срок. Делегаты должны сообщить друг другу точки зрения их правительств, получить такую же информацию от своих коллег, потребовать разъяснений и самим дать откровенные и искренние разъяснения по всем пунктам, которые окажется нужным уточнить».

Это предложение было отвергнуто государственными деятелями союзных стран. Этот факт не должен никого удивлять, если мы вспомним, что за два дня до появления австрийской ноты германский вице-канцлер фон Пайер произнес в Штутгарте речь о военных целях Германии; эта речь не способна была убедить союзников, что Германия уже готова заключить мир на условиях, которые могли бы нас удовлетворить. Это была очень вызывающая речь. Что касается востока Европы, никто, как заявил фон Пайер, не должен

вмешиваться в дела, уже решенные по Брест-литовскому договору и по мирным договорам с Украиной, Россией и Румынией: «На востоке мы уже имеем мир, и он остается для нас миром, нравится ли это нашим западным соседям или нет». Все германские колонии должны быть возвращены, так же как и каждый дюйм территории, ранее принадлежавшей Германии и ее союзникам, — в том числе, стало быть, и все прежние турецкие территории в Аравии, Месопотамии и Палестине. Германия, конечно, не согласится отдать Эльзас-Лотарингию. После всего, что произошло, они дают нам надежду, что Бельгия будет, пожалуй, освобождена:

> «Когда дело дойдет до такой стадии переговоров, мы сможем, пожалуй, допустить восстановление Бельгии. Если мы и наши союзники получим снова все, что нам принадлежало; если мы получим уверенность, что ни одна страна не будет пользоваться в Бельгии более благоприятными условиями, чем мы, тогда —думаю, что я могу это сказать, — мы сможем вернуть Бельгии немедленно и без всяких оговорок ее самостоятельность. Желательное соглашение между нами и Бельгией может быть легко достигнуто потому, что наши и бельгийские экономические интересы очень часто совпадают, и Бельгия даже прямо зависит от нас, как от своего хинтерланда. Мы не имеем также оснований сомневаться в том, что фламандский вопрос будет разрешен в соответствии с требованиями справедливости и государственной мудрости. Лицемеры те, кто изображает Бельгию невинной жертвой нашей политики и облекает ее, так сказать, в белые одежды невинности. . .»

Фон Пайер утверждал, что Германия имеет право на возмещение расходов от своих врагов, но она готова, мол, пренебречь этим во имя всеобщего мира. Само собой разумеется, что он даже не упоминал о каких-либо возмещениях Бельгии. Германия, далее, соглашалась примкнуть к Лиге наций и сотрудничать с другими странами в вопросах разоружения, при условии признания свободы морей и уничтожении британского господства на морях.

> «Мы хотим соглашения о разоружении на условиях полной взаимности. Соглашение должно быть применено не только к сухопутным армиям, но и к морским силам. В соответствии с этой идеей и в развитие ее мы выдвинем во время переговоров требование о свободе морей и морских путей, о принципе «открытых дверей» во всех колониях, о защите частной собственности на морях. Если будут обсуждаться также вопросы о защите прав малых наций и национальных меньшинств в отдельных странах, мы охотно будем отстаивать такие международные соглашения, которые принесут освобождение странам, находящимся в настоящее время под владычеством Великобритании».

Можно было бы не обращать внимания на непримиримость тона этой речи, если бы самое существо условий, которые выдвигал фон Пайер, было сколько-нибудь удовлетворительно. Но было совершенно ясно, что Германия вовсе не собирается обсуждать те условия, которые мы считали основными: безоговорочную эвакуацию Бельгии, возмещение ей за весь причиненный ей ущерб; возвращение Франции ее потерянных провинций Эльзаса и Лотарингии; восстановление Сербии; освобождение чехов, освобождение итальянского Трентино, освобождение арабов. Голос, который мы слышали, был попрежнему высокомерный голос воинствующего империализма; он несколько «сдал» в результате временных неудач, но не стал мягче.

А вот еще один симптоматичный факт, доказывающий, что германское правительство и в этот момент оставалось тем, чем было. Еще в 1917 г. в дни пасхи прежний германский канцлер фон Бетман-Гольвег с трудом убедил кайзера обещать реформу крайне несправедливой и недемократичной прусской конституции. Это обещание так и осталось неисполненным. Только тогда, когда верховное командование уже впало в отчаяние и потребовало немедленного заключения перемирия, кайзер Вильгельм под упорным нажимом фон Гинтце подписал в конце концов декрет о новой конституции. В середине сентября 1917 г. мы все еще имели дело с Германией, которая была в конечном счете автократией во главе с номинальным вождем, кайзером, находившимся всецело в руках военных руководителей страны. Мы не имели желания начинать переговоры, до того как центральные державы заявят заранее о своей готовности пойти на те уступки, которые мы считали необходимыми. Такие переговоры дали бы только измотанным германским армиям передышку на целую зиму; они могли бы за это время возвести новую линию защиты, пополнить запасы продовольствия и военных материалов и восстановить боевой дух войск.

Я выступал в Манчестере в тот же день, когда фон Пайер сделал свое заявление в Штутгарте; я тогда, стало быть, еще ничего не знал о его речи. В своем выступлении я сказал:

> «Первое необходимое условие, по моему мнению: цивилизация должна пользоваться такой бесспорной властью, чтобы она могла все свои требования сделать обязательными... Мы должны не только разбить прусскую военную мощь, но Германия сама должна понять, что это было неизбежно. Германский народ должен знать, что если его правители попирают ногами все человеческие законы, никакая военная мощь Пруссии не убережет его от кары. Невозможно утвердить ни один закон, национальный или интернациональный, если мы одновременно не утвердим такое положение, что каждый нарушитель этого закона неизбежно понесет наказание. Если мы этого не добьемся, все потери, все страдания, все лишения этой войны были напрасны».

*

Легко видеть, что между моей точкой зрения и теми взглядами, которые развивал в тот же день фон Пайер, лежит огромная пропасть. Если вице-канцлер выражал официальное мнение германского правительства, значит еще нельзя было надеяться на совпадение наших точек зрения в вопросе о мире и не приходилось ждать благоприятных результатов от конференции. Впоследствии выяснилось, что австрийская нота была опубликована вопреки воле Берлина, но мы тогда об этом еще не знали. К тому времени мы получили уже столько предложений от Австрии, которые на поверку оказались совершенно иллюзорными, что не имели уже никакого желания терять время на новые, туманные разговоры о секретных конференциях.

В соответствии с этим г. Бальфур в своем выступлении в отеле «Савой» 16 сентября заявил:

> «Я не могу заставить себя поверить, что неприятель честно предлагает нам притти к соглашению на условиях, которые мы могли бы принять. Это не попытка договориться о мире, это попытка ослабить наши силы, которые они не могут сломить на полях сражений, это попытка сыграть на тех чувствах — вполне достойных в своей сущности, но ошибочно толкуемых, — которые, по их мнению, существуют во всех странах. Они надеются использовать эти настроения в своих целях, чтобы поставить на своем. . .»

Хотя г. Бальфур оговорился, что он выступает только как «один из министров», он выражал, конечно, общее мнение своих коллег. И вся страна в целом разделяла это мнение. Г-н Асквит, лидер оппозиции, выступал в Манчестере через 11 дней после этого, 27 сентября; он занял такую же позицию. Г-н Асквит говорил:

> «Я должен сказать, что, каковы бы ни были побуждения графа Буриана, его нынешнее предложение не кажется мне сколько-нибудь деловым. . . У меня нет желания уходить в эти туманные дебри. . . Наши цели, как мы все думаем, были достаточно ясно определены в свое время и здесь, и в Америке. . .»

Правительство Соединенных штатов сейчас же ответило на австрийскую ноту. Оно указало, что мирные условия США уже были в свое время очень ясно определены в 14 пунктах президента Вильсона и что Соединенные штаты «не могут и не желают вступать в переговоры о конференции по вопросам, относительно которых они уже столь ясно определили свою позицию». Если вспомнить, что 14 пунктов включали такие требования, как эвакуацию всей российской территории, независимость Польши, эвакуацию и восстановление Бельгии, возвращение Франции Эльзаса и Лотарингии, включение Трентино в состав Италии, свободу для Балкан и автономию для угнетенных народностей Австрии и Турции; если вспомнить, что на все эти вопросы фон Пайер в Штутгарте ответил одним энергичным и безоговорочным «нет!», — станет ясным, что в настоящий момент не могло быть речи о мире, на который Америка могла бы согласиться.

Президент Вильсон вернулся к этим вопросам в своей речи в Нью-Йорке 27 сентября, в которой он выдвинул следующие пять существенных условий мира:

> «Первое. Беспристрастные решения, которые будут вынесены по всем вопросам, не должны делать различия между теми государствами, по отношению к которым мы хотим быть справедливыми, и теми, к которым мы не хотели бы быть справедливыми. Это должна быть справедливость, которая не делает ни для кого исключений и не знает никаких других принципов, кроме принципа одинаковых прав для всех народов.
>
> Второе. Никакие специальные или особые интересы той или иной нации или группы наций не могут быть положены в основу соглашения или какой-либо его части, если эти интересы несовместимы с общими интересами.
>
> Третье. Не допускаются никакие лиги или союзы, специальные договоры или соглашения внутри единого и всеобщего организма Лиги наций. *
>
> Четвертое. В частности, не должно быть никаких особых и корыстных экономических объединений внутри Лиги наций. Не должны применяться никакие формы экономического бойкота или дискриминации. Только Лига наций имеет право применять изгнание с мировых рынков как меру дисциплины и контроля в тех случаях, когда необходимо оказать экономическое давление на провинившуюся сторону.
>
> Пятое. Все международные соглашения и договоры всякого рода должны публиковаться полностью для всеобщего сведения».

Эти пять принципов представляют интерес, потому что в них сказалось новое отношение к вещам, к которому пришли Америка и Британия в вопросах войны и мира; это отношение очень отлично от традиционной «дипломатии великих держав». То были принципы, которые мы потом пытались, с бо́льшим или меньшим успехом, включить в мирный договор. По мере того как мы в последующие годы отдалялись от этого принципа, мир все более погружался в хаос и смуту.

Президент Вильсон указал в той же речи еще на одну очень реальную трудность, с которой мы встречались при каждой попытке приступить к мирным переговорам. Он сказал:

> «Мы все считаем, что невозможно заключить мир с правительствами центральных держав на основе каких-либо сделок или компромиссов, потому что мы уже имели дело с этими державами раньше и видели недавно, какие они заключили соглашения с другими государствами — участниками этой войны — в

* Такие соглашения, как Локарнский договор, пакт в Стрезе, Франко-русский пакт, договор между Италией и Австрией, Малая Антанта и другие партикуляристские предприятия этого рода представляют собой явное отступление от этого принципа. — *Ал. Дж.*

> Брест-Литовске и Бухаресте. Мы все убедились, что эти правительства бесчестны и не хотят справедливости. Они не соблюдают договоров, не признают никаких принципов, только силу и свои собственные интересы. Мы не можем с ними «договориться». Они сделали это невозможным. Германский народ должен теперь, наконец, понять, что мы не можем верить ни одному слову тех, кто навязал нам эту войну. Мы по-разному мыслим и говорим на разных языках».

Это и была самая важная для нас проблема. Мы не хотели ни один лишний час воевать с германцами и австрийцами. У нас никогда не будет желания после этой войны затевать другую войну. Но мы знали, что если эта война кончится чем-то вроде вооруженного перемирия и сохранит в целости и почете милитаристский режим центральных держав, то эти державы опять будут стремиться к одной лишь цели: подготовить повторение этой войны в более подходящий для них момент, с еще более грозным оружием в руках, с лучше разработанными планами. Поэтому мы должны были продолжать войну во что бы то ни стало, пока наши противники не будут разбиты на поле битвы и дискредитированы у себя на родине. Если бы они в конечном счете могли похвалиться тем, что успешно выдержали сопротивление армий и флотов двух континентов и заключили мир на чужой, завоеванной земле, с которой мы не могли их изгнать, — губительная сила этих людей осталась бы несломленной.

Всебританский конгресс тред-юнионов принял 6 сентября резолюцию, в которой призывал:

> «уничтожить всякую бесконтрольную силу, которая может самостоятельно, тайно, по своему собственному желанию, нарушать мир всего мира; а если невозможно в настоящее время ее полностью уничтожить, то надо привести ее, по крайней мере, в такое состояние, при котором она неспособна была бы вредить. . . Конгресс требует, чтобы правительство начало мирные переговоры, как только неприятель добровольно или по принуждению эвакуирует Францию и Бельгию. . .» .

Вопрос поставлен совершенно ясно. Мы можем заключить мир только тогда, когда поражение центральных держав станет очевидным и бесспорным фактом, когда их войска уйдут или будут изгнаны из Франции и Бельгии. Пока эти условия не выполнены, мир может быть только перемирием; под этим прикрытием военные руководители Германии будут собирать силы для новой схватки, и мы должны будем готовиться к новой войне.

Случилось так, однако, что нота графа Буриана не входила в план германского стратегического «мирного наступления». Это был неподдельный крик отчаяния. Появление этой ноты на страницах берлинской прессы 15 сентября произвело на публику впечатление громового удара; было воскресенье, но партийные лидеры рейхстага сейчас же собрались и потребовали свидания с канцлером. Канцлер сумел их успокоить, а фон Гинтце постарался использовать

австрийскую ноту для своих проектов о созыве мирной конференции в Гааге. 28 сентября правительство Нидерландов сообщило, что королева готова представить свою резиденцию в распоряжение держав для созыва конференции на началах, предложенных австрийской нотой *.

Но события опередили фон Гинтце. 15 сентября, через день после того как Буриан отправил свою ноту, генерал Франше д'Эспере начал большое наступление на салоникском фронте, которое смело болгар и бросило союзные силы далеко вперед на пути к победе. 28 сентября делегаты болгарского правительства прибыли в Салоники, чтобы просить о перемирии и о прекращении военных действий. 28 же сентября германское министерство иностранных дел опубликовало меморандум, в котором указывало на необходимость немедленно реконструировать правительство на широких демократических началах; это была, как отмечал меморандум, необходимая предпосылка для начала мирных переговоров, к которым надо приступить немедленно. В то же утро фон Гинтце выехал в Спа и там узнал всю правду о положении вещей на фронте. Со следующим поездом выехал в том же направлении канцлер граф Гертлинг. Он хотел узнать, верно ли, что Людендорф в самом деле согласен с проектом о реконструкции правительства. Гертлинг попрежнему решительно противился осуществлению этого проекта. И того же 28 сентября Людендорф и Гинденбург, собрав все сведения о положении на фронтах, пришли к выводу, что война проиграна и что не остается ничего другого, как немеделенно обратиться к неприятелю с просьбой о перемирии. В своих мемуарах Гинденбург описывает эти события в следующих выражениях:

> «28 сентября эта внутренняя война была уже в полном разгаре. Германское мужество на западном фронте все еще не позволяло врагу произвести окончательный прорыв наших линий; Франция и Англия уже заметно уставали, а подавляющие нас численностью американские войска тщетно исходили кровью в тысячах сражений. И все же наши ресурсы таяли самым очевидным образом. Чем хуже будут вести с далекого востока, тем скорее эти ресурсы будут окончательно исчерпаны. Кто заполнит брешь, если Болгария навсегда выйдет из строя? Мы могли еще многое сделать, но мы уже не могли создать новый фронт. Правда, в Сербии формировалась новая армия, но как слабы были эти войска! Наш альпийский корпус насчитывал едва несколько боеспособных единиц, а одна из австро-венгерских дивизий, которая еще находилась в пути, уже успела оказаться совершенно негодной. Она состояла из чехов, которые несомненно откажутся воевать. Хотя Сирия лежит далеко от решающих театров военных действий, поражение в Сирии вызовет неизбежно разложение среди наших лойяльных турецких соратников, которые снова оказываются под ударом в Европе.

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 246.

> Что будет делать Румыния или могущественные фрагменты прежней России? Все эти мысли овладели мной и заставили меня искать конца, но только достойного конца. Никто не скажет, что я занялся этим слишком рано.
>
> Мой первый генерал-квартирмейстер, уже приняв решение, пришел ко мне во второй половине дня 28 сентября. Те же мысли владели генералом Людендорфом. Я увидел по его лицу, с чем он пришел. Как не раз бывало, начиная с 22 августа 1914 г., наши мысли оказались в полном согласии, еще до того как мы выразили их словами. Наше твердое решение основывалось на нашем общем убеждении» *.

28 сентября 1918 г. стало, таким образом, очень важной датой в истории войны и в истории мира. В Германии апологеты ее военных руководителей не раз относили вину за поражение Германии в войне то за счет крушения германского тыла, то за счет бегства кайзера, бунтов в Киле, слабости принца Макса Баденского, подлых козней социалистов и т. д. Но, еще до того как могли сказаться эти факторы, Гинденбург и Людендорф пришли к заключению, что война безнадежно проиграна и будущее не сулит Германии ничего, кроме стремительного нагромождения бедствий и поражений. Сам Людендорф признает, что на западном фронте их силы быстро таяли: число батальонов в полку было сокращено с четырех до трех, состав дивизии — с трех бригад до двух. Люди устали, были истощены недоеданием, их били и гнали обратно все ускоряющимися темпами. Как я уже указывал в другом месте, необходимость обеспечить поступление продовольствия из Украины не позволяла немцам перебросить на запад войска, которые стояли на Украине. Болгария ушла. Турция уходила. Это значит, что войска Антанты скоро будут стоять на Дунае, а флоты Антанты войдут в Черное море. Румыния снова вступит в борьбу, и Германия не сможет получать из Румынии нефть, а своих запасов у нее едва хватало для авиации на два месяца.

> «Война была проиграна. Ничто не могло этого изменить. Если бы мы имели силы изменить положение на западе, тогда, разумеется, еще ничего не было бы потеряно. Но для этого у нас уже не было сил. Если вспомнить, как истощены были наши войска на западном фронте, можно было предвидеть, что нас будут бить еще и еще. Наше положение могло только ухудшиться, улучшиться оно не могло. Не было никаких надежд на дальнейшие подкрепления из Германии в ближайшее время. Независимо друг от друга, фельдмаршал и я пришли к выводу, что войну надо кончать» **.

Так говорит Людендорф. Мы приходим к неизбежному выводу, что Германия и ее союзники были разбиты на поле сражения; внутренний крах в ноябре только довершил все это и сделал Германию совершенно беспомощной перед союзниками. Но если бы даже не

* Von *Hindenburg*, Out of My Life, p. 428 — 429.
** «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 256.

было внутреннего краха, ближайшие месяцы принесли бы только то полное разложение германской боевой силы, которое уже предвидел Людендорф.

Перемирие с Болгарией в самом деле было не первым прорывом в мировой войне; Россия и Румыния прекратили борьбу уже за несколько месяцев до этого. Но это был первый крах в лагере центральных держав и их союзников, и он имел, как мы видели, огромное значение, он заставил их просить мира. Союзники немедленно приняли все меры, чтобы полностью использовать выход Болгарии из строя; они двинулись к Дунаю, чтобы атаковать Австрию на этом фронте. 27 сентября, как только Клемансо узнал, что есть основания рассчитывать на сдачу Болгарии, он попросил генерала Франше д'Эспере, главнокомандующего союзными силами в Салониках, и генерала Гильома́, его предшественника, представить свои соображения о дальнейших операциях. Гильома́, который находился тогда в Париже, сейчас же составил план, и Клемансо переслал этот документ мне на отзыв. Но пока план генерала Гильома́ путешествовал к сеньору Орландо в Италию и ко мне в Лондон, болгарские делегаты уже начали переговоры о перемирии с Франше д'Эспере в Салониках. 26 сентября делегат болгарского правительства явился в штаб генерала Милна просить о прекращении военных действий. Милн направил его к генералу Франше д'Эспере, главнокомандующему салоникскими силами, и отныне д'Эспере вел переговоры самостоятельно, даже не консультируя с Милном. Делегаты прибыли к д'Эспере 28 сентября, а на другой день было подписано перемирие. 30 сентября оно вступило в силу. Вот что гласил этот документ, знаменовавший собой сдачу на волю победителя.

«СОГЛАШЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ С БОЛГАРИЕЙ, ПОДПИСАННОЕ 29 СЕНТЯБРЯ 1918 г.

1. Немедленная эвакуация всех территорий, занимаемых еще Болгарией в Греции и Сербии, в соответствии с договором, который будет заключен впоследствии. Болгария не должна вывозить из этих территорий скота, зерна и каких бы то ни было других запасов.

Болгарские войска, покидая страну, не должны производить в ней никаких разрушений. Болгарская администрация будет попрежнему выполнять свои функции в тех районах Болгарии, которые ныне заняты союзниками.

2. Немедленная демобилизация всех болгарских армий, за исключением сводной армейской группы всех родов оружия, включающей три дивизии по 16 батальонов в каждой и 4 полка кавалерии. Эта армейская группа должна остаться на военном положении: две дивизии должны взять на себя защиту восточной границы Болгарии и Добруджи, а 148-я дивизия — охрану железнодорожных путей.

3. Оружие, снаряды и средства военного транспорта, принадлежащие ныне демобилизуемым боевым единицам, должны

быть сданы на пункты, которые будут впоследствии указаны верховным командованием союзных «армий Востока». Они будут затем храниться на складах болгарскими властями под контролем союзников.

Лошади равным образом должны быть переданы союзникам.

4. Материалы, принадлежавшие IV греческому армейскому корпусу, которые были захвачены во время болгарской оккупации в Восточной Македонии, должны быть переданы Греции, поскольку они в свое время не были переправлены Германии.

5. Те части болгарских войск, которые находятся в настоящее время к западу от меридиана Ускюба и входят в состав германской одиннадцатой армии, должны сложить оружие и будут впредь до особого приказа рассматриваться как военнопленные. Офицеры сохраняют оружие.

6. Болгарские военнопленные на Востоке будут использованы союзными армиями до момента заключения мира; это положение не распространяется в порядке взаимности на военнопленных союзных армий, которые находятся сейчас в распоряжении болгар. Военнопленные союзные солдаты должны быть незамедлительно переданы союзным властям, а гражданские лица — подданные союзных держав, подвергшиеся высылке, — должны получить полную возможность вернуться к местам своего жительства.

7. Германии и Австро-Венгрии предоставляется четырехнедельный период, для того чтобы отвести свои войска и воинские учреждения с территории Болгарии. В течение того же периода дипломатические и консульские представители центральных держав, равно как и частные граждане этих стран, должны покинуть болгарскую территорию. Приказ о прекращении военных действий будет дан лицами, подписавшими настоящее соглашение.

Подписи: Генерал Франше д'Эспере
Андрей Ляпчев
Е. Т. Луков.

Генеральный штаб
29 сентября 1918 г. 10 часов 50 минут пополудни».

5 октября я приехал в Версаль на несколько совещаний с Клемансо и Орландо и нашими военными советниками о положении, которое создалось после прекращения военных действий в Болгарии. Мы признали, что этот успех должен быть использован в трех направлениях: прежде всего, мы должны отрезать Турцию от центральных держав и заставить ее выйти из войны; далее, мы должны войти в Румынию и помочь ей изгнать гарнизоны австрийских войск, дав ей таким образом возможность снова вступить в войну на стороне союзников; наконец, мы должны создать угрозу самой Австрии путем передвижения по направлению к Дунаю. Из всех этих момен-

тов ближайшим во времени представлялось нам крушение Турции, и мы поэтому приступили к обсуждению условий, на которых можно будет заключить перемирие с Турцией. Указания маршала Фоша были сделаны им в форме нескольких замечаний, которые он набросал на листке из блок-нота; этот листок сейчас, когда я пишу эти строки, находится перед мной. Вот его содержание:

«Мой совет:

1. Отрезать железнодорожные пути, ведущие из Германии в Константинополь.

В Нише отрезать только одну часть пути.

На Марице повыше Адрианополя отрезать все пути.

2. Овладеть стратегическими пунктами в Болгарии, обеспечивающими разоружение болгарской армии.

3. Перебросить один армейский корпус на Дунай, чтобы отрезать там речные сообщения неприятеля и, в случае нужды, оказать помощь Румынии.

4. Когда эти условия будут выполнены, — рассмотреть, тщательно изучить и подготовить операцию против Турции.

4/10/18

Подпись: Ф. Фош.»

В это время Алленби продолжал свою победоносную кампанию в Сирии. Дамаск пал 1 октября, а 6 октября в Версале я узнал, что делегат Турции уже прибыл в Митилену на пути в Афины. У меня был с собой черновик договора о перемирии с Турцией, который получил уже одобрение британского военного кабинета, и я показал этот проект членам конференции. Он был передан на заключение военным экспертам и после их исправлений принял следующую форму:

«1. Немедленная демобилизация турецкой армии за исключением тех войск, которые необходимы для наблюдения за границами и для поддержания внутреннего порядка в стране (контингенты этих войск будут определены союзниками).

2. Открытие Дарданелл и Босфора и свободный доступ для союзников в Черное море. Союзники оккупируют форты Дарданелл и Босфора.

3. Союзные суда получают свободный доступ во все порты и на все пристани, которые находятся в турецком владении; неприятель лишается этого права.

4. Все военные корабли, находящиеся в турецких водах или в водах, ныне занятых турками, сдаются союзникам. Эти корабли будут интернированы в портах по указанию союзников.

5. Управление беспроволочным телеграфом и телеграфными станциями переходит в руки союзных властей.

6. Турецкие власти должны указать союзникам расположение минных полей, местонахождение торпед и всех других заграждений военного характера в турецких водах; они должны

также помочь союзникам взорвать или удалить эти заграждения в случае необходимости.

7. Турецкие власти должны дать союзникам всю доступную им информацию о расположении минных полей в Черном море.

8. Союзники используют Константинополь как свою морскую базу; им предоставляется право использовать все ремонтные приспособления в турецких портах и арсеналах для нужд своих судов.

9. Союзники должны получить возможность приобретать уголь, нефть и морские материалы из турецких источников.

10. Союзные войска оккупируют все важные стратегические пункты.

11. Устанавливается контроль союзников над всеми железными дорогами, включая те участки закавказских железных дорог, которые сейчас находятся в руках Турции; эти дороги должны быть предоставлены в полное распоряжение союзных властей. Настоящий пункт включает также оккупацию союзниками Баку и Батума.

12. Союзники оккупируют туннельную сеть Тавра.

13. Турция немедленно отводит свои войска из северо-западной Персии и Закавказья к довоенным границам.

14. Все турецкие гарнизоны в Геджасе, Ассире, Иемене, Сирии, Киликии и Месопотамии сдаются ближайшему союзному военному начальнику или арабскому представителю по принадлежности.

15. Все турецкие офицеры в Триполитании и Киренаике сдаются ближайшему итальянскому гарнизону.

16. Все оккупированные турками порты в Триполитании и Киренаике, включая Миссурату, должны быть переданы ближайшим итальянским гарнизонам.

17. Все германцы и австрийцы, моряки, военные и гражданские лица, сдаются ближайшему британскому или союзному командиру.

18. Турецкие власти должны соблюдать правила, которые будут изданы относительно использования и расположения турецкой армии и ее снаряжения, вооружения и амуниции, включая транспортные средства.

19. Союзники назначают своих представителей для контроля над военными запасами турецкой армии.

20. Все военнопленные союзных армий, а также интернированные и взятые в плен армяне должны быть доставлены в Константинополь и здесь безоговорочно переданы союзным властям.

21. Турция обязуется прервать всякие сношения с центральными державами».

Мы получили сообщение, что турецкий султан хотел бы обеспечить только два пункта в любом соглашении, которое будет ему

предложено: 1) он сохраняет трон; 2) Турция остается независимой страной. Легко видеть, что вышеприведенное соглашение о перемирии не нарушает ни одного из этих двух пунктов.

Турецкие армии оказывали еще все ослабевавшее сопротивление нашим наступающим войскам в Сирии и Месопотамии; это могло продолжиться еще некоторое время. Было ясно, что наш успех в Болгарии позволит нам оказать дополнительное давление на Турцию с севера и приблизить момент ее капитуляции. Генерал Франше д'Эспере не только ответил специальным меморандумом на запрос Клемансо о ходе дальнейших операций против турок, но, не дожидаясь утверждения своего плана, начал уже, как мы узнали, проводить его в жизнь. Британская армия занимала до сих пор правый фланг союзной линии; это был никак не самый спокойный сектор фронта. Теперь генерал Франше д'Эспере собирался совсем расформировать британские силы в Салониках, находившиеся под командованием генерала Милна. Часть из них он решил использовать в Болгарии, а другая часть под командованием французского генерала должна была наступать вместе с французскими войсками на Константинополь. Французы очень хотели завладеть этим городом собственными силами. Они, кажется, в тайниках души побаивались, что если мы, англичане, наложим руку на Константинополь, то мы, возможно, начнем, независимо от союзников, строить свои собственные планы насчет дальнейшей судьбы этого города. Нечего и говорить, что эти опасения были совершенно лишены основания, и я заявил самый энергичный протест по поводу развязного обращения генерала Франше д'Эспере с нашими войсками и их генералом. Клемансо сейчас же уступил в этом вопросе и послал д'Эспере инструкцию вернуть британские части на прежние позиции на восточном секторе союзной линии. В следующей телеграмме он сообщил д'Эспере постановление конференции о дальнейшем ходе операций на балканском фронте. Эти решения гласили:

> «Британское, французское и итальянское правительства считают, что операции союзников по использованию положения, создавшегося на Балканах, должны развиваться на следующих основах:
>
> 1. Части союзных армий Востока, наступающие на Константинополь, должны находиться под непосредственным начальством британского генерала, который в свою очередь подчиняется приказам союзного главнокомандующего.
>
> 2. Части союзных армий Востока, наступающие на Константинополь, должны состоять, главным образом, из британских войск, но должны включать также войска французские, итальянские, греческие и сербские.
>
> 3. В свою очередь британские войска должны принять участие в операциях на севере».

Спустя два дня, 9 октября, к концу последнего заседания конференции было принято, по моему предложению, следующее решение:

«Обратиться к военным представителям в Версале с просьбой обсудить совместно с представителями американского, британского, французского и итальянского флотов вопрос о координации действий морских и сухопутных союзных сил в предстоящих операциях против Константинополя, а также вопрос о командовании союзными морскими силами, занятыми в этих операциях».

Но если падение Болгарии позволило нам принять более серьезные и согласованные мероприятия для достижения победы на юго-востоке Европы, его немедленные последствия были еще более наглядны на главных театрах войны. Я уже говорил, что Людендорф и Гинденбург сразу же пришли к выводу, что надо прекратить борьбу, и еще до того, как собралась конференция в Версале 5—9 октября, это их решение принесло плоды.

Ход событий в Германии между 29 сентября и 4 октября может быть обрисован вкратце в следующих чертах. События вызвали внутренний политический кризис, который изменил конституцию империи, и дали еще одну иллюстрацию того факта, что высшее военное командование в то время безраздельно управляло делами страны. Только приказы военных принимались в расчет — даже, если это был бы приказ сделать революцию.

29 сентября состоялась конференция в Спа. Людендорф изложил свои соображения, которые заставляли его искать немедленного перемирия. Необходимой предпосылкой к этому должна была быть, как признал Людендорф, реконструкция правительства на демократических началах *. По сути дела в Спа тогда заседала не одна, а несколько конференций: конференция между руководителями армии и министром иностранных дел фон Гинтце, другая — с кайзером. А во второй половине дня прибыл канцлер, граф Гертлинг, и тогда история началась сначала. Людендорф очень энергично убеждал не терять зря времени; он говорил, что «каждый час промедления опасен!» У фон Гинтце сложилось впечатление, что армии угрожает немедленная катастрофа. Приехал кайзер, выслушал ту же историю, очень удивился и огорчился, как все. В полдень притащился престарелый канцлер, выслушал новости, вышел из комнаты и сказал своему сыну: «Это просто страшно! Верховное командование требует, чтобы мы как можно скорее обратились к Антанте с просьбой о мире!»

Во второй половине дня они еще раз обсудили политическое положение. Граф Гертлинг, старый реакционер, наотрез отказался остаться канцлером в демократическом, ответственном перед парламентом правительстве. Он подал прошение об отставке, и кайзер его отставку принял. Среди кандидатов на пост канцлера было названо имя принца Макса Баденского. Фон Гинтце также подал в отставку, он был тоже представителем реакционного лагеря, но кайзер его отставки не принял. Гертлинг никак не хотел всерьез поверить, что необходимы такие революционные по своему харак-

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 260, ff.

теру реформы; это вдохновило кайзера, и он предложил отсрочить переход к демократическому правлению недели на две или что-нибудь в этом роде. Проект декрета о политических реформах лежал на столе. Он был помечен 30 сентября. Кайзер оставил его лежать на столе и пошел к двери. За ним пошел Гинтце — он напомнил кайзеру, что верховное военное командование настаивает на немедленном заключении перемирия и считает необходимым, чтобы обращение к неприятелю с просьбой о перемирии исходило от демократического, конституционного правительства. Тогда усталый и растерянный кайзер вернулся и поставил свою подпись под декретом. Это была не очень крупная реформа. Смысл ее был в том, что кайзер отныне соглашается ввести в состав своего правительства представителей от всех партий большинства в рейхстаге; он, однако, все еще сохранил в своих руках право назначения канцлера. Декрет был написан в форме обращения к графу фон Гертлингу. Кайзер принимал его отставку, а затем в декрете говорилось:

> «Я желаю, чтобы германский народ сотрудничал с нами более непосредственно, чем раньше, в определении судеб нашей родины. Я выражаю поэтому мою волю, чтобы люди, которые облечены доверием народа, принимали более широкое участие в правах и обязанностях правительства. Заканчивая, я прошу Вас продолжать выполнение своих обязанностей по управлению страной и начать проводить в жизнь те мероприятия, которые я намерен осуществить, до тех пор пока я не найду Вам заместителя. Я жду от Вас предложений по этому поводу».

С этим декретом в кармане фон Гинтце уехал в ту же ночь со специальным поездом в Берлин. Он должен был созвать партийных лидеров, составить министерство и найти кого-нибудь, кто занял бы пост канцлера. Прежде чем покинуть германский генеральный штаб, он отправил телеграммы в Вену и Константинополь. Он просил Австрию и Турцию присоединиться к Германии, чтобы совместно обратиться к президенту Вильсону с просьбой о мире на основе его 14 пунктов. Центральные державы должны были просить президента созвать мирную конференцию в Вашингтоне и немедленно заключить перемирие. После этого фон Гинтце должен был составить правительство и найти канцлера, который не медля ни минуты обратится с этим предложением к Америке. Вслед ему 1 октября полетела телеграмма Гинденбурга, которая гласила:

> «Если сегодня до 7—8 часов вечера выяснится, что принц Макс Баденский составит правительство, я согласен отложить обращение о мире до завтрашнего утра.
>
> Если, наоборот, образование правительства вызывает еще те или иные сомнения, я считаю желательным, чтобы обращение к иностранным правительствам было отправлено еще сегодня ночью» *.

* Prince *Max of Baden*, Memoirs, v. II, p. 4.

Гинденбург, конечно, не имел никакого представления о том, сколько нужно времени, чтобы составить правительство на демократических началах, особенно, если речь идет о коалиционном правительстве. Ни он, ни Германия не имели еще в этих делах опыта, который накапливается годами в странах с парламентским образом правления. Принц Баденский еще не знал сокровенных подробностей о военном положении и международных перспективах. Он был, однако, твердо убежден, что было бы крайне неполитичным обращаться с просьбой о перемирии так поспешно, как это рекомендует сделать верховное командование. Как он сам признал впоследствии, он, в сущности, принял пост канцлера только для того, чтобы иметь возможность отложить это выступление.

Комиссия рейхстага отмечает в своих отчетах:

> «Канцлер, принц Макс Баденский использовал все доступные ему возможности, чтобы не сделать того, что он считал ложным шагом: обращения с просьбой о немедленном перемирии» *.

На коронном совете вечером 2 октября он начал было возражать против немедленного обращения о перемирии, но кайзер сейчас же остановил его и напомнил, что командование считает это необходимым. Он обратился письменно к Гинденбургу и на другой день получил от него ответ такого содержания:

> «Верховное командование настаивает на своем требовании от 29 сентября, чтобы предложение о заключении мира было послано нашим врагам немедленно» **.

Принц Макс Баденский еще раз обращался к Гинденбургу 3 октября, но когда его предложения были на конференции отвергнуты, он стал настаивать, чтобы Германия послала ноту о мире без предварительного обращения с просьбой о перемирии. Это предложение было также отвергнуто. Тогда он 4 октября отправил ноту о мире, текст которой был утвержден верховным командованием. Эта нота была обращена к президенту Вильсону; она гласила:

> «Германское правительство просит президента Соединенных штатов Америки взять в свои руки дело восстановления мира, познакомить все воюющие государства с этим нашим обращением и пригласить их послать своих полномочных представителей для переговоров. Германское правительство принимает программу, изложенную президентом Соединенных штатов в его послании конгрессу от 8 января 1918 г., и его позднейшие заявления, особенно его речь от 27 сентября, как основу для мирных переговоров.

---

* «Die Ursachen... u.s.w.», Bd. II, S. 24.

** Prince *Max of Baden*, Memoirs, v. II, p. 19.

Стремясь избежать дальнейшего кровопролития, германское правительство просит немедленно заключить перемирие на суше, на море и в воздухе.

Макс, принц Баденский,
Имперский канцлер».

Одновременно с посылкой этой ноты другая нота была послана Австрией. Она гласила:

«Австро-Венгерская монархия, которая с самого начала вела эту войну только как оборонную войну и которая уже не раз заявляла о своей готовности положить конец кровопролитию и заключить справедливый достойный мир, настоящим обращается к президенту Соединенных штатов Америки с предложением заключить с ним и с его союзниками немедленное перемирие на суше, на море и в воздухе, а затем немедленно начать переговоры о мире, основой для которых должны служить 14 пунктов президента Вильсона, его послание конгрессу от 8 января 1918 г. и 4 пункта в его речи от 12 февраля 1918 г., причем должны быть также учтены заявления президента Вильсона от 27 сентября 1918 г.».

В тот день, когда были опубликованы обе эти ноты, германская и австрийская, я находился на пути в Париж. Я ехал в Париж, чтобы принять участие в конференциях о положении в Болгарии и Турции; эти конференции должны были происходить совместно с французским и итальянским правительствами. О положении в Болгарии и Турции я говорил уже выше. В первый день конференции мы еще не имели официального извещения о мирных нотах. Президент Вильсон еще не выпускал их из своих рук, несмотря на то, что германская нота просила его «познакомить все воюющие государства с этим нашим обращением». Он решил составить и отправить свой собственный ответ, не посоветовавшись со своими компаньонами по общему делу.

Пока мы не имели официального извещения об этих нотах, мы не могли, естественно, и принять какие-либо официальные решения, но, как я сообщал имперскому военному кабинету после моего возвращения в Англию:

«Представители трех правительств все же встречались ежедневно и обсуждали положение. Они беседовали также с маршалом Фошем и начальником его штаба, с военными представителями в Версале и в качестве предварительного шага обратили их внимание на необходимость разработки условий перемирия».

Принципы, на базе которых могло бы быть заключено перемирие с Германией и Австрией, были изложены военными представителями в таком виде:

1. Полная эвакуация занятых неприятелем территорий Франции, Бельгии, Люксембурга и Италии.

2. Немцы должны отступить за Рейн в Германию.

3. Эльзас-Лотарингия должна быть эвакуирована германскими войсками без оккупации ее союзниками.

4. Те же условия должны быть применены к Трентино и Истрии.

5. Неприятель должен эвакуировать Сербию и Черногорию.

6. Эвакуация Кавказа.

7. Должны быть немедленно приняты меры к эвакуации всех территорий, которые до войны принадлежали России и Румынии.

8. Немедленное прекращение подводной войны. (Мы признали также, что союзная блокада не должна быть снята. Это решение может показаться суровым, но мы опасались, что Германия может использовать период перемирия для подготовки к возобновлению военных действий.)

На заседании 8 октября мы уже имели сообщение маршала Фоша о тех условиях, которые он считает необходимым обеспечить при заключении перемирия с Германией. Вот эти условия:

«Не может быть и речи о прекращении военных действий раньше, чем оперирующими во Франции и Бельгии армиями не будет достигнуто следующее:

1. *Освобождение всех стран, которые были заняты вопреки всякому праву*, а именно: Бельгии, Франции, Эльзас-Лотарингии, Люксембурга. Население должно вернуться на места своего жительства. Неприятель должен эвакуировать эти территории в течение двух недель, а население их должно быть немедленно возвращено на родину.

Это — первое условие перемирия.

2. *Обеспечение такой военной обстановки в момент перемирия*, которая позволит нам продолжать войну вплоть до полного истребления неприятельских сил, если мирные переговоры почему-либо не приведут к должным результатам.

В соответствии с этим мы должны получить в свои руки два или три моста на Рейне, на высоте Раштадта, Страсбурга и Ней-Брайзаха (полуциркульный мост на правом берегу с радиусом в 30 километров; конец этого моста на правом берегу) в двухнедельный срок.

Это — второе условие перемирия.

3. *Обеспечение репараций*, которые должны быть взысканы в возмещение за разрушения, произведенные неприятелем в союзных странах. Счет на эти репарации будет предъявлен в ходе переговоров о заключении мирного договора.

Неприятельские войска должны эвакуировать левый берег Рейна в 30-дневный срок; союзные войска оккупируют эти

области и будут управлять ими в согласии с местными властями вплоть до момента подписания мирного договора.

Это — третье условие перемирия.

Кроме того, необходимо поставить еще следующие, дополнительные, условия:

4. Все военные материалы и всякого рода запасы, которые не могут быть эвакуированы германскими войсками в течение установленного срока, должны быть оставлены на месте; уничтожать их воспрещается.

5. Воинские части, которые не эвакуируют вышеуказанные территории в течение установленного срока, будут разоружены, и солдаты будут объявлены военнопленными.

6. Железнодорожные материалы — как уже проложенные пути, так и запасы всякого рода — должны быть оставлены на месте и не подвергаться никаким разрушениям. Все захваченные бельгийские и французские материалы должны быть возвращены (либо заменены таким же количеством равноценных материалов).

7. Все военные постройки, лагери, бараки, парки, арсеналы и т. п. должны быть оставлены в сохранности; неприятель не имеет права ни переносить их в другое место ни уничтожать.

8. То же самое относится к промышленным предприятиям и фабрикам всякого рода.

9. Военные действия будут прекращены через 24 часа, после того как настоящие условия перемирия будут подписаны договаривающимися сторонами.

Ф о ш».

Когда эти условия были зачитаны, г. Бонар Лоу заметил, что это фактически равносильно безоговорочной капитуляции. Барон Соннино сказал, что и Фош и военные представители требуют слишком многого. Я склонялся к тому же мнению. Все же мы чувствовали, что на этой стадии еще не сто́ит обсуждать вопрос во всем его объеме, поскольку еще совершенно неясно, как намерен отвечать на германскую и австрийскую ноты президент Вильсон. Американская пресса считала несомненным, что президент отклонит это предложение, которое он рассматривает как маневр для того, чтобы завлечь союзников в переговоры о мире без победы. И в этом была доля правды. Людендорф и Гинденбург видели в немедленном заключении перемирия единственную надежду сохранить свою армию в целости, чтобы она могла еще оказать впоследствии сопротивление, если мирные условия окажутся для них неприемлемыми. Но ни американцы, ни мы сами не знали в ту пору, как близка была Германия к краху и какие безнадежные перспективы открывались перед ее верховным командованием.

Во вторник 8 октября Лансинг вручил швейцарскому поверенному в делах в Вашингтоне, который выступал посредником в сношениях между Соединенными штатами и Германией, ответ президента Вильсона на германское обращение о перемирии:

«Государственный департамент
8 октября 1918 г.

Сэр,

имею честь подтвердить от имени президента получение Вашей ноты от 6 октября, включавшей обращение германского правительства к президенту. Президент поручил мне просить Вас передать германскому имперскому канцлеру следующее.

Прежде чем ответить на просьбу имперского германского правительства, и для того, чтобы этот ответ был так искренен и прям, как это необходимо по самому характеру затронутых в германской ноте важнейших вопросов, президент Соединенных штатов считает необходимым предварительно уточнить смысл ноты имперского канцлера. Хочет ли имперский канцлер сказать, что имперское германское правительство принимает те условия, которые были изложены президентом в его послании конгрессу Соединенных штатов 8 января этого года и в последовавших за этим речах президента, и что поэтому конференция должна будет разрабатывать только детали практического применения этих условий? Президент чувствует себя обязанным сказать, что по вопросу о предлагаемом перемирии он не найдет в себе смелости предложить правительствам, с которыми правительство Соединенных штатов объединилось в борьбе против центральных держав, прекратить военные действия до того, пока армии этих держав находятся на территории союзников. Добрая воля центральных держав может быть подтверждена только их согласием немедленно увести свои войска с территорий, которые они заняли.

Президент считает себя также вправе спросить, говорит ли имперский канцлер от имени тех официальных властей империи, которые до сих пор вели эту войну. Он считает ответ на все эти вопросы существенным со всех точек зрения.

Примите, Сэр, мои уверения в моем постоянном высоком уважении.

Роберт Лансинг».

На последнем заседании нашей конференции в Версале, 9 октября, мы уже имели перед собой текст ответа президента Вильсона.

Г-н Клемансо заявил, что это — великолепный документ. Не посоветовавшись с союзниками, президент Вильсон потребовал эвакуации Франции, Бельгии, Италии и Люксембурга. Таким образом, мы, во всяком случае, не были связаны никакими обязательствами. Когда немцы получат ответ, они, вероятно, предложат нам обсудить условия перемирия. Мы должны будем тогда, естественно, обратиться к нашим военным советникам и спросить, какие условия они считают необходимыми. Было бы ошибкой говорить, пока нас не спрашивают: это сыграло бы только на-руку немцам. Поэтому Клемансо считал, что нынешнее положение вполне удовлетворительно и ничего предпринимать не следует.

Я не мог согласиться с этим взглядом. Я указал, что речь от 5 октября, в которой принц Макс Баденский защищал и объяснял германскую мирную ноту перед рейхстагом, была речью премьер-министра побежденной страны. Если бы Клемансо или я произнесли такую речь, весь мир сказал бы, что мы признали себя побежденными. На месте принца Макса я принял бы все предложения президента Вильсона безоговорочно. Принц, несомненно, охотно примет эти 14 пунктов. Но есть вопросы, о которых я хотел бы знать больше, чем знаю. Таков, например, принцип «свободы морей», который совершенно неприемлем для английской нации. Принц Макс, несомненно, безоговорочно примет требование эвакуации занятых территорий как условие перемирия. Но ведь немцы уже сейчас эвакуируют эти территории, и только маршал Фош до сих пор мешал им быстро выполнить эту операцию, тем что наседал на них и жестоко их бил. Трудность возникла уже в связи с первым пунктом президентского письма, потому что толкование 14 пунктов очень неясно; есть неясность, например, в вопросе об Эльзас-Лотарингии. Второй пункт письма, в котором говорится о перемирии, еще более серьезен: если бы немцы приняли эту точку зрения, они могли бы сказать, что они тем самым приняли предложение президента Вильсона; если мы будем молчать, они смогут утверждать, что нет возражений ни с чьей стороны и что они имеют право рассматривать это, как итог всех союзных условий перемирия.

Я указывал далее, что теперь уже американское правительство официально известило нас о своем ответе, и мы, в свою очередь, должны как-нибудь откликнуться. Более того, американский ответ появился в газетах, прежде чем он был доставлен нашим правительствам. Если мы после опубликования ответа в печати просто пройдем мимо этого, и ничем не выразим нашего отношения к нему, то это будет значить, по моему мнению, что мы уже в большой мере связали себя в этом вопросе. Поэтому я предложил конференции набросок составленного мною ответа, который, по моему мнению, надо было послать Вильсону. Этот набросок подвергся обсуждению на конференции, и на этой основе был составлен и утвержден официальный ответ президенту. Вот текст этого ответа в переводе с французского:

> «Союзные правительства с величайшим интересом ознакомились с ответом президента Вильсона на ноту канцлера Германской империи.
>
> Они высоко ценят возвышенные побуждения, которые вдохновили этот ответ. Ограничиваясь пока самыми неотложными вопросами — вопросами перемирия, они заявляют, что разделяют мнение президента Соединенных штатов, что условием любых переговоров на эту тему должна быть эвакуация неприятелем всех занятых им территорий. Но для заключения перемирия одного этого условия, как бы оно ни было существенно, по мнению союзных правительств, все же недостаточно.

> Это не помешало бы неприятелю использовать приостановку военных действий, для того чтобы улучшить свое военное положение сравнительно с тем, в каком он находился до прекращения военных действий, на тот случай, если бы по истечении срока перемирия не последовало заключения мира. Неприятель сможет выйти из критического положения, спасти свои запасы, перегруппировать свои силы, сузить линию фронта и отступить без человеческих потерь на новые позиции, которые он будет иметь время избрать и укрепить.
>
> Условия перемирия могут быть установлены только после консультации с военными экспертами и в соответствии с той военной обстановкой, которая сложилась в момент начала переговоров о перемирии.
>
> Эти соображения настойчиво выдвигались военными экспертами союзных держав и в особенности маршалом Фошем. Они в равной мере относятся к армиям всех государств, объединившихся в борьбе с центральными державами.
>
> Союзные правительства просят президента Вильсона внимательно рассмотреть соображения военных экспертов».

Одновременно с посылкой этого ответа мы решили отправить президенту Вильсону телеграмму о необходимости более тесного сотрудничества союзных правительств при ведении мирных переговоров. Вот текст этой телеграммы:

> «Союзные правительства позволяют себе указать президенту, что наступило время, когда придется, вероятно, весьма срочно принимать решения величайшего значения по вопросу о войне. Они полагают поэтому, что было бы чрезвычайно полезно, чтобы в Европу был командирован американский представитель, облеченный полным доверием правительства Соединенных штатов. Этот представитель будет по мере необходимости обсуждать совместно с другими союзными правительствами вопросы войны и мира, будет точно и исчерпывающе информировать их о точке зрения правительства США».

Было ясно, что конец уже не за горами. Было не менее ясно, что в этот критический момент мы должны действовать чрезвычайно осторожно, проверять каждый шаг, чтобы каким-нибудь ошибочным шагом не поставить под удары плоды наших длительных усилий. Мы хотели привести войну к определенному концу, чтобы ее уроки были всем понятны, чтобы она никогда не могла возобновиться. Но ведь, как указал президент Вильсон в своем ответе на германскую ноту, мы все еще имели дело со старой, милитаристской, империалистской германской кликой. Демократизация германского правительства была на этой стадии не более, чем лицемерным маневром. Это было чисто военное мероприятие, проведенное императором, для того чтобы усыпить сомнения союзников. Состав этого правительства был в основном намечен ушедшим в отставку реакционно настроенным канцлером Гертлингом, а новый канцлер, принц Макс,

был избран не демократическим учреждением, а военным советом. Условия перемирия и самый факт посылки обращения к союзным державам были предопределены тем же военным советом. Руки были наскоро облечены в демократические перчатки, но голос был голосом Людендорфа.

Все это надо иметь в виду, когда мы вспоминаем, почему военные действия продолжались еще больше месяца после опубликования германского обращения о мире. Как это могло случиться? Весь мир жаждал мира. И все же в течение недель борьба продолжалась. Дело в том, что мы не должны были дать вовлечь себя в переговоры с Людендорфом, прежде чем не будем уверены, что обеспечены наши главные условия мира. Пусть четырнадцать пунктов Вильсона соответствуют — и в основном они действительно соответствовали — нашим желаниям, но они были изложены языком туманного идеализма и поддавались самым различным толкованиям. Нам было мало того, что Германия выразит готовность вести переговоры о мире на основе 14 пунктов, мы должны были иметь возможность настоять на том, чтобы она приняла наше толкование текста этого священного писания.

Политическая комиссия британской военной миссии в Америке представила 9 октября меморандум о германской ноте. Это был первый из многих меморандумов на эту тему, которые вскоре стали поступать к нам из различных совещательных инстанций. Меморандум подчеркивает тот факт, что:

> «...президент Вильсон в своих заявлениях исходил из того положения вещей, которое сложилось до заключения Брест-Литовского договора, до того как был навязан Бухарестский мир Румынии, до того как германское правительство сообщило о своих намерениях перед началом весеннего наступления в этом году. Эти заявления не могут поэтому рассматриваться, как окончательные мирные условия союзников.
>
> Германская нота принимает эти заявления как «базу для мирных переговоров». Это выражение может прикрывать любое толкование — от искреннего принятия всех условий до простого стремления добиться мирных переговоров, которые уже стали для них неизбежными в результате сложившейся военной обстановки. Невозможно поэтому заключить с Германией перемирие, если оно не даст Антанте полных гарантий, что все принятые условия будут строго соблюдены. Мы должны ясно договориться о том, что Германия признает некоторые принципы не подлежащими уже обсуждению и оставляет для переговоров только те детали, которые, по мнению союзных держав, еще могут быть подвергнуты обсуждению».

Впоследствии сам принц Макс подтвердил, что мы правильно истолковали намерения германского верховного командования в тот момент, когда оно выступило со своим предложением о перемирии. В своих мемуарах он говорит:

«Верховное командование вначале, повидимому, не представляло себе достаточно ясно, какие роковые последствия для Германии несут с собой эти 14 пунктов. Оно, вероятно, видело в вильсоновской программе простой набор фраз, которые должны были быть потом, за столом конференции, истолкованы искусными дипломатами в благоприятном для Германии смысле.

Я спросил, понимает ли верховное командование, что путь, на который оно вступило, может повести к утрате германских колоний и даже отчасти германской территории — в частности Эльзас-Лотарингии и польских округов наших восточных провинций. Я получил уклончивый ответ: «Верховное командование готово рассматривать вопрос об уступке небольших населенных французами частей Эльзас-Лотарингии, если это неизбежно. Уступка германской территории на восточной границе с точки зрения военного командования совершенно исключается». В последний момент военное командование пыталось внести эту мысленную оговорку в самый текст нашей ноты. Они предлагали нам написать: «Германское правительство согласно принять 14 пунктов Вильсона как «базу для переговоров». Министры, однако, считали — и со своей точки зрения совершенно правильно, — что надо избегать таких формулировок, которые могут вызвать подозрения и нежелательные вопросы президента Вильсона. Они думали, что избежали этой опасности в окончательной редакции ноты. Как оказалось впоследствии, они недооценивали бдительности наших противников» *.

Если учесть, что мы имели дело с противниками, которые предлагали перемирие с такими задними мыслями, станет ясно, что мы никогда не добились бы тех условий, которые мы считали необходимыми для подлинного мира, если бы противник еще сохранил способность принимать или же не принимать наши требования. Я говорю о таких условиях, как полное освобождение и восстановление Бельгии, возвращение Эльзас-Лотарингии Франции, исправление итальянской, польской и румынской границ и т. д. Другое дело, если бы, выступая с предложением о перемирии, они сразу же честно и недвусмысленно обязались удовлетворить эти наши требования. Но мы совершенно справедливо, как это сейчас всем ясно, подозревали, что 4 октября они еще не имели намерения согласиться на наши требования. Оставалось только продолжать борьбу, пока мы не заставим неприятеля принять такие условия перемирия, которые позволят нам реализовать наши цели, — то, за что мы боролись, о чем не раз открыто заявляли в течение всей войны.

Туманный и неточный с точки зрения окончательной формулировки того мира, который союзники хотели заключить, характер различных речей президента Вильсона, цитированных в германской мирной ноте, был ясно вскрыт в меморандуме политико-разведывательного отдела министерства иностранных дел. Этот меморандум был представлен нам 12 октября.

---

* Prince *Max of Baden*, Memoirs, v. II, p. 24.

Между тем, 12 октября германское правительство отправило ответ президенту Вильсону на его ноту от 8 октября. Оно объявляло, что «принимает предложения, изложенные президентом Вильсоном в его послании конгрессу 8 января и в его последующих выступлениях как базу для постоянного и справедливого мира». Немцы исходили из того положения, что и государства Антанты, союзники США в этой войне, также принимают эти предложения. Они объявляли о своей готовности эвакуировать занятую территорию, имея в виду, что это является одним из условий перемирия, и предлагали создать смешанную комиссию для выработки порядка этой эвакуации. В заключение нота указывала, что германское правительство выражает взгляды большинства рейхстага и, таким образом, говорит от имени германского народа.

К несчастью для Германии, эти миролюбивые рассуждения германского правительства совпали с новыми инцидентами, возбудившими негодование общественного мнения союзников; требования союзников приняли более жесткий характер. При отступлении из Франции и Бельгии германская армия уводила с собой гражданское население, грабила и уничтожала его частную собственность, причем все это никак не могло быть оправдано требованиями военного времени. Немцы, например, выкорчевывали все плодовые деревья; даже невинные розовые кусты в палисадниках перед домами часто уничтожались. На море они не только продолжали топить суда без предупреждения, но как раз в этот период немцы пустили ко дну несколько пароходов с большим количеством пассажиров. 10 октября пассажирский пароход «Хирамо-Мару» был потоплен у берегов Ирландии; из 320 человек спаслись только 28. В тот же день ирландский почтово-пассажирский пароход «Лейнстер» был без предупреждения протаранен торпедой, а когда он начал погружаться, был протаранен вторично; пароход, таким образом, пошел ко дну в несколько минут, погибло 520 человек. Эти сообщения вызвали в союзных странах волну негодования, и в этой волне потонули те чувства, которые при других условиях могла вызвать германская мирная нота.

Президент Вильсон довольно подробно ответил Германии 14 октября. Он разъяснил, что об условиях перемирия центральные державы должны будут договариваться с военными властями союзников и что эти мирные условия должны «дать абсолютно удовлетворительные гарантии, что будет сохранено нынешнее военное превосходство армий Соединенных штатов и союзников на полях сражения». Далее, президент обращал внимание германского правительства на недавние зверства и требовал немедленного их прекращения.

> «Президент считает своим долгом добавить, что ни правительство Соединенных штатов, ни, как он уверен, правительства союзников Америки в этой войне не согласятся обсуждать условия перемирия, до тех пор пока вооруженные силы Германии не перестанут упорствовать в своих беззакониях и же-

стокостях. В то самое время, когда германское правительство обращается к правительству Соединенных штатов с предложением мира, его подводные лодки топят пассажирские суда на морях — и не только суда, но и спасательные боты, в которых пассажиры и команда пытаются уйти от гибели; а во время теперешнего вынужденного ухода из Фландрии и Франции германские армии продолжают производить такие ненужные разрушения, которые всегда рассматривались, как прямое нарушение правил и обычаев цивилизованного ведения войны. В городах и селах — если не разрушают их окончательно, то уничтожают не только находящееся в них имущество, но часто и население. Не приходится ожидать, что нации, объединившиеся в борьбе с Германией, согласятся прекратить военные действия, пока будут продолжаться акты бесчеловечности, грабежей и разрушений, которые вызывают в них ужас и справедливый гнев».

Нота заканчивалась указанием, что все это мы уже привыкли ждать от властей, которые до сих пор управляли Германией. Поэтому, если характер германского правительства действительно изменился, оно должно дать свидетельства своего раскаяния. Только в этом случае Германия может надеяться на милосердный мир.

Вскоре после этого я получил телеграмму от сэра Эрика Геддеса, который находился тогда в Соединенных штатах. Он сообщал мне о своей беседе с президентом, который со времени получения последней германской ноты стал еще более настороженным по отношению к немцам. Эта телеграмма, которую я прочитал кабинету 15 октября, гласила:

«а) Президент Вильсон вполне сознает необходимость продолжения войны. Он намерен объявить в ближайшее время, что контингенты отправляемых в Европу войск не будут сокращены, равно как не сокращается и вся работа Соединенных штатов на войну.

б) Он сознает, что наступило время, когда консультация с союзными державами становится необходимой.

в) Он полагает, что условия перемирия, составленные морскими и сухопутными военными властями, должны быть пересмотрены в том духе, чтобы были устранены ненужные унижения Германии; должно быть, однако, сохранено все то, что лишает неприятеля возможности использовать перемирие для перегруппировки своих сил и для общего улучшения своего положения.

г) Он склонен привлечь Германию к ответу за недавние жестокости, в частности за потопление «Лейнстера».

д) Из беседы с президентом по поводу его 14 пунктов у меня создалось впечатление, что он, повидимому, не составил себе еще ясного мнения о принципе свободы морей.

е) Президент упомянул об абсолютной необходимости разде-

ления Австро-венгерской империи в соответствии с нашими обязательствами перед угнетенными национальностями».

Далее сэр Эрик Геддес отмечал:

«Общий тон беседы был чрезвычайно сердечен; президент, однако, очень опасается, чтобы военно-морские власти не потребовали такого унизительного перемирия, какого не могла бы принять германская нация. Президент мечтает о перемирии, которое не вызовет озлобления и продемонстрирует высокие побуждения союзников».

В меморандуме об условиях перемирия, который был составлен для британского кабинета лордом Керзоном, последний подчеркивал тот факт, что начиная с данной стадии все решения об условиях перемирия должны приниматься не только президентом Соединенных штатов единолично, а совместно и после совместного обсуждения всеми союзниками. Лорд Керзон указывал дальше, что перемирие должно заключать в суммарной форме те основные положения, на которых мы будем настаивать во время переговоров о мире. Он имел в виду не только те вопросы, о которых идет речь в 14 пунктах, но и другие, которые, по его мнению, должны быть туда включены, как-то: сдача Гельголанда, германского военного флота и части торгового флота Германии; компенсации, репарации, возмещения союзникам издержек войны; суд и наказание главных виновников, включая, возможно, даже и кайзера, если он к тому времени не отречется от престола. Меморандум лорда Керзона очень характерен как свидетельство растущей уверенности, твердости общественного мнения и стремления добиться безоговорочной победы.

В Германии, наоборот, люди находившиеся у власти, постепенно начинали понимать, что поражение неизбежно и что Германия находится на краю гибели. Перед посылкой второй ноты Вильсону принц Макс беседовал с Людендорфом. Из этой беседы он вынес убеждение, что, если союзники не дадут немцам передышки и будут продолжать наступление, германская армия не удержит свои позиций, и фронт может в любой момент оказаться прорванным. Принц сообщает в своих мемуарах, что он в конце концов спросил Людендорфа напрямик

«*Если нынешняя мирная акция провалится*, сможем ли мы продолжать войну до весны одни, несмотря на отпадение одного или двух союзников, которые у нас еще остались?»

Я получил ответ:

«Нам нужна передышка; после этого мы сможем перегруппировать силы».

«Другими словами, — сказал я, — сможем ли мы удержаться, если не получим передышки?»

Я получил ответ:

«Да, мы сможем удержаться, если получим передышку».

Наше положение было, значит, в самом деле очень мрачным и трудным» *.

Подлинная правда заключалась, по словам принца Макса, в том, что Людендорф мог рассчитывать отстоять границы Германии только в том случае, если ему удастся отвести армию назад в полном порядке. Но он уже не надеялся отстоять эти границы, если армия будет разбита. И Людендорф всерьез думал, что союзники дадут ему такого рода перемирие, которое позволит ему выполнить этот маневр. Чтобы добиться такого перемирия, он готов был теперь обещать уступку Эльзас-Лотарингии и уплату большой контрибуции.

Итак, ясно, что, с военной точки зрения, Германия уже не могла сопротивляться. С политической точки зрения дело обстояло также плохо: тыл быстро разлагался. Вплоть до конца сентября верховное командование тщательно скрывало от народа серьезность положения. Даже министры, стоявшие во главе невоенных ведомств, не имели понятия о всей остроте положения; поэтому они были совершенно ошарашены людендорфским требованием перемирия.

До середины июля германская армия уверенно шла от победы к победе. Траншеи и заграждения союзников были взяты штурмом, фронты союзников прорваны, пушки их захвачены, сотни тысяч союзных войск взяты в плен. А народные массы, так долго и упорно страдавшие и так верившие в своих военных вождей — недавние наступления так блестяще, казалось, оправдывали эту веру, — не могли понять столь внезапной перемены и были совершенно сражены, когда прочитали германскую ноту Америке. Они качнулись в другую сторону и прониклись глубочайшим недоверием к тем людям, которые были до сих пор их идолами. Особенно это относилось к Людендорфу, которого обычно не ассоциировали с Гинденбургом. Людендорф считался человеком, который определял германскую политику в последний период войны, тогда как Гинденбург был только живым воплощением патриотического духа нации. В этой связи интересно вспомнить замечания маршала Фоша в ответ на мой вопрос, какого он мнения об этих главных военных руководителях Германии. «Что вы думаете о Людендорфе?» — спросил я. Он ответил: «Un bon soldat!» «А как бы вы, — продолжал я, — определили Гинденбурга?» Он ответил: «Un grand patriote!» Не было никаких оснований считать, что народные массы поддержат теперь какие-либо новые военные планы Людендорфа. Принц Макс тешил себя надеждой на народное ополчение на тот случай, если мирные переговоры будут прерваны, но никто его в этом не поддерживал.

Весьма прозрачный намек, который заключался в конце второй вильсоновской ноты, — что война-де не кончится, пока кайзер и его военные союзники определяют политику Германии, — произвел на общественное мнение Германии впечатление разорвавшейся бомбы. Весь Берлин заговорил о возможном отречении кайзера. На заседа-

* Prince *Max of Baden*, Memoirs, v. II, p. 68.

нии германского военного кабинета 17 ноября, на котором обсуждалась последняя нота Вильсона, Людендорф вдруг описал полный круг и занял вновь позицию полной непримиримости. Но у принца Макса уже тогда создалось впечатление, что Людендорф, который совсем недавно заставил его послать первую мирную ноту, хотел теперь восстановить свой авторитет и поэтому так восставал против фактической капитуляции Германии: «Не могу скрыть своего впечатления, что Людендорф не столько старался изменить наше решение, сколько хотел зафиксировать свой протест против такого решения» *.

Хотя на этом заседании 17 октября в речи Людендорфа прозвучала нота оптимизма, он не мог привести для своего оптимизма никаких разумных оснований. Записка кронпринца Рупрехта принцу Максу, написанная на другой день, дает такую картину положения в армии, которая не способна внушить никакого оптимизма. Кронпринц писал:

> «Наши войска истощены, контингенты страшно сократились. Численность пехотной дивизии действующей армии редко доходит теперь до трех тысяч человек. Вообще, пехотная дивизия равна теперь одному или двум батальонам, а в некоторых случаях — двум или трем ротам. Большое количество пулеметов потеряно. Чувствуется недостаток в опытных пулеметчиках. Артиллерия также потеряла очень много орудий и страдает от недостатка опытных бомбардиров. В некоторых армиях половина орудий осталась без лошадей! Нехватает также снарядов.
>
> Дух войск серьезно пострадал. Сопротивляемость уменьшается с каждым днем. Солдаты сдаются толпами при каждой атаке неприятеля, и тысячи мародеров шатаются по близости от военных баз.
>
> Не думаю, чтобы мы могли продержаться дольше декабря... Наше положение уже сейчас чрезвычайно опасно... Людендорф не сознает всей серьезности положения. Чего бы это ни стоило, мы должны добиться мира, прежде чем неприятель прорвется в пределы Германии; если это случится, горе нам!..» **

Первый вариант ответа президенту, составленный принцем Максом, был отклонен кабинетом как слишком унизительный для Германии. Некоторое время казалось, что военные даже потребуют отставки принца Макса. Так мало еще изменилось фактически правительство Германии в результате его псевдодемократизации с разрешения кайзера! В конце концов была составлена и одобрена нота в менее примирительном духе, и 20 октября она была отослана Зольфом.

* Ibidem.
** Ibid., v. II, p. 157.

Германская нота принимала наше требование, что условия перемирия должны быть разработаны военными советниками, но настаивала, чтобы «нынешнее соотношение сил на фронтах послужило базой для соглашений, которые должны сохранить и обеспечить это соотношение». Они просили президента Вильсона разрешить вопрос на этих началах и не выдвигать требований, которые «были бы несовместимы с честью германского народа и с общим стремлением проложить дорогу к справедливому миру». Нота отвергала обвинение в беззакониях и жестокостях на суше и на море, но обещала, что командирам подводных лодок будет предписано впредь не топить пассажирских судов. В заключение нота утверждала, что приход к власти нового правительства знаменует кардинальные перемены в конституции германского государства и что внесен законопроект, по которому объявление войны и заключение мира будет подлежать утверждению рейхстага.

На эту ноту Вильсон ответил 23 октября. Он принял к сведению обещание Германии соблюдать впредь правила цивилизованного ведения войны, а также утверждение германской ноты, что правительство Германии отныне включает представителей большинства рейхстага и выражает германское общественное мнение. Что же касается условий перемирия, то Вильсон заявлял:

> «Он считает себя вправе предложить на рассмотрение своих союзников только такое перемирие, которое позволит правительству Соединенных штатов и держав, объединившихся с ними в этой войне, обеспечить выполнение будущих соглашений, каковы бы они ни были, и сделает возобновление военных действий Германией невозможным».

Поэтому он пересылает всю переписку правительствам союзных держав, чтобы их военные советники выработали такие условия перемирия, которые «полностью обеспечат интересы каждого из народов-участников войны и обеспечат союзным правительствам неограниченную возможность реализовать мирный договор во всех его деталях. . .» Далее, Вильсон указывал, что он не очень доверяет сообщению о перемене правительства, о которой сообщает нота. Мир не может верить словам тех людей, которые до сих пор определяли политику Германии, и если Соединенным штатам придется вести переговоры:

> «с военными деятелями и монархическими властителями нынешней Германии или если есть основания предполагать, что и в будущем придется именно с ними вести переговоры в связи с международными обязательствами Германской империи, то правительство Соединенных штатов должно будет потребовать не мирных переговоров, а полной капитуляции».

В результате Вильсон не только сделал еще один последний кивок в сторону германского автократического строя, но и дал Германии своей нотой понять, что перемирие будет означать капиту-

ляцию центральных держав. Когда известие об этом ответе президента проникло в широкие слои германского народа, отовсюду послышались требования, чтобы кайзер отрекся от престола во имя облегчения участи своей страны. Даже видные военные деятели, как например, полковник фон Гефтен, настойчиво требовали, чтобы Вильгельм отрекся добровольно, прежде чем он будет вынужден к тому народом. Людендорф, с другой стороны, издал вызывающий приказ по армии, в котором требовал, чтобы армия отказалась принять вильсоновские условия. В ответ на это принц Макс попросил кайзера уволить Людендорфа в отставку. Это и было сделано 26 октября; на другой день Вильсону была послана еще одна германская нота, которая сообщала, что конституция изменена в соответствии с его требованиями и что военные власти теперь обязаны ей подчиняться. Ввиду этого германское правительство

> «ждет предложений о перемирии, которое должно быть первым шагом на пути к справедливому миру, намеченному самим президентом в его декларациях».

Теперь уже вступали в дело союзные правительства и их военные советники, которым Вильсон 23 октября передал первоначальную переписку по этому вопросу. Оставалось только несколько дней, для того чтобы каждое из союзных правительств могло определить свою позицию, сделать приготовления для конференции, которая обсудит положение.

2. УСЛОВИЯ ПЕРЕМИРИЯ

Английское правительство следило за всеми переменами в обстановке с величайшим вниманием. Правительство не желало продолжать кровавую борьбу ни один лишний час, после того как победа будет настолько обеспечена, чтобы немцы уже не могли, воспользовавшись короткой передышкой, поставить под удар торжество нашего дела. Если через несколько недель союзники окажутся в таком положении, то преждевременное перемирие было бы страшной ошибкой. С другой стороны, если бы германская армия оказалась еще способной удержать позиции за Рейном до наступления зимы и бездорожья, которое сделало бы невозможным наше дальнейшее продвижение, то мы оказались бы перед перспективой возобновления войны в 1919 г. Как только Германия будет изгнана из Франции и Бельгии, вряд ли удастся заставить общественное мнение Англии и Франции пойти на жертвы еще одной военной кампании только для того, чтобы понудить Германию отдать свои завоевания на Востоке.

Наши решения об условиях перемирия зависели, таким образом, от перспектив военной обстановки. Я пригласил главнокомандующего в Лондон, чтобы он просветил правительство на этот счет. 19 октября маршал Хейг присутствовал на заседании кабинета и сообщил нам свое мнение о военном положении и о перспективах

удовлетворительного с нашей точки зрения перемирия. Он подтвердил во всех деталях оценку сэра Генри Вильсона. Его заявление на заседании кабинета представляло особый интерес: оно показало, как мало значения придавали наши военные руководители тому факту, что Германия уже покинута своими союзниками. Они умели видеть только свой участок фронта; они не умели видеть тех фактов и обстоятельств, которые, хотя и лежали далеко за пределами этого участка, тем не менее непосредственно обусловили крушение германской способности к сопротивлению. Вот резюме заявлений сэра Дугласа Хейга.

«Если неприятель попросит перемирия, характер нашего ответа будет зависеть, главным образом, от нижеследующих ответов, которые могут быть даны на два вопроса:

1. Разбита ли уже Германия настолько, чтобы принять любые условия, продиктованные ей союзниками?

2. Смогут ли союзники продолжать свой нажим на неприятеля в течение наступающей зимы достаточно энергично, для того чтобы заставить его отступить к своим границам настолько поспешно, чтобы он не успел предварительно разрушить и привести в негодность железные дороги, шоссейные пути и т. д.?

Очень большая часть германской армии основательно разбита, но боевая мощь всей действующей армии Германии еще не сломлена окончательно. Эта армия состоит из большого числа дивизий; *общей дезорганизации* этих дивизий (которая неизбежно наступает после решающего поражения) мы еще не наблюдаем.

По моему мнению, германская армия в состоянии еще отступить в порядке к своим границам и удержать эту линию против равных или даже превосходных сил.

Длина этой линии около 235 миль, тогда как еще неделю назад германская армия держала фронт протяжением в 400 миль.

Положение союзных армий следующее:

Французская армия по всем признакам очень истощена. Рядовые солдаты считают, что война уже выиграна. Лилль, Рубэ, Туркуен и другие крупные промышленные центры отбиты у неприятеля. Донесения сообщают нам, что многие из солдат французской армии уже не желают больше рисковать своей жизнью. Несомненно, что в течение последних 6 недель французы ни разу не атаковали с полной силой неприятеля ни на правом, ни на левом фланге британских войск. Уже в июле именно британские и американские дивизии выдвинули французов к Марне. В ближайшем году французские армии будут, вероятно, состоять в значительной части из чернокожих.

Американская армия плохо организована, плохо снаряжена и плохо обучена, в ней мало военных специалистов и опытных офицеров. Эта армия очень пострадала из-за своего незна-

комства с условиями современной войны. *Пройдет не меньше года,* прежде чем она станет серьезной боевой силой.

Британская армия сражалась очень упорно. Это — закаленные части. Они очень надежны сами по себе, но численность пехоты уже сейчас на 50 тысяч штыков ниже основного контингента. Если мы сможем поддержать на основном уровне контингенты и дать им отдых в течение наступающей зимы, наша армия останется, как и сейчас, самой грозной боевой силой в мире. С другой стороны, если контингенты частей окажутся ниже полагающихся, можно ждать упадка боевого духа.

Если бы французские и американские армии были сейчас способны на серьезное наступление, то союзники могли бы окончательно разбить последние боеспособные неприятельские дивизии, прежде чем те успеют достигнуть линии реки Маас.

Но они уже на это не способны. Мы должны считаться с этим фактом, равно как и с тем, что британская армия недостаточно свежа и сильна, для того чтобы самостоятельно добиться решения.

Все это значит, что союзники не смогут помешать неприятелю произвести огромные разрушения на железных дорогах, шоссейных путях и т. д. в течение зимних месяцев и *во время отступления.*

Когда возобновятся активные операции, продвижение союзных войск будет вследствие этого чрезвычайно затруднено и замедлено.

В течение наступающей зимы неприятель также будет иметь несколько месяцев отдыха и сможет обучить призывников 1920 г., пока еще не участвовавших в военных действиях.

Мы приходим, таким образом, к заключению, что неприятель сможет удержать линию, которую он изберет для защиты, в течение некоторого времени после начала кампании 1919 г.» *

Это говорилось за две-три недели до полного краха германской армии; все союзники Германии к этому времени уже отказались от борьбы. Военный прогноз Хейга был, таким образом, по меньшей мере слишком осторожен... Он убеждал нас, что лучше всего предложить такие условия перемирия, которые потребуют от Германии только отступления к ее собственным границам, эвакуации Бельгии, Франции и Эльзас-Лотарингии и возвращения реквизированного бельгийского подвижного состава и высланных бельгийских граждан. Если же Германия отклонит удовлетворяющий нас мир, мы сможем начать войну в 1919 г. на территории неприятеля...

Г-н Бонар Лоу указал, что такие условия перемирия означали бы полное наше поражение и что, если военное положение таково,

* Его оценка жертв французской армии крайне несправедлива, если учесть что за время с июля по ноябрь 1918 г. французы потеряли в общей сложности 531 тысячу человек, тогда как англичане потеряли 411 тысяч. Надо учесть, кроме того, что Франция потеряла уже 2 157 тысяч ранеными и убитыми до этого момента. — *Лл. Дж.*

каким обрисовал нам его Хейг, ничто не заставит Германию принять даже такие условия.

На это фельдмаршал отвечал:

> «Неприятель может считать, что союзники сильнее, чем они есть на самом деле».

Мы перешли затем к обсуждению возможных военно-морских условий перемирия, а также к вопросу о германской боеспособности в данный момент.

Я указал, что это и есть решающий вопрос на данной стадии. Все чувствовали, что военные действия, после того как уже прозвучит однажды приказ «прекратить огонь», вряд ли возобновятся когда-либо. Поэтому мы должны были полностью обеспечить выполнение наших мирных условий. Милнер предложил оккупировать западную часть рейнской области, а Вильсон — Саарский бассейн. Я заметил в ответ на это, что, по свидетельству фельдмаршала Хейга, немцы не настолько еще разбиты, чтобы согласиться на такие условия; поэтому продолжение блокады будет самой верной гарантией в наших руках.

Мы обсудили военные условия перемирия, выдвинутые маршалом Фошем, и военно-морские условия, разработанные нашим адмиралтейством. Эти условия предвосхищали в основных чертах заключенное впоследствии перемирие. Я указал, что эти условия означают унизительную капитуляцию Германии. Я спросил затем Хейга, каково будет настроение в нашей армии, если мы будем настаивать на этих условиях, а неприятель откажется их принять. Хейг признал, что настроение будет плохим. Г-н Бонар Лоу выразил сомнение в том, согласится ли Америка на продолжение нами блокады, если немцы сдадут свои подводные лодки.

В общем, указания, данные нам на этом заседании военным командованием, не создали у нас надежд на немедленное окончание войны. Все наши планы и приготовления на той стадии поэтому основывались на твердом убеждении наших военных советников, что война кончится отнюдь не ранее 1919 г. Мы были недостаточно информированы о внутреннем положении Германии и мы недооценивали эффекта, произведенного балканскими победами и победами над турками на общее военное положение. Наши военные советники придавали очень мало значения событиям на Востоке, которые германский штаб считал для себя решающими. Если Хейг и Вильсон 19 октября правильно разбирались в военной ситуации, то это означало, что мы не могли еще тогда заключить перемирие, которое давало бы нам удовлетворительные гарантии выполнения наших основных условий мира; мы не могли быть уверенными в том, что не найдем неприятеля к моменту истечения перемирия более сильным и упорным, чем в момент прекращения военных действий.

События уже успели получить некоторое развитие, когда кабинет снова собрался для обсуждения военного положения утром 24 октября. За это время германская нота от 20 октября была послана президенту Вильсону, и он, как я уже указывал, 23-го послал

свой ответ. Мы уже имели перед собой текст последней ноты, посланной Вильсоном Германии, хотя официальное сообщение об этом еще не было получено.

Я заявил, что приветствую содержание предложений президента Вильсона и что мне нравится самая редакция ответа. Если Германия в самом деле хочет мира, она примет эти условия, а принятие этих условий будет означать военную капитуляцию Германии. Я радовался, что дипломатическая склока миновала и что президент теперь уже понял, что условия перемирия должны быть таковы, чтобы возобновление военных действий с немцами стало невозможным.

Кабинет целиком присоединился к моему мнению. Г-н Бонар Лоу выразил свое удовлетворение тем, что президент Вильсон нашел в себе достаточно твердости, чтобы настаивать на таких условиях, которые практически означают безоговорочную капитуляцию Германии. Некоторые члены кабинета проявляли нетерпение по поводу того, что Вильсон упорно пытается вмешаться во внутренние дела Германии. Эти члены кабинета считали, что демократическое правительство также не может служить гарантией против войны, хотя оно, конечно, ослабит тенденцию к военным интригам и авантюрам. Мы отложили дальнейшее обсуждение до того, как будет получено официальное сообщение президента, адресованное всем союзным правительствам. Мы уже проделали значительную часть предварительной работы, обсудив с разных сторон вопросы перемирия. Условия, выработанные Фошем, ограничивались сухопутными делами. 20 октября г. Бальфур представил меморандум, в котором были разработаны дальнейшие пункты перемирия: сдача германского флота, оккупация нескольких областей Германии, — помимо тех, которые должны были быть возвращены, как Эльзас-Лотарингия, — в обеспечение платежей по репарациям и будущих соглашений о восточной границе. 22 октября лорд Фишер представил характерный меморандум, который состоял из пяти пунктов, касавшихся военно-морских вопросов. Он просил нас обсудить следующие пункты:

«1. Германский морской флот должен быть сдан союзникам в полной сохранности.
2. Все германские подводные лодки — тоже.
3. Остров Гельголанд — тоже.
4. Острова Сильт и Боркум, примыкающие к Гельголанду, — тоже.
5. Не оставить во всем мире ни одного германского иезуитского монастыря: такой монастырь обязательно окажется базой германских подводных лодок».

Министерство торгового мореплавания, министерство авиации и военное министерство также представили свои меморандумы, излагавшие те или иные пункты, включение которых в условия перемирия они считали желательным.

С другой стороны, перед нами лежали две записки генерала Смутса от 23 и 24 октября, в которых он без долгих размышлений и колебаний принимал хейговскую оценку военного положения. Мы

уже видели в предыдущих главах, как сильно этот во многих отношениях весьма проницательный человек подпал под влияние генерального штаба. В соответствии с тем отчетом о военном положении, который был дан правительству Хейгом 19 октября (я говорил о нем выше), Смутс считал, что было бы нелепо ждать от Германии полной капитуляции: Германия не подпишет такого перемирия, которое фактически будет означать капитуляцию. В своем меморандуме от 23 октября он заявлял:

> «В результате этих дискуссий о перемирии мы имеем несколько проектов, которые все в сущности требуют от Германии безусловной капитуляции, а это еще никак не оправдывается нынешним соотношением сил на фронтах...
>
> Обсуждение военными руководителями условий перемирия на этих основах не может поэтому не оказаться преждевременным...»

Поэтому Смутс настаивал на том, чтобы вместо перемирия мы заключили мир, а для этого выдвинули умеренные мирные условия на основе 14 пунктов президента Вильсона и убедили Германию принять эти условия, пока военные действия еще продолжаются; в противном случае нам, по его мнению, придется вести войну и в 1919 г. Во втором своем меморандуме на другой же день он продолжает в том же духе и напоминает нам об

> «очень трезвой оценке положения, которую дал кабинету 19 октября сэр Дуглас Хейг. Эта оценка не дает оснований для неумеренных надежд на чисто военное преодоление неприятеля на западном фронте в ближайшем будущем».

В этом же втором меморандуме он предостерегал от попыток окончательно разбить Германию, потому что это означало бы затянуть войну еще на один год. Он говорил о неизбежном уже сейчас разложении в Центральной Европе. В его предостерегающих словах по этому поводу чувствуются незаурядная проницательность и дальновидность:

> «Есть серьезная опасность, что плохая, но более или менее упорядоченная довоенная европейская политическая система сменится диким хаосом, беспорядочной войной осколков бывших государств — тем, что мы видим сейчас в широком масштабе на примере России... Что будет, если Австрия, как это сейчас уже очень вероятно, распадется на куски и станет «Балканами» в более широком масштабе? После нарождения «независимой» Польши мы будем иметь целую цепь враждующих между собой фрагментарных государств по всей Европе, от Финляндии на севере до Турции на юге. Никакая Лига наций не сможет предотвратить в будущем дикую свистопляску этих так называемых свободных наций...»

В области экономики, но пока еще не в военной области, мы уже видели в послевоенной Европе ту дикую свистопляску новых дер-

жав, о которой говорил нам тогда Смутс; но нельзя сказать, что малые государства, которые получили свою свободу по Версальскому договору, виновны в этом больше других. Самые серьезные беспорядки возникли на почве соперничества, недоверия и стычек между более крупными державами Европы и Азии.

Итак, Смутс хотел, чтобы мы заключили возможно более выгодный для нас мир, не требуя от Германии капитуляции.

> «Народ очень упорно кричит о справедливости, но при этом надо всегда иметь в виду два решающих соображения. Первое — бедствия, связанные с продолжением войны, очень скоро перекроют все блага, которые могут быть получены от более или менее полной победы и восстановления «справедливости». Второе — Британская империя не должна добиваться такой справедливости, за которую она должна будет заплатить своим будущим. . .»

Последнее замечание Смутса звучит несколько цинично, но Смутс, несомненно, имел в виду совет Екклезиаста:

> «не будь слишком справедлив. . . Зачем губить самого себя?»

Смутс был введен в заблуждение Хейгом и Вильсоном. Он не представлял себе, как мало способна уже Германия продолжать борьбу. Нет сомнения, это большое несчастье, что мы должны были предварительно поставить Германию на колени, для того чтобы добиться соглашения о мире с ней. Если бы Людендорф раньше отступил к своим укрепленным границам и удерживал эту линию против нас, было бы заключено мирное соглашение, которое не порождало бы такой горячки, какую порождает не свободно заключенный, а продиктованный противником мир. Это был противник, который даже в своем поражении тянулся еще своими когтями к чужим землям. Он эти земли захватил и разорил, а когда должен был выпустить их из своих рук, первым делом разгромил эти земли дотла. К несчастью для мира всего мира, неприятельские армии тогда, когда наступил конец войны, все еще стояли на французской и бельгийской земле. Мы должны были добиться полной капитуляции неприятеля, чтобы реализовать те цели, за которые мы боролись.

Пока мы обсуждали совместно с нашими военными советниками текст будущего соглашения о перемирии, последние союзники Германии уже валились в пропасть. Еще 14 октября Турция обратилась к президенту Вильсону с мирной нотой, которая была составлена по образцу германской и австрийской. Но поскольку Турция была уже на грани полного краха, мы намекнули президенту, что надо просто отослать турок за получением наших условий перемирия к любому командующему морскими или сухопутными союзными силами на турецких фронтах.

Перемирие с турками единственный раз всерьез поссорило меня с Клемансо. В то время главнокомандующим союзными морскими

силами в Средиземном море был француз, морские же силы союзников в Эгейском море находились под командой британского адмирала сэра С. А. Гоф-Колторпа. Когда в октябре уже можно было предвидеть недалекую победу над Турцией, мы на конференции 9 октября стали обсуждать вопрос, кто должен командовать союзными морскими силами, оперирующими в Константинополе. Мы, естественно, настаивали на том, чтобы командующим был англичанин, потому что союзный флот в Эгейском море был на 75% английским и, кроме того, наша страна провела фактически своими силами все военные операции против Турции и в Галлиполи, и в Египте, и в Палестине, и в Месопотамии. Клемансо, однако, требовал, чтобы назначен был французский адмирал, и французский представитель в Версале упорно стоял на этом. В результате я написал 15 октября решительное письмо Клемансо, в котором просил его не откладывать этого дела и согласиться с нашим предложением. В этом письме я указывал:

«Мы вынесли на своих плечах главную тяжесть борьбы против Турции в Дарданеллах и в Галлиполи, в Египте, в Месопотамии и в Палестине. Британское правительство согласилось на то, чтобы главнокомандующим союзными армиями во Франции был французский генерал; мы согласились, чтобы главнокомандующим союзными армиями в Балканах был французский генерал. Я не вижу возможности оправдать перед лицом народа Британской империи тот факт, что в момент, когда идет последнее состязание с Турцией, командование морскими силами, в своем подавляющем большинстве английскими, па театрах войны, которые связаны с воспоминаниями о самых героических и отчаянных подвигах войск, прибывших со всех концов Британской империи, будет также передано французскому адмиралу».

Клемансо ответил мне на это письмо 21 октября. Он утверждал, что если мы взяли на себя львиную долю участия в борьбе с турками, то мы в такой же мере принуждены были ограничить нашу помощь Франции в общем деле. Клемансо заявлял, далее, что самые крупные интересы в Турции имеет Франция, поскольку она главный кредитор Турции, и большинство банков и предприятий в Константинополе принадлежит французам. Он-де в свое время согласился, чтобы генерал Милн командовал операциями против турок на Балканах; но он не может согласиться, чтобы руководство морскими операциями также было поручено британцу.

Я послал ему резкое ответное письмо 25 октября. Я ответил ему на все его аргументы, пункт за пунктом, а в заключение писал:

«Британское правительство согласилось, чтобы главнокомандующим на западном фронте был француз, оно согласилось также, чтобы главнокомандующим на Балканах был француз; оно согласилось, чтобы главнокомандующим в Средиземном море был француз. Вряд ли Вы будете утверждать, что един-

ство командования требует, чтобы одна нация из числа всех союзников имела в своих руках не только верховное, но и подчиненное командование всюду, где союзные силы выступают совместно. Но если так, я отказываюсь понимать, почему Вы хотите лишить британцев командования на море, которое они осуществляли начиная с 1915 г. Это делается только для того, чтобы во главе экспедиции, которая по личному составу и по материальному снабжению на $^3/_4$ британского происхождения, был поставлен французский адмирал. Я уверяю Вас, что Ваше упорство в этом вопросе ставит под удар применение чрезвычайно важного принципа единства командования во всех областях военных действий. Общественное мнение Англии никогда не потерпит, чтобы британцы должны были уйти от морского командования на том театре войны, на котором британские войска в течение всей войны несли тяжкие жертвы, на котором погибло столько сынов не только одной Великобритании, но и Австралии, Новой Зеландии и Индии. Я поэтому серьезно надеюсь, что Вы найдете путь к соглашению, по которому командование на Эгейском море и наступление на Константинополь с моря останутся в руках британского адмирала, который будет вести операции под общим руководством главнокомандующего союзными силами в Средиземном море».

Совершенно несомненно, что французы в ту пору очень ревниво относились к тому положению, которое мы заняли в Египте, Палестине и Месопотамии, и поэтому очень хотели сохранить в своих руках все предстоявшие переговоры на Балканах и с Турцией. С другой стороны, турки предпочитали иметь дело именно с нами. Так или иначе, турки пресекли мой спор с Клемансо, обратившись непосредственно к адмиралу Колторпу в Мудросе с просьбой о перемирии. 20 октября генерал Таунсенд, который находился в турецком плену со времени падения Кут Эль-Амарны, 29 апреля 1916 г. прибыл в Мудрос в качестве эмиссара от Исмета паши просить о мире. Колторп передал нам об этом по телеграфу и сообщил также, что турки желают иметь дело именно с нами, а не с французами и что

«если флот под французским командованием пойдет в Константинополь, это произведет самое печальное впечатление в Турции, и трудно себе представить что-нибудь более тяжелое для греческого населения Турции. Генерал Таунсенд полагает, что турки желают послать своих полномочных представителей для переговоров о мире с представителями Великобритании. Турки, по мнению Таунсенда, позволят англичанам взять в свои руки дарданельские форты, если мы обещаем им поддержку против немцев в Турции и на Черном море».

Мы просили Колторпа сообщить турецкому правительству, что мы уполномочили его заключить перемирие. 26 октября три делегата Турции прибыли в Митилену и оттуда были доставлены в Муд-

рос. Основные положения перемирия с Турцией были уже, как мы видели, разработаны ранее на межсоюзной конференции 7—9 октября.

Французы, как только узнали об этом, послали адмирала Амета для участия в переговорах совместно с Колторпом. Но Колторп решительно отказался вести это дело сообща с ним. Переговоры оказались долгими и трудными. Турки особенно возражали против 1-го пункта предполагаемых условий, по которому союзники должны были оккупировать дарданельские и босфорские форты. Они заявляли, что предпочтут разоружить эти форты, но ни в коем случае не согласятся, чтобы их оккупировали греки; так же решительно возражали они и против итальянской оккупации. По нашим инструкциям Колторп обещал, что только британские и французские войска примут участие в этой оккупации, и 29 октября на рассвете Колторп телеграфировал нам, что, если Константинополь примет 1-й пункт, перемирие будет заключено. Оно было подписано 30 октября и Турция вышла из войны.

В этот день я присутствовал на межсоюзной конференции в Париже и сообщил собравшимся, что перемирие будет подписано еще сегодня до наступления вечера. Клемансо и его министр иностранных дел Пишон сейчас же подняли вопрос о поведении Колторпа, который отстранил адмирала Амета от участия в переговорах. Возник довольно горячий спор. Французы ссылались на то, что верховное командование союзными силами находится в их руках, а я ссылался на то, что местное командование в Эгейском море, а также все операции против Турции находятся в английских руках. Много было взаимных упреков. Из официальных протоколов я вижу, что в ходе обсуждения я сделал такое замечание:

> «За исключением Великобритании, никто из союзников не дал для палестинской экспедиции больше, чем горсть чернокожих войск. Я, право, удивлен таким недостатком великодушия со стороны французского правительства. Англичане имеют сейчас на турецкой территории около 500 тысяч солдат. Англичане разбили три или четыре турецких армии и потеряли сотни тысяч человек в войне с Турцией. Другие правительства послали только нескольких черных полисменов, которые должны были присматривать за нами, чтобы мы как-нибудь не стащили гроба господня. Когда же дело дошло до подписания перемирия, какой они поднимают шум. . .»

Меня поддержал Бальфур. Он заявил, что если французы будут на этом настаивать, мы передадим вопрос на общее обсуждение в Версаль: надо будет установить раз и навсегда, должно ли каждое перемирие быть подписано представителями всех союзников. Перемирие с Болгарией было проведено Франше д'Эспере единолично; Милн в переговорах не участвовал, хотя болгарские мирные предложения были адресованы британскому правительству. В конце концов, посовещавшись с Пишоном, Клемансо заявил, что, так как перемирие уже, вероятно, подписано, они согласны принять это как *совершившийся факт*. Так был исчерпан инцидент.

Пока велись переговоры с Турцией, уже и другой из наших противников — Австро-Венгрия — также добивался перемирия. Итальянское наступление на Витторио-Венето началось 24 октября, а 29-го австрийский офицер с белым флагом подошел к итальянским линиям. Он просил о перемирии. Офицер этот, однако, представлял только местного австрийского командующего, а не главнокомандующего, поэтому итальянцы отослали его обратно; на другой день к расположению итальянцев явилась с тем же предложением аккредитованная должным образом австрийская миссия.

Президент Вильсон на австрийскую ноту от 4 октября ответил 18 октября заявлением, что его 14 пунктов в их первоначальной форме уже не могут относиться к Австрии, потому что президент за это время признал независимость чехословаков и югославян. Австрия 27 октября ответила, что она принимает и это условие; Австрия просила, далее, не отсылать ее к военным властям по вопросу об условиях перемирия, потому что необходимость заставляет ее заключить соглашение немедленно. 1 ноября папа римский обратился к нам со специальным призывом пощадить гибнущую империю. Это обращение гласило:

> «Святой отец в искреннем стремлении увидеть возможно скорее конец войны, которая слишком долго разоряла Европу, просит правительство его британского величества благожелательно и незамедлительно рассмотреть просьбу Австро-Венгрии о сепаратном мире. После того как последовало предложение такого рода, прекращение кровавой борьбы повелительно диктуется всеми соображениями гуманности.
>
> Римский первосвященник с болью видит страдания бедных военнопленных, особенно сейчас, перед наступлением суровой зимы. Он надеется, что при содействии правительства его величества обе стороны дадут этим несчастным возможность вернуться к своим семьям».

Когда мы получили эту ноту, переговоры о перемирии велись уже полным ходом, и межсоюзная конференция в Париже сменилась заседанием верховного военного совета в Версале, на котором основные условия были утверждены. Эти условия были суровы. Сам Клемансо по поводу военно-морских условий заметил, что мы «оставили императору только брюки и больше ничего!» Но Австрия была не в таком положении, чтобы торговаться об условиях. 3 ноября перемирие было подписано, и военные действия прекратились на следующий день.

Когда решалась судьба перемирия с Австрией, премьер-министры союзных государств (Клемансо, Орландо и я) заседали на квартире полковника Хауза в Париже. Мы обсуждали условия мира, которые должны быть продиктованы Германии. Мы решили отложить обсуждение этого вопроса до следующего утра, так как были уверены, что к этому времени уже будут какие-нибудь определенные новости о ходе переговоров с Австрией. Я уже сложил свои бумаги и выходил в сад, когда сэр Морис Ханки нагнал меня и сообщил, что

только что получена телеграмма о том, что Австрия приняла все требования союзников. Я вернулся и нашел Клемансо, Орландо, Соннино и Хауза в состоянии крайнего возбуждения. Орландо заливался слезами; Соннино сиял; даже железный француз казался очень взволнованным.

Сейчас, когда я вспоминаю ситуацию, какой она нам представлялась в то время, любопытно отметить, что 29 октября барон Соннино был очень встревожен, как бы мы не договорились с Германией раньше, чем договоримся с Австрией. Он страшно боялся, что в этом случае германская армия наденет австрийские мундиры и обрушится на Италию! Так плохо он представлял себе тогда состояние Австрии, которая была истощена до предела, гораздо больше, чем Германия; так мало знал он о том, насколько омерзительными стали для Германии ее союзники, которые в 1918 г. уже наполовину предавали ее, тогда как Германия все еще делала отчаянные усиления, чтобы вернуть счастливые дни четверного согласия.

Выход из войны и Турции и Австро-Венгрии позволил нам заняться целиком вопросом об условиях мира с Германией. Условия перемирия, морского и сухопутного, были тщательно изучены и утверждены верховным военным советом. 4 ноября после полудня совет уже окончательно выработал текст о перемирии, которое должно было быть предложено противнику. Совет принял также решение о дальнейших военных мероприятиях по отношению к Германии на тот случай, если бы она отказалась подписать перемирие.

Эти мероприятия предусматривали установление союзной линии вдоль всей германо-австрийской границы, сосредоточение чешских и словацких частей в Богемии и Галиции, переброску салоникских войск под командованием Франше д'Эспере через Балканы и усиленную бомбардировку германских городов, для чего в Богемии должны были быть созданы аэродромы. Если бы обстоятельства заставили нас выполнить эту программу, мы без всякого сомнения вторглись бы в Германию с юга и оккупировали ее еще до конца года.

Совет принял, кроме того, текст ноты президенту Вильсону, в котором мы сообщали ему условия предполагаемого перемирия и просили известить германское правительство, что оно должно обратиться к маршалу Фошу для переговоров о прекращении военных действий. Нужно ли было добавить к этой ноте заявление, что мы не считаем себя обязанными основываться на 14 пунктах Вильсона при последующих переговорах о мире? По этому поводу возникла довольно оживленная и длительная дискуссия. Британское правительство, в частности, не могло согласиться с позицией президента Вильсона в вопросе о свободе морей во время войны; а когда мы возбудили этот вопрос, французы и итальянцы внесли еще и свои возражения по поводу других пунктов вильсоновской программы. У нас было несколько собеседований по этому поводу с полковником Хаузом, представителем Вильсона в Париже. Клемансо разработал меморандум, в котором подробно разбирал эти 14 пунктов. У Соннино был свой меморандум по вопросу об итальянских грани-

цах; мы только после больших усилий сумели убедить его, что этот вопрос не имеет прямого отношения к перемирию с Германией. В конце концов мы договорились о формулировке составленной мною ноты, которая должна была быть послана одновременно с нашим посланием президенту Вильсону. Эта нота гласила:

«Союзные правительства внимательно обсудили переписку между президентом Соединенных штатов и германским правительством. При условии оговорок, о которых речь идет ниже, они согласны заключить мир с германским правительством на началах, указанных в послании президента конгрессу 8 января 1918 г., и на основе тех принципов, которые были намечены в его последующих выступлениях. Они должны, однако, отметить, что статья 2-я, в которой речь идет о так называемой свободе морей, поддается различным толкованиям, из которых некоторые для них неприемлемы. Они поэтому оставляют за собой полную свободу принять то или иное решение по этому вопросу, когда он будет обсуждаться на мирной конференции.

Далее, в предполагаемых мирных условиях, изложенных в послании конгрессу от 8 января 1918 г., президент Вильсон заявил, что территории, подвергшиеся вражескому нашествию, должны быть восстановлены, а также эвакуированы и освобождены; союзные правительства полагают, что надо также дать им возможность существовать, как это, несомненно, имел в виду и президент. Но если так, то Германия, по их мнению, должна возместить весь ущерб, причиненный гражданскому населению союзных стран и его собственности германской агрессией на суше, на море и в воздухе».

Получив наше сообщение, президент Вильсон 5 ноября 1918 г. послал еще одну ноту Германии. В ней он ссылался на свою предыдущую ноту от 23-го и сообщал, что он уже выяснил точку зрения союзных правительств по вопросам, затронутым в переписке между ним и Германией. Он приводил текст нашего меморандума и заявлял, что он согласен с тем толкованием его взглядов, которые мы даем в заключительном параграфе меморандума. Он сообщал далее, что маршал Фош уполномочен правительствами Соединенных штатов и союзников принять аккредитованных представителей германского правительства и сообщить им условия перемирия.

Мы тогда уже были вполне уверены, что сможем в конце концов принудить Германию к сдаче. На той стадии мы еще не рассчитывали, что она примет без сопротивления те очень суровые условия, которые были выработаны в Версале. Я спросил как-то Фоша в Версале, считает ли он, что немцы подпишут это соглашение. Он сказал, что не думает этого, но во всяком случае он сможет одолеть их к рождеству.

Как бы то ни было, драма шла к финалу. Правительство Германии металось в полной растерянности. Флот, который должен был выйти в конце октября в море, взбунтовался и отказался воевать. Кайзер сбежал в Спа, он искал убежища в своей армии. Принц Макс

канцлер, заболел инфлуэнцой и слег; чрезмерная доза снотворного погрузила его в забытье на 36 решающих часов с 1 по 3 ноября. Когда он проснулся, оказалось, что последние союзники Германии — Турция и Австро-Венгрия — уже вышли из войны, а беспорядки, разжигаемые большевистскими агитаторами, вспыхнули во всей Германии. Нота президента Вильсона от 5 ноября не оставляла сомнений в том, что условия перемирия будут для Германии очень суровыми. Но ничего не оставалось делать, как просить об этом перемирии. Генерал Гренер, который взял на себя руководство армией после отставки Людендорфа, нашел армию в безнадежно хаотическом состоянии, между тем как уход союзников оставлял Германию на ее южной границе совершенно беззащитной. 6 ноября германское правительство направило к Фошу делегацию членов рейхстага во главе с Эрцбергером. Утром в пятницу 8 ноября они прибыли в железнодорожном вагоне в Компьенский лес, где маршал Фош, представитель союзных армий, и адмирал Уэмисс, представитель союзного флота, уже их ждали.

«Чего вы хотите, господа?» — спросил Фош.

«Мы хотим получить ваши предложения о перемирии».

«О, у нас нет никаких предложений о перемирии, — сказал Фош. — Нам очень нравится продолжать войну».

Германские делегаты посмотрели друг на друга.

«Но нам нужны ваши условия, — убеждали они. — Мы не можем продолжать борьбу».

«Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело».

Фош передал им условия перемирия, составленные верховным военным советом, и сказал делегатам, что они имеют в своем распоряжении 72 часа, до одиннадцати часов утра 11 ноября, чтобы их подписать. Делегаты ушли, чтобы познакомиться с этими условиями. Они были совершенно потрясены их суровостью. Условия фактически означали требование полной капитуляции Германии, и в такой форме, которая оставляла ее совершенно беззащитной, не давала возможности противиться мирным условиям, какими бы они ни оказались впоследствии. Делегаты не решились подписать эти условия и попросили разрешения послать кого-нибудь в Берлин, чтобы получить инструкции своего правительства. Это разрешение было им дано.

Вестник нашел свою страну в полной растерянности. Уже 31 октября Шейдеман указал принцу Максу, что немедленное добровольное отречение кайзера совершенно необходимо, чтобы спасти тыл от полного краха. Только затянувшийся сон принца Макса не позволил ему раньше сделать Вильгельму определенные предложения в этом смысле. В промежутке волнения и мятежи в стране чрезвычайно усилились. Теперь речь шла уже не о спасении монархии — теперь уже казалось сомнительным, сможет ли вновь созданное правительство спасти себя от большевистской революции. Начиная с 6 ноября принц Макс убеждал кайзера отречься. Утром 9-го он узнал, что революционные настроения охватили уже не только го-

родские массы, но и самую армию с такой силой, что нельзя уже было рассчитывать, что солдаты защитят императора или поддержат порядок в стране. Верховное военное командование посоветовало кайзеру отречься, и принц Макс, узнав, что кайзер уже дал свое согласие, выпустил декларацию об этом, прежде чем получил официальное подтверждение этого факта. Вильгельм сбежал в Голландию, и германский делегат, который привез с собой новости об условиях перемирия, нашел за линией фронта, на котором германские солдаты все еще дрались упорно и мужественно, бурлящую страну и новое социалистическое правительство Германской республики. Это правительство в полной растерянности заседало в пышных дворцах, где еще до вчерашнего дня император и короли и князья древних династий правили, как верховные наследственные самодержцы.

Пусть условия были очень суровы — возражать было некому. Руководители армии знали, что армия воевать больше не будет. Руководители армии не могли больше рассчитывать на то, что войска будут продолжать борьбу, которая, как это знал каждый солдат, была совершенно безнадежной. Говорят, что многие солдаты были развращены политической агитацией. Может быть это и так, но с этой политической агитацией можно было бы не считаться, если бы вся армия не была охвачена и подавлена чувством разочарования и горечи, граничившими с отчаянием. И не было большого вождя, гражданского ли, военного ли, сильного и властного, который своим личным обаянием смог бы объединить страну вокруг себя. Из кайзера, Гинденбурга и Людендорфа вместе взятых не вышел бы один Фридрих Великий, который сумел бы мобилизовать все ресурсы страны и своим магнетическим влиянием заставить истощенную, подавленную нацию успешно бороться против превосходящих сил врага. Ни принц Макс ни Шейдеман не обладали драматической и ораторской мощью какого-нибудь Гамбетты, чтобы суметь поднять побежденный народ на отчаянное сопротивление победителю. Гражданские власти не могли больше рассчитывать на повиновение гражданского населения. В Компьенский лес была послана телеграмма, которая уполномочила Эрцбергера и его коллег подписать перемирие. Они это сделали 11 ноября в 5 часов утра, а в 11 часов утра артиллерийская канонада прекратилась по всей линии фронта от голландских болот до горных уступов Швейцарии. После четырех с четвертью лет великая война была окончена.

Мы с большими надеждами следили за ходом переговоров, которые велись в Компьене в следующие два дня. Некоторые из пунктов предполагаемого перемирия вызвали сильные протесты и возражения германских делегатов, и, поощряя их уступчивость, мы внесли несколько поправок. Но даже и в таком виде это были очень далеко идущие условия. Они включали не только эвакуацию занятых неприятелем территорий Бельгии, Люксембурга и Франции и Эльзас-Лотарингии, но и всей германской территории к западу от Рейна и десятикилометровой полосы на восточном берегу, предмостных укреплений радиусом в 30 километров, к востоку от Майнца,

Кобленца и Кельна; репатриацию всех заложников и возвращение военнопленных; сдачу больших количеств военных материалов и транспортных средств, уход со всех территорий в восточной Европе за пределами германской границы 1914 г. и отказ от Брест-литовского и Бухарестского договоров; возмещение всех наличных денег и всех ценностей, захваченных в Бельгии; возвращение всего золота, взятого в России и Румынии в качестве контрибуции или под каким-либо другим предлогом; передачу всех подводных лодок и большей части флота и разоружение всего остального флота. Если бы в результате мятежей во флоте германское правительство оказалось неспособным своевременно выполнить все военно-морские статьи перемирия, мы сохраняли за собою право в виде обеспечения оккупировать Гельголанд.

В депеше, которую Клемансо послал мне вечером 9 ноября, он дал очень характерный для него, выразительный и безжалостный отчет о происходивших тогда переговорах. Клемансо только что виделся с Фошем, который рассказал ему, как идет дело. Немцы, говорил он,

> «не сделали никаких замечаний по вопросу о мостах на Рейне и флоте. Они очень упирали на тот факт, что Германия находится на грани большевизма и что, если мы не поможем им восстановить порядок, мы сами впоследствии испытаем на себе это бедствие. Они просили разрешить им не так скоро покинуть левый берег Рейна, потому что им нужно создать армию для борьбы с большевизмом и для восстановления порядка. Фош ответил, что им будет разрешено сформировать такую армию на правом берегу. Они, далее, указывали, что мы забираем у них слишком много пулеметов и им не из чего будет стрелять в своих соотечественников. Фош ответил, что они все же имеют в своем распоряжении винтовки. Они интересовались, как мы предполагаем вести себя на левом берегу Рейна. Фош ответил, что он еще этого не знает и что во всяком случае это не их дело. Они, наконец, просили дать им продовольствие и сообщили, что они уже почти голодают. Фош ответил, что в таком случае было бы вполне достаточно, если бы они передали нам в «общий котел» свой флот, и тогда они смогут получить продовольствие. После этого они попросили, чтобы им дали право свободного передвижения для германских судов. Они жаловались, что мы конфискуем слишком много паровозов, так как в настоящий момент их собственные паровозы рассеяны по разным странам. Фош ответил, что мы только получаем обратно то, что они у нас забрали. Они казались подавленными. Время от времени у Винтерфельдта вырывались рыдания. В таких условиях подписание перемирия кажется мне вполне обеспеченным. . .»

10 ноября в 6 часов 30 минут вечера германская главная квартира послала своим делегатам у Фоша следующее сообщение:

«Германское правительство передает германской главной квартире следующий документ. Государственному секретарю Эрцбергеру. Ваше превосходительство уполномочены подписать перемирие. Одновременно благоволите сделать следующее формальное заявление:

«Германское правительство обязуется выполнить все изложенные в соглашении условия. Одновременно нижеподписавшиеся считают себя обязанными указать, что выполнение некоторых пунктов этого соглашения заставит голодать те части Германии, которые не будут оккупированы. Обязательство оставить все запасы продовольствия, которые предназначались для войск, в районах, подлежащих эвакуации, ограничение средств сообщения и сохранение в то же время блокады (которая равносильна запрещению доставки продовольствия) делают наши попытки решить продовольственный вопрос и как-нибудь организовать питание населения совершенно бесцельными. Нижеподписавшиеся просят поэтому обсудить эти пункты и изменить их таким образом, чтобы можно было обеспечить нормальное питание населения».

Через 10 минут из Берлина в подтверждение прибыла новая телеграмма. Она гласила:

«Германское правительство — германским уполномоченным в союзных армиях. Германское правительство принимает условия перемирия, предложенные ему 8 ноября.

Подписано: имперский канцлер».

Клемансо переслал мне текст обоих сообщений с запиской такого содержания:

«Я лично думаю, что мы должны принять это заявление, сделав специальную оговорку по вопросу о снабжении продовольствием. От обсуждения этого вопроса мы, в конце концов, не можем отказаться. В самом деле, факт тот, что выполнение пункта перемирия о флоте сейчас действительно не может иметь места. Сообщите мне Ваше мнение по этому вопросу. Нет ли у Вас еще каких-нибудь соображений, которые вы желали бы предложить?

Мы ничего не будем опубликовывать, прежде чем маршал Фош не сообщит нам о подписании перемирия.

Клемансо».

Еще одна ночь прошла в дискуссиях по различным пунктам и вопросам, связанным с условиями перемирия. 11 ноября в пять часов утра германские делегаты подписали перемирие. Одновременно они сделали декларацию согласно инструкции, полученной ими из Спа, в которой предупреждали союзников, что выполнение этих условий ввергнет германский народ в анархию и заставит его голо-

дать; между тем, Германия надеялась, что условия перемирия, обеспечивая полностью военное положение союзников, прекратят страдание не принимавших непосредственного участия в войне женщин и детей. Декларация заканчивалась словами:

> «Германский народ, который выдержал 50 месяцев борьбы с целым миром врагов, сохранит, несмотря ни на какие внешние силы, свою свободу и единство.
>
> Семидесятимиллионный народ будет страдать, но он не умрет!»

В 6 часов 50 минут мы получили радиограмму из Парижа, которая гласила:

> «1. Военные действия должны быть прекращены на всем фронте одиннадцатого ноября в 11 часов по французскому времени.
>
> 2. Союзные войска не должны впредь до нового приказа переходить линию, которую они занимали в этот день и в этот час.
>
> Маршал Фош».

Вслед за этим прибыла другая радиограмма, посланная германскими делегатами в свою главную квартиру. Эта радиограмма сообщала, что делегаты подписали перемирие, условия которого несколько изменены; в частности, Германия получает еще 6 дней для эвакуации левого берега Рейна.

Рано утром в тот же день я получил от Клемансо депешу такого содержания:

> «Конференция уполномоченных, заседавшая всю ночь, закончила свою работу в 5 часов утра.
>
> В пять часов подписано перемирие. Перестрелка прекратится на всем фронте сегодня в одиннадцать часов утра...
>
> Я еще не знаю подробностей переговоров с германскими уполномоченными; как только получу информацию, немедленно Вам сообщу.
>
> Думаю, что надо назначить возможно скорее заседание союзных правительств для обсуждения прелиминарных условий мира, независимо, конечно, от наших переговоров с Германией.
>
> Клемансо».

Вторая депеша гласила:

> «Сегодня в 4 часа дня я оглашу в палате условия перемирия, извещение же о подписании перемирия будет опубликовано сегодня же в 11 часов утра.
>
> Клемансо».

Днем, в 12 часов 30 минут, мы получили телефонограмму из Версаля о самой важной поправке, которая была внесена в текст перемирия в последнюю минуту. В телефонограмме было сказано:

> «1. Перемирие продлено с 30 до 36 дней.
>
> 2. В течение пяти дней союзные армии не должны делать никаких передвижений.
>
> 3. Делегаты будут стараться выполнить условия перемирия, но беспорядок и смута за германскими линиями так велики, что германская армия не может сделать шага ни назад ни вперед. Союзники постараются, насколько это возможно, помочь продовольствием.
>
> 4. Срок отвода войск за Рейн, который был установлен в 25 дней, продлен до 31 дня».

В тот же день в палате общин, сейчас же после молитвы, я встал и сделал сообщение о подписании перемирия, текст которого я затем прочел. Я сказал в заключение:

> «Таковы условия перемирия. Сегодня в одиннадцать часов утра закончилась самая жестокая и самая страшная война, какая когда-либо обрушивалась на человечество. Я надеюсь, что мы можем также сказать: сегодня, в это историческое утро, закончились все войны.
>
> Сейчас не время для слов. Наши сердца слишком переполнены благодарностью, которую не может изъяснить никакой язык. Я поэтому вношу на обсуждение палаты резолюцию: «Палата постановила отложить заседание до одиннадцати утра и проследовать в полном составе, как палата общин, в церковь святой Маргариты, дабы воздать всевышнему смиренную и почтительную благодарность за избавление мира от великой опасности!»

Короткую речь в полном согласии со мной сказал г. Асквит. Он отметил с удовлетворением, что зачитанные условия говорят не только об окончании этой войны, но и о том, что она никогда не может быть возобновлена. После этого предложенная мною резолюция была принята, и в официальном протоколе было записано:

> «После заседания председательствующий и члены палаты проследовали в церковь святой Маргариты в Вестминстере и вместе с палатой лордов присутствовали на благодарственном молебствии всемогущему богу по случаю заключения перемирия, подписанного в этот день».

Нации вернулись с войны истощенные физически и экономически, но еще более израненные душевно. Некоторые из этих ран оказались впоследствии очень заразительными; их выделения до сих пор нарушают здоровье всего мира.

Я не собираюсь здесь говорить о тех задачах, которые еще стояли перед нами при заключении мира, охватывающего этнические, территориальные и экономические интересы всех стран земного шара.

Это потребует еще одного тома мемуаров, посвященного нашим спорам в Версале; я напишу об этом когда-нибудь, если позволят здоровье и обстоятельства. По тем же причинам я не приводил подробностей о различных дискуссиях и о предварительных работах по оформлению будущего мира, которые происходили еще во время войны. Я не говорю, в частности, о разработке проектов Лиги наций, которая была единственной нашей надеждой предупредить еще более страшные войны в будущем. Это также принадлежит к истории заключения мира.

Если в годы, истекшие после ноября 1918 г., этот мир оказался жалкой наградой за весь пот и всю кровь, пролитую в этой войне, виноваты в этом не те герои, которые дрались и страдали в течение долгих лет войны. Может быть, мы и сейчас не можем оценить, что́ они завоевали. История человечества вырабатывает новые формы в течение веков и тысячелетий. Полное значение титанической борьбы противоречивых идеалов, которая происходила между 1914 и 1918 гг. на всех океанах и континентах мира, не может быть измерено еще неясными итогами каких-нибудь двух десятилетий.

Как бы то ни было, когда в победивших странах раздались знакомые звуки сирены, которые до сих пор бывали сигналом воздушного налета, очень немногие поняли, что теперь, утром 11 ноября, эти сигналы несут с собой желанную весть об окончании ужасной войны, охватившей четыре континента. Она убила десять миллионов человек, цвет молодежи всего мира; она искалечила и изуродовала еще много миллионов. Она целиком разрушила много исторических городов и разорила много богатых провинций. Она нанесла большие потрясения сложному механизму международных торговых отношений. Она оставила после себя такие разрушения, что целое поколение должно будет работать, чтобы привести все в порядок и восстановить нормальную жизнь. Она отравила мозг человечества подозрением, завистью, недоверием и страхом, которые еще на долгие годы будут постоянной угрозой для здорового чувства благоволения к ближнему, которое является единственной прочной гарантией мира на земле.

Глава восемьдесят шестая

НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ О ВОЙНЕ

Об этой войне обычно задают три вопроса. Первый: можно ли было ее предотвратить? Второй: можно ли было закончить ее раньше путем переговоров? Третий: можно ли было добиться победы раньше при условии лучшего руководства войной с той или другой стороны?

На первый вопрос я отвечаю утвердительно; на второй — отрицательно и на третий — утвердительно. В процессе моего изложения я уже указывал, как я пришел к этим выводам и какие я вижу для них основания.

Возьмем первый вопрос. Ни один монарх и ни один руководящий государственный деятель ни в одной из воевавших стран не искал и не желал войны — не желал, во всяком случае, европейской войны. Берхтольд, австрийский министр иностранных дел, хотел только карательной экспедиции против Сербии. Если бы он знал, что она вовлечет его страну в войну с Россией, Италией и Румынией, которые будут поддержаны Великобританией, Францией, а впоследствии и Америкой, он изменил бы редакцию ультиматума или принял бы ответ Сербии, который был достаточно униженным, чтобы удовлетворить даже австрийскую гордость. Но Берхтольд был убежден, что Россия не пойдет на войну с Германией. В свое время царь уступил в более серьезном вопросе об аннексии Боснии, и уступил без выстрела. Его армия была сейчас не намного лучше подготовлена к войне, чем тогда. С другой стороны, Германия с тех пор значительно усилила свою военную мощь. Итак, когда кайзер дал слово, что он поддержит требования Австрии, Берхтольд не сомневался, что Россия пойдет на уступки, а если Сербия будет упрямиться, война с ней, конечно, не составит больших трудностей.

А как Германия? Перечитав внимательно все документы обеих сторон, я пришел к убеждению, что кайзер не представлял себе даже в отдаленной степени, что он бросается или что его втягивают в европейскую войну. Первый блеф в отношении России по балканскому вопросу дал ему блестящий успех и очень повысил его престиж как военного диктатора Европы. Он нисколько не сомневался, что сейчас он будет иметь такой же успех в результате одной только угрозы войны — и тем самым еще больше укрепит свое ди-

*

пломатическое господство на континенте. Пообещав Австрии свою поддержку, он предоставил ей самой устрашение Сербии. Сербия осмелилась убить будущего императора, она заслуживала наказания. Остальное — детали наказания — было уже слишком мелким для него делом; и поэтому кайзер уехал в морскую прогулку, так что даже срочные телеграммы не могли быть ему доставлены. Он и не подумал о тех приготовлениях, которые необходимо было бы сделать, для того чтобы провести Германию через большую войну. Он предвидел не разорительную войну, а дешевый дипломатический триумф. Когда был получен ответ Сербии, он нашел его удовлетворительным и считал, что Австрия должна его принять. Его канцлер не хотел войны. Его министр иностранных дел отправился в свадебное путешествие. Начальник штаба фон Мольтке проходил курс лечения на одном из германских курортов. Германское общество не ждало войны — не ждало, пока не увидело, что молодежь уже марширует по направлению к границам. Если бы кайзеру во-время объяснили, что Великобритания пойдет войной на Германию в случае германского нашествия на Бельгию, кайзер и его советники задержались бы хоть немного, чтобы посовещаться, раньше чем отрезать себе путь к отступлению. Германия не подготовила еще достаточных запасов продовольствия и сырья, чтобы выдержать блокаду британского флота. А задержка на несколько недель привела бы европейские нации к самому порогу зимы, когда марш гигантских армий был бы очень затруднен на западе и стал бы совсем невозможным на востоке. Однако мобилизация в Австрии, России, Франции, Германии началась, и война между этими державами была уже фактически объявлена, до того как Англия вручила свой ультиматум о Бельгии. Теперь уже поздно было отзывать легионы, которые ринулись к месту схватки.

Франция уклонялась от войны. Ничто не было более чуждо Англии и ее правительству в конце июля 1914 г., как мысль о континентальной войне. Никто из руководящих деятелей не относился сколько-нибудь серьезно к переговорам. Совершенно невероятно, чтобы такой грозный вопрос решался таким неделовым и случайным путем. Когда стало ясно, что столкновение неизбежно, стрелочники и машинисты потеряли голову и стали нажимать не на те рычаги, на которые нужно было нажимать; только кочегары хорошо поддавали жару. В политике мы уже привыкли к таким бестолковым поступкам, которые приводят все-таки к меньшим несчастиям и опрокидывают только министерства. Но здесь речь шла о жизни и смерти империй, королевств и республик и миллионов их граждан. Не было ни одной конференции между заинтересованными сторонами; о такой конференции заговорили лишь тогда, когда было уже слишком поздно. Но даже тогда, когда возникла мысль об этих конференциях, это было сделано в такой форме, которая не была приемлема ни для одной из сторон, и никто с этим не торопился.

Если бы дело шло о какой-нибудь железнодорожной забастовке, обе стороны начали бы переговоры, прежде чем обратились к крайним мерам. Война должна была быть и могла быть предотвращена.

Можно ли было заключить мир между воюющими сторонами в какой-либо период войны ранее ноября 1918 г.? Я вновь спокойно и тщательно пересмотрел все документы по этому вопросу. Я хотел удостовериться, можно ли было добиться удовлетворительного мира с немцами на какой-либо стадии войны до ноября 1918 г. И я не могу указать ни одного случая, который упустили бы державы Антанты в их стремлении заключить такое соглашение, которое не вознаграждало бы главных агрессоров за то, что они вовлекли мир в войну.

Вплоть до самого конца войны Германия оккупировала территории союзников на востоке и на западе: Бельгию и северо-восточную Францию на западе, огромные российские территории на востоке, Сербию на юге. Несмотря на многочисленные запросы государственных деятелей Антанты, Германия ни разу не предложила союзникам возвратить какие-либо из этих территорий, без того чтобы не поставить нам те или иные требования о «гарантиях» или экономических привилегиях.

Можно ли было добиться победы для той или другой стороны ранее конца 1918 г.? Обе стороны совершили серьезнейшие ошибки. Первый вопрос: могли ли бы немцы победить, если бы они не совершили ошибок? Несомненно, что немцы дважды или трижды совершили кардинальные ошибки и упустили одну или две возможности, открывавшие им путь к победе.

Первая страшная ошибка, которая впоследствии оказалась для них роковой, — это нашествие на Бельгию. Они надеялись взять Париж и уничтожить французскую армию, до того как Англия вступит в борьбу или, в другом случае, покончить с Францией, прежде чем британская помощь станет эффективной. Необъяснимая военная ошибка или, скорее, целая цепь ошибок лишила их возможности войти во французскую столицу, когда она уже находилась в их руках. Они могли даже уничтожить французскую армию. Германцы упустили тогда возможность, которая больше уже не повторилась. После этого британская армия беспрерывно усиливала свою мощь, пока она не стала, по словам Дугласа Хейга, «самой сильной армией на полях сражения». Если бы не вмешалась эта армия, Германия вышла бы из войны победительницей. Ошибка, которая поставила все ресурсы Британской империи на службу Антанты, была в первую очередь — но не целиком — военным просчетом. Эта ошибка была обязана своим происхождением стратегическому плану, который вынашивался задолго до начала войны в недрах германского военного министерства. Даже самые вдумчивые люди из военных вряд ли могли предполагать, что Британия введет в бой превосходно экипированную армию в два с лишком миллиона штыков и призовет под знамена 6 миллионов человек.

Вторую большую ошибку совершили немцы в 1916 г., когда они отвлекли часть своих боевых средств на бесплодные атаки Вердена. Они упустили тем самым две возможности. Первая из них заключалась в том, что немцы могли окончательно раздавить Россию, закончив дело, которое так успешно для них было начато в 1915 г. Если бы

они использовали свое преимущество над русскими в 1916 г., Россия принуждена была бы заключить мир летом 1916 г. вместо весны 1918 г. Британская армия вплоть до последних дней лета 1916 г. еще не была готова в такой степени, чтобы произвести достаточное давление на западном фронте и тем самым заставить Германию выпустить из своих рук Россию. Русская армия в тот период могла быть разгромлена навсегда. Как только Россия вышла бы из строя, немцы могли бы бросить все свои победоносные армии на Францию, австрийцы всю свою мощь на Италию, прежде чем Америка вступила в войну и прежде чем голод и лишения подорвали боеспособность армий центральных держав. Если бы немцы не приняли верденский проект, они могли бы помочь Конраду фон Гетцендорфу, австрийскому главнокомандующему, выполнить его план ликвидации итальянского фронта при помощи объединенного австро-германского наступления весной 1916 г. Капоретто в 1916 г. могло бы иметь для Германии тот результат, что она могла бы довести свои успехи до полной победы над союзниками, поскольку британская армия не была еще готова для большого наступления во Франции.

Третьей кардинальной стратегической ошибкой было большое наступление 1918 г. Германия была еще достаточно сильна, чтобы отбить любую атаку союзников на ее укрепленные позиции. Она отбивала их не раз и не два, даже тогда, когда союзники численно превосходили ее войска вдвое. Она, тем более, могла рассчитывать удержать свои позиции теперь, когда силы противников были приблизительно равны. Вместо этого она истощила свои резервы в яростных атаках, которые в конечном счете не привели ни к каким стратегическим результатам. В этих атаках она потеряла самые отборные свои войска. Она не позаботилась создать вторую и третью линию защиты, на которые она могла бы отвести свои войска, если бы они были отброшены с первой. Она упустила также возможность использовать человеческие и материальные ресурсы России, которые были для нее жизненно необходимы. Но самой страшной германской ошибкой в этой войне, если не говорить о нашествии на Бельгию, была ее ссора с Америкой. Это был в лучшем случае безрассудный просчет; в худшем — непостижимое безумие.

А как союзники? Каждый, кто спокойно вдумается в события этой войны, не может не видеть благоприятных возможностей, которые возникали разновременно, но сейчас же отвергались военными и политическими руководителями Антанты.

Самой очевидной и самой пагубной ошибкой союзников было упорное нежелание рассматривать весь театр войны, как единый фронт. Россия имела неограниченные ресурсы превосходного человеческого материала — неограниченные по физическим данным, по храбрости и упорству. Русские прошли уже достаточную военную подготовку, чтобы составить феноменально мощную армию обороны или наступления даже против германских войск; в этом отношении они были вполне равноценны австрийцам, если только не превосходили их по качеству. Русским недоставало только одного: необходимого снаряжения, а если бы оно было, из этого прекрасного ма-

териала можно было сделать очень многое. Россия была разбита единственно из-за недостатка снаряжения. Если бы Франция и Англия разумно распределили финансовые и материальные ресурсы, которые находились в их распоряжении и у себя, и в Америке, между армиями, боровшимися не только на западе, но и на востоке, германские и австрийские атаки на русском фронте кончились бы провалом, и провалом с такими потерями, которые сокрушили бы мощь центральных держав. Австрия с ее огромным славянским населением могла быть разбита уже в 1916 г. Германия в результате оказалась бы совершенно изолированной. Австрия, конечно, не могла бы противостоять напору хорошо снаряженной и численно превосходящей ее российской армии, если бы Антанта полностью использовала те возможности, которые давали ей Балканы для совместной атаки силами сербов, румын, греков, а весьма вероятно, и болгар на линии Дуная. Это была вторая упущенная возможность победоносно закончить войну в 1916 г.

Было ли это достижимо? Если бы союзные державы серьезно занялись этим делом еще в начале 1915 г., можно было создать мощную балканскую конфедерацию на стороне Антанты. Греки предложили свою помощь в 1914 г. Мы от нее отказались. Румыны хотели только иметь уверенность, что в случае своего выступления они будут поддержаны Францией и Англией. Болгария удовлетворилась бы обещаниями прирезки некоторых территорий. Сербия была с нами уже с самого начала с ее армией первоклассных бойцов, которые уже нанесли австрийцам в двух яростных битвах сокрушительное поражение. Эти четыре балканских государства могли бы дать армии хорошо обученных и опытных бойцов общей численностью в 700 тысяч человек по меньшей мере. Они нуждались лишь в деньгах, снаряжении, снарядах, в некотором улучшении их коммуникационных путей с Салониками и в пополнении приблизительно в размере 100 тысяч союзных войск. В случае победы они рассчитывали, конечно, получить некоторые территориальные прирезки. Но Турция и Австрия представляли большие возможности для широкого пересмотра границ, который не нарушил бы ни одного из канонов расовой справедливости и национальной независимости. Италия только что присоединилась к Антанте. Имея перед собой итальянскую армию, Австрия и Германия не могли бы выделить достаточные силы, чтобы атаковать эту балканскую конфедерацию. Если бы Россия улучшила свое снаряжение при помощи союзников, у центральных держав было бы достаточно дел на востоке, чтобы как-нибудь удержать позиции на своих восточных и юго-западных границах.

Некоторые из виднейших генералов Антанты поддерживали эту идею. Я приводил уже их отзывы. По словам Жоффра, Китченер сам предложил на союзном военном совете собрать на Дунае кулак в 400 тысяч человек, чтобы «раздавить Австрию». Некоторые из лучших французских генералов также поддерживали этот план. Жоффр указал, однако, что на линии Салоник, если только не расширить эту линию, невозможно развернуть такие силы. Правитель-

ство Великобритании по моему предложению решило в феврале 1915 г. улучшить работу транспорта в Сербии, имея в виду именно эту возможность. Китченер должен был принять необходимые меры. Среди множества других забот, он позабыл об этом, а когда вспомнил в октябре, уже было поздно посылать большие союзные силы на Дунай. Если бы это было сделано летом, вся военная обстановка изменилась бы кардинально. Франция и Англия потеряли почти 400 тысяч человек в бесплодных атаках в Шампани и Лоосе в сентябре и октябре 1915 г. Эти атаки ничего не дали, а потери были весьма велики. Китченер с самого начала решительно сопротивлялся этим планам объединенного наступления во Франции, и это делает честь его здравому смыслу. Германия предвидела эту опасность на Балканах; она знала, что в этом случае окружение центральных держав было бы полным. Германия поэтому предупредила угрожавшее ей охватывающее движение союзных войск, и Балканы со всеми их огромными возможностями были потеряны для нас на три года. Уже через месяц единственный на Балканах отряд союзных войск находился по ту сторону Балканского хребта, а целая армия Антанты в 500 тысяч человек стояла в бездействии у морского побережья, и так продолжалось три года. Если бы военные вожди союзников на западе рассматривали весь театр войны, как единое целое, и умели бы перенестись мыслью за земельные укрепления перед своим носом, 1915 год мог бы стать поворотным в войне, а 1916 положил бы конец этой борьбе пяти наций. Лишившись румынских запасов нефти, центральные державы утратили бы наступательную способность окончательно, а их обороноспособность сократилась бы также в очень ощутительной степени. Показания виднейших германских генералов перед комиссией германского рейхстага о причинах поражения свидетельствуют о том, какой тяжкий урон их армиям причинила потеря румынской нефти в 1918 г. Мы уже приняли меры к тому, чтобы отрезать их от русской нефти в Баку. Германия оказалась разбитой отчасти потому, что мы ввели в действие против нее нефтяные санкции. Надо еще отметить среди прочего, что наличие союзных войск в Сербии отрезало бы целиком центральные державы от Турции. Если бы железная дорога в Константинополь была закрыта, Турция без той поддержки пушками, снарядами, транспортными средствами и людьми, которую она получала от Германии, не могла бы выдержать еще одну кампанию в борьбе с нашими превосходными силами в Египте и Месопотамии. Поражение Турции ослабило бы нажим на Россию на Кавказе и открыло бы для нас свободное морское сообщение с нашими русскими и румынскими союзниками.

Лорд Алленби прислал мне некоторые выдержки из речи, которую он произнес перед группой офицеров гвардии в 1923 г. на тему о задачах палестинской кампании. Они представляют большой интерес для нас сейчас, когда мы говорим о возможных последствиях турецкого поражения для судеб войны. Эти соображения тем более значительны, что они исходят от такого крупного военного деятеля.

«Восток или запад?

Была ли палестинская кампания разумным предприятием? Не лучше ли было продолжать на востоке оборонительную тактику, бросив все наши силы на западный театр?

Вспомните положение в июне 1917 г.:

Россия вышла из войны.

Румыния побеждена окончательно.

Америка еще не вступила в строй.

Неприятельские подводные лодки причиняют нам серьезный ущерб.

Денег нехватает.

Союзники устали.

Идут разговоры о мире без победы.

Вообразите, что Германия сказала бы: «Вы устали от войны; и мы устали от войны. Мы готовы отдать Эльзас и Лотарингию. Мы эвакуируем Бельгию. Давайте будем считать, что мы квиты без контрибуций с той или другой стороны».

Такое предложение, хотя и мало вероятное, все же было не исключено. И возможно, что наши союзники были бы склонны принять условия этого рода и заставили бы нас заключить такой неокончательный мир, если только мы не могли бы продолжать войну самостоятельно.

В этом случае Германия сохранила бы свое господство в Австрии, на Балканах, Турции и в Сирии; она имела бы свободный путь от Северного моря к Персидскому заливу. Оказалось бы, что она завоевала все, за что боролась: верховенство в Европе и обеспеченный доступ на Восток.

После поражения Турции и отпадения Болгарии путь Германии на Восток был отрезан; отрезан непоправимо. Принципы войны неизменны, но нет обязательных для всех случаев правил их применения. Предприняв кампанию на востоке, наши государственные деятели проявили стратегическую фантазию и политическую дальновидность самого высокого класса.

А.».

Алленби рассматривает нашу тему не в том аспекте, в каком рассматривал ее я. Тем не менее соображения, которые выдвигает лорд Алленби, имеют очень реальное значение для страны с обширной империей на Востоке.

Мы упустили также превосходные возможности в Италии в 1918 г. Итальянцы, как и русские, но только в меньшей степени, превосходили неприятеля численностью обученных военному делу людей, но очень отставали по части артиллерии и снарядов. Это отставание было особенно заметно в тяжелой артиллерии, столь существенной для армии, которая должна проложить себе путь через укрепленные горные ущелья. Что касается Франции, то в этой стране человеческий резервуар уже иссякал, но наши механические возможности росли очень быстро. Французы и англичане вели бес-

прерывно по три кампании одновременно против самого сильного врага и понесли при этом страшные потери. Итальянцы провели две кампании против врага, уступавшего германцам во всех отношениях. Французы и англичане могли бы с успехом отложить свое большое наступление на один год, удерживая германцев на их линии, и за это время снабдить итальянскую армию тяжелой артиллерией и снарядами и послать им несколько дивизий опытных войск, которые приняли бы участие в этой кампании. Наше наступление на итальянском фронте облегчило бы нажим неприятеля на Россию в критической для нее ситуации и дало бы блестящие шансы на прорыв австрийского фронта. Это было бы связано с неизбежными потерями на всех фронтах, но резня на Шмен-де-Дам и в Пашенделе не имела бы места, и Капоретто, которое, в сущности, вывело Италию из строя до конца войны, также не имело бы места. Фош и Петэн поддерживали эту идею, но лишь после того, как атака на Шмен-де-Дам окончилась провалом. И на этот раз, как и раньше, мы действовали слишком медлительно, и фландрское наваждение маршала Хейга сорвало весь план. Французские генералы обещали дать ему возможность прославиться, и профессиональная солидарность заставила их предоставить ему эту возможность.

Последняя упущенная возможность была связана с установлением подлинного единства командования. Единство, которое основывается на беспрерывных пререканиях между двумя конкурирующими и самостоятельными штабами, есть не единство, а подделка под единство. Даже то пресловутое единство, которое, якобы, было осуществлено во время весеннего наступления 1917 г., было не намного лучше. Так и случилось, что беспрерывные оттяжки, вызванные пререканиями между двумя главнокомандующими, из которых ни один не имел права дать окончательный приказ другому, превратили важную победу в тяжкое поражение. Немцы потом признали, что подлинное единство командования, которое осуществлено было тогда, когда Фош был назначен главнокомандующим всем фронтом, в значительной мере обусловило и крах наступления в 1918 г. Если бы перед мартовским наступлением союзники создали общий резерв под единым централизованным командованием, мартовские и апрельские поражения не имели бы места.

Некоторые люди до сих пор убеждены, что концентрация всех сил и беспрерывные наступления на западном фронте были неизбежны. Они оправдывают эту политику тем, что перемирие в конечном счете было заключено на французской территории. На это им можно ответить, что:

> Во-первых. Атаки на западном фронте на укрепленные позиции неприятеля, которые невозможно было обойти, стоили союзникам свыше 5 миллионов человек.
>
> Во-вторых. Эти атаки не имели бы успеха до самого конца, если бы:
>
> а) блокада не ослабила боеспособность германской армии и не подорвала бы боевой дух германского и австрийского народов;

б) поражение Болгарии не открыло южный фланг центральных держав для вражеского наступления и не лишило центральные державы румынского хлеба и румынской нефти, без которых немцы не могли продолжать борьбу.

Если бы Болгария не вышла из строя, ни Германия ни Австрия не сдались бы нам в течение 1918 г. Я уже приводил в подтверждение моего мнения авторитетные высказывания Гинденбурга, Людендорфа и фон Кюля.

Вот по каким соображениям я пришел к окончательному выводу, что мы могли добиться победы уже в 1916 г. или, самое позднее, в 1917-м, если бы стратегическое руководство военными действиями проявило больше воображения, здравого смысла и солидарности.

Это — мое последнее замечание о войне. Если бы Германией руководили Бисмарк и Мольтке, а не их преемники, которые уступали им и как государственные деятели и как стратеги, великая борьба между демократией и военной автократией протекала бы, по всей вероятности, совсем иначе. Ошибки Германии избавили нас от неизбежных последствий наших собственных ошибок. Но пусть все, кто верит в конечную победу справедливости, помнят, что исход войны зависит не от правоты той или другой стороны, а от соотношения сил обеих сторон. Этому учит нас история, а опыт войны 1914—1918 гг. делает этот урок для всех обязательным.

Глава восемьдесят седьмая

ИМПЕРИЯ В ВОЙНЕ

Вся Британская империя объединилась в общем усилии во имя единой цели. В одном из предыдущих томов * я уже рассказывал, как в самом начале войны Индия и самоуправляющиеся доминионы стихийно двинулись на помощь Великобритании, как они потом откликались на каждый наш призыв о помощи во время войны. И так же быстро и безоговорочно откликались наши колонии и наши самые отдаленные владения.

Британское содружество наций представляет собой поразительно разнородный конгломерат. Белые народы Британских островов и их потомки, образующие ядро империи, составляют лишь небольшую часть всего населения — приблизительно одну седьмую. Из них лишь около трех четвертей находилось к моменту начала мировой войны на маленьком отечественном острове. Остальные белые были рассеяны небольшими группами по огромным пространствам самоуправляющихся доминионов, вели административную или коммерческую работу в Индии и в других колониях и владениях английской короны среди населения, в большинстве своем цветного и далеко превосходящего их численностью. На государственном устройстве империи можно было проследить все формы зависимости и независимости — от полного демократического самоуправления доминионов до колониальной администрации, осуществляемой всецело страной-колонизатором. И не удивительно, что немцы с их привычкой к строгому единообразию и регламентации смотрели на империю, как на дряхлое сооружение, которое должно рассыпаться на части при первом же ударе. Но это было не столько сооружение, сколько организм с такой внутренней силой сопротивления и таким сцеплением частиц, какие характерны только для живого организма. Не обошлось без одного или двух несчастных инцидентов вроде кратковременного возмущения некоторых непримиримых групп бурского населения в Южной Африке в первые месяцы войны, но, если не говорить об этом, империя во все годы войны не только сохранила

* «Военные мемуары», т. IV, гл. 55 «Имперский военный кабинет. Имперская конференция».

внутренний мир, но и показала блестящие образцы верности и преданности отечеству.

Основное бремя этой всеимперской войны легло, естественно, на Великобританию. Это была в первую очередь — европейская война, а большинство белого населения империи сосредоточено в Англии, так же как и ее основные промышленные ресурсы и ее кредитная мощь. В Индии, правда, сосредоточены три четверти всех граждан империи, но лишь немногие из народов этого обширного полуострова были склонны воевать, а климатические условия европейских полей сражений, на которых находились главные силы неприятеля, оказывались невыносимыми для индийских войск. Индийцы сражались главным образом на южных театрах войны — в Палестине, Месопотамии и Восточной Африке, — и здесь они оказали нам выдающиеся услуги. Но основную боевую силу неизбежно должна была дать сама Англия.

Белые граждане империи спешили все же к нам на помощь со всех концов света, и великие самоуправляющиеся доминионы поставили в строй такие части, которые, несомненно, относятся к числу самых лучших из участвовавших в этой войне с обеих сторон. Вдобавок к крупным индийским контингентам мы набрали цветных солдат в наших колониях и владениях в Африке и Вест-Индии — главным образом, для борьбы против германских колониальных сил в Африке и для операций в Египте, Палестине и Месопотамии. Мы составили из них также трудовые батальоны для транспортных, снабженческих и строительных работ на западном фронте. Только их усилия позволили нам с такой быстротой возвести новые укрепления, проложить новые шоссейные и железные дороги вместо тех, которые мы должны были бросить во время великого отступления 1918 г.

Но участие империи в войне не ограничивалось тем, что доминионы и колонии давали нам живую силу. К нам поступали из империи также деньги и материалы. О щедрых пожертвованиях индийских принцев я уже говорил в другом месте. Но пожертвования, иногда очень скромные, стекались со всех концов света. Туземцы далекой Маракеи, островка группы Джильберта в Южном море, могли помочь нам только кокосовыми орехами. Но вместе с орехами они направили нам послание, в котором сообщалось, что они «будут посылать орехи систематически до того, как закончится война». Этот «кокосовый» дух был характерен для всей империи.

Самые крупные контингенты войск дала нам, конечно, Индия. В общей сложности Индия послала нам за годы войны 1 302 394 человека. Индийские принцы дали 29 кавалерийских эскадронов и 11 пехотных батальонов «имперской службы». Уже в первые месяцы войны Индия отправила войска во Францию, Восточную Африку, Месопотамию и Египет. К концу 1914 г. индийские контингенты на фронтах составляли в общей сложности 100 тысяч человек. По мере того как разворачивались военные действия, увеличивалась и помощь Индии делу союзников. В течение всей месопотамской кампании больше половины войск, оперировавших на этом театре, были

индийские. Максимальное количество индийских войск на этом фронте было 155 тысяч человек. Контингенты индийских войск в Египте и Палестине неуклонно росли и в последние месяцы войны достигли почти 100 тысяч человек. Они внесли свою долю и в салоникскую кампанию. Гарнизон порта Аден состоял в большей своей части также из индийских войск.

В течение всей войны во Франции и в Британской Восточной Африке находились индийские части. Они сражались в Галлиполи и в Камеруне, в Персии и за Каспийским морем. Небольшой отряд оперировал вместе с японцами в Северном Китае против германской морской базы Циндао. А на своей родине индийская армия должна была вести операции на северо-западной границе, где никогда не прекращавшееся брожение вспыхнуло теперь с новой силой.

Верно, конечно, что индийские контингенты в общей сложности были ничтожны по сравнению с численностью населения этой страны (менее полупроцента). Но большинство этого населения совсем не воинственно. Физические качества индусов делают их неприспособленными для физического и нервного напряжения, требуемого условиями современной войны. Наиболее боеспособные народы Индии дали нам все же превосходные войска, которые показали примеры военной отваги и стойкости на всех фронтах и заслужили самое лестное признание и официальные почести, в том числе много крестов Виктории. Самое активное участие в борьбе на южных театрах — Палестине, Месопотамии и Восточной Африке принимала Индия. Индийские легионы оказали нам блестящие услуги на этих фронтах.

Совершенно очевидно, что наши малонаселенные доминионы не могли дать нам столько войск, сколько могла дать нам многомиллионная Индия. Но, если учесть численность населения в доминионах, выставленные ими контингенты представляли собой блестящее доказательство их солидарности с метрополией. И Канада, и Новая Зеландия провели новые законы о воинском наборе, которые призывали мужское население под знамена. Австралия, нисколько не уступавшая этим странам в лойяльности, доблести и воинственности, так и не сумела провести повторный референдум об обязательном наборе в армию, потому что эти вопросы оказались связанными с политическими и личными распрями, которые раздирали тогда эту страну. Ньюфаундленд также провел у себя закон о воинском наборе, аналогичный канадскому.

«Статистические данные об участии Британской империи в войне» показывают, что общее число войск, которые были посланы из доминионов в Европу в течение войны или проходили еще военное обучение, составляло к 1 ноября 1918 г. 984 612 человек, или практически — миллион человек. Самый высокий процент призванных по отношению ко всему мужскому белому населению дала Новая Зеландия — 19,35%; за ней следовали Канада — 13,48% и Австралия — 13,43%. Южноафриканские войска, которые сражались в Восточной Африке, Египте и на западном фронте, составляли 11,12% всего белого населения Южной Африки, но кроме того, около

50 тысяч человек приняло участие в кампании за овладение германскими колониями в Юго-восточной Африке; значительная часть этих сил не была учтена в общем балансе участия доминионов в войне.

Канадцы, родившиеся в Англии, дали наивысший процент участников войны, намного больший, чем в самой Англии. Это была, конечно, отборная группа очень энергичных и предприимчивых молодых людей, у которых еще сохранились очень крепкие связи с родиной. Они хлынули тысячами обратно на родину, чтобы стать на ее защиту в грозный для нее час.

Такой же процесс происходил во всех колониях английской короны. Немногие из них могли выставить нормально укомплектованные белые части, которые можно было бы сразу же включить в состав британских войск. Но отовсюду — из Родезии, с островов Южных морей, из чайных плантаций, из плантаций каучука и тростникового сахара — крепкие молодые британцы ринулись на родину, чтобы стать в ряды ее защитников. Даже те, которые жили под иноземным владычеством, откликнулись на зов крови. Около 12 тысяч юношей прибыло из Латинской Америки, из них около $6^1/_2$ тысяч из Аргентины. Многие из них были сыновьями или внуками британских эмигрантов; они родились гражданами других стран, но сейчас предъявляли свои права на британское гражданство, хотя это гражданство требовало от них тяжких жертв. Эти латино-американцы британского происхождения дрались очень хорошо. Они получили, среди прочих военных отличий, три креста Виктории и 188 военных крестов.

Можно было бы заполнить целые томы описаниями боевых заслуг наших имперских войск. Я не буду здесь говорить об этом сколько-нибудь подробно, но хочу засвидетельствовать глубокую признательность всех тех из нас, кто нес на себе бремя ответственности за счастливый исход войны, по отношению к британским доминионам, которые дали нам таких великолепных бойцов. История войны закончилась бы по-другому, если бы с нами не было этих людей. Они участвовали во всех серьезных сражениях на западном фронте начиная с лета 1916 г. и составляли самое сильное ядро наших атакующих сил всякий раз, когда приходилось встречаться с какими-нибудь необычными трудностями.

Канадцы, самые близкие к Англии, прибыли первыми. Первые экспедиционные части канадцев прибыли в Англию в середине октября 1914 г. Еще до конца декабря канадская пехота на пароходе «Принцесса Патриция» прибыла во Францию, а в феврале 1915 г. первая канадская дивизия выступила на фронт. В апреле она покрыла себя неувядаемой славой во время второй битвы на Ипре, когда первая, до тех пор невиданная страшная газовая атака германцев чуть не взорвала нашу линию защиты на этом решающем участке.

В сентябре 1915 г. вторая канадская дивизия присоединилась к первой; было положено начало канадскому корпусу. Третья дивизия прибыла в январе 1916 г., четвертая — в сентябре. В этом же

месяце канадцы участвовали в битве на Сомме, в которой они так отличились, что стали считаться ударными частями и до конца войны возглавляли атакующие силы во всех крупнейших сражениях. Немцы знали, что надо быть готовыми к худшему, если в строй вступил канадский корпус. На высоте Вими поставлен памятник в ознаменование поразительных успехов канадских войск в апреле 1917 г. Это была одна из самых блестящих операций за все время войны. В том же году канадцы должны были пройти через самые ужасные испытания пашендельской кампании в октябре и ноябре. В амьенской битве, 8 августа 1918 г. — «черным днем» назвал его Людендорф — канадцы шли во главе британских войск, которые разбили в тот день последнюю надежду германцев на военный успех. В августе и в сентябре они возглавляли атаку на линии Дрокур-Кэан, где находилось сильнейшее звено гинденбургской линии, ринулись через Северный канал, штурмовали Бурлонский лес и взяли Камбрэ.

И в продолжение всего последнего марша к победе канадцы шли впереди. Они взяли Валансьен и за несколько часов до заключения перемирия прошли по улицам Монса под звуки исполняемого на волынках «Типперэри».

Контингенты из Австралии и Новой Зеландии шли издалека; для них первый сборный пункт был в Египте, куда они прибыли в конце 1914 г. Они участвовали в обороне Суэцкого канала, а в апреле 1915 г. отплыли на фронт, чтобы вписать золотыми буквами имя анзаков * в историю галлиполийской кампании. Летом 1916 г. они уже были во Франции, а в июле дрались на Сомме. После этого они, подобно канадцам, неизменно пользовались суровой привилегией итти впереди атакующих и бросаться на неприятеля в самых жарких местах боя. Они пробили себе дорогу через Мессинский хребет в июне 1917 г., а в сентябре командование бросило их в болота Пашенделя. В марте 1918 г. они остановили германское движение на Сомме, а когда в апреле германцы стали наступать на фронте р. Лис, первая австралийская дивизия была спешно переброшена на север, чтобы их остановить. Те, что остались на Сомме, парализовали активность немцев в Вилье-Бретонне. В мае их соотечественник сэр Джон Монаш стал корпусным командиром. Он был одним из лучших боевых командиров, которых выдвинула война, и достоин упоминания тот факт, что Монаш не был профессиональным военным. В армиях Великобритании человек его дарований не имел бы никаких шансов проявить свои качества крупного военного руководителя. 4 июля он повел своих солдат на блестящую операцию в Гамеле, и здесь, как я уже указывал в другом месте, они увлекли за собой некоторые американские части.

Австралийцы приняли затем участие в сражении 8 августа и в сентябрьских боях на гинденбургской линии. После этого они были отведены вглубь на давно заслуженный отдых; они направля-

---

* АНЗК — по начальным буквам: Австралия, Новая Зеландия, Канада. — *Прим. перев.*

лись опять на передовые позиции, когда было подписано перемирие.

Все это в очень большой степени относится и к новозеландцам. И они сражались в Галлиполи, на Сомме, на Мессинском хребте, в Пашенделе, у Амьена. Во время последних боев за победу, начиная с августа 1918 г., они почти беспрерывно дрались на передовых позициях, как собаки-ищейки, уходили далеко вперед на разведку и показывали замечательные образцы бесстрашия.

Но помимо этих достижений на западном фронте доминионы в огромной степени способствовали нашим успехам в Палестине. Австралийская кавалерия и новозеландские конные стрелки были совершенно незаменимы для войны в условиях пустыни; конные части сыграли здесь выдающуюся роль. Решающая победа у Мегиддо, когда Алленби окружил и уничтожил турецкие части, не была бы возможна без быстрого, охватывающего тыл неприятеля перехода нашей кавалерии в Назарет и без последовавшего за этим стремительного кавалерийского рейда к Дамаску; и в этих операциях важную роль сыграли австралийская и новозеландская конные дивизии. Они были неутомимы в преследовании неприятеля. В одном случае они 72 часа не сходили с коней и не давали коням воды, и кони, столь же неутомимые, как и люди, упорно продолжали преследование. Палестина оставалась еще и тогда страной, в которой кавалерия представляет собой военный инструмент исключительной ценности, и конные части наших доминионов в очень большой мере обусловили успехи наших войск на этом театре. На их роль в деле уничтожения турецкой армии всегда будут указывать, как на убедительный пример услуг, которые во время войны может оказать кавалерия, если умело ее использовать.

Южноафриканская бригада нисколько не уступала войскам остальных доминионов ни в боеспособности, ни в доблести. После завоевания германской Юго-западной Африки британская Южная Африка послала сильные части в Восточную Африку, где генерал Смутс вел операции против Леттов-Форбека, пока он не выгнал немцев из их баз и не заставил их уйти в глубь этой тропической страны. Южноафриканский доминион послал также бригаду на север; в феврале 1916 г. она воевала здесь с племенем сенусси на египетской границе, а затем была переброшена на западный фронт и сражалась во Фландрии и на Сомме в 1916 г.; в Аррасе, Пашенделе и Камбрэ — в 1917 г.; а в 1918 г. принимала сначала участие в сражениях на Сомме и на р. Лис во время германских атак, а затем и в последних боях за победу союзников летом и осенью этого года.

Ньюфаундленд послал нам один полк, и этот полк так активно участвовал в борьбе, что пополнения требовались гораздо чаще, чем Ньюфаундленду было возможно посылать их. Полк был в боях у залива Сульва в 1915 г., на Сомме в 1916, в Монши и Камбрэ в 1917; к концу 1917 г. список убитых составлял четверть всех прибывших из Ньюфаундленда солдат. Два полковых состава ньюфаундленццев погибли в боях.

Но доминионы дали нам не только солдат; они помогали нам материалами всякого рода, полностью используя свои ресурсы. Канада очень значительно повысила наши запасы снарядов. В августе 1914 г. мы обратились к Канаде с призывом организовать производство снарядных стаканов. Покойный генерал Сэм Хьюгс — человек, умевший заражать всех окружающих энтузиазмом и энергией, — сейчас же учредил снарядный комитет, который должен был приспособить канадскую промышленность мирного времени для производства снарядов. Комитет очень хорошо начал свое дело, но скоро размах работы перерос рамки комитета, и вскоре после того, как я учредил министерство снабжения, я признал нужным реорганизовать это производство на новых началах. В конце 1915 г. взамен комитета по снарядам было учреждено имперское снарядное бюро под председательством сэра Джозефа Флавеля. Эта добровольная организация работала очень успешно под руководством министерства снабжения вплоть до заключения перемирия. Она производила снаряды, снарядные ящики, зажигательные трубки, взрывчатые вещества и другие компоненты всех видов снаряжения. Одних только снарядов Канада дала нам за время войны свыше 65 миллионов штук. Она поставляла, кроме того, машины, инструменты, литье, локомотивы, аэропланные части, лес, металлы и т. д. Общая стоимость канадских военных грузов превысила 200 миллионов фунтов стерлингов.

Австралия находилась слишком далеко — за морями, которые кишели неприятельскими подводными лодками, — чтобы она могла дать нам, в Европу, такое же количество военных материалов. Австралия смогла все же дать многое для восточных театров войны, и особо надо упомянуть о ее взносах продовольствием, фуражом и лошадьми. Но самые главные заслуги Австралии в войне, если не говорить о ее бойцах на фронте, принадлежат австралийскому флоту. Он не только расправился с «Эмденой» и охранял воды южной части Тихого океана и Индийский океан от нападения неприятельского флота на коммерческие суда, не только участвовал в захвате германских владений в южных морях, но совместно с британским флотом нес службу в отечественных английских водах и на Средиземном море.

Я говорил уже раньше * о том, как полезно было присутствие и сотрудничество руководящих деятелей доминионов на заседаниях имперского военного совета; я выразил уже свое личное восхищение перед этими людьми — генералом Бота и В. М. Хьюгсом, Борденом, Мэсси, Уордом, Смутсом и Биканиром. Работа этих лиц в имперском совете была так же мужественна и ценна, как работа их соотечественников на полях сражения.

Место не позволяет мне говорить о других формах, в которых различные части империи участвовали в общем нашем деле, — о канадцах, которые служили в Архангельске и Владивостоке, о рыбаках и моряках, которые вступили во флот, несли патрульную службу

* «Военные мемуары», т. IV, гл. 55.

и разбрасывали мины, о работе госпиталей и т. д. Все британское содружество народов объединилось во имя общей цели. Под всеми широтами граждане Британии делали для общего дела все, что могли.

Мы нисколько не преувеличим, если скажем, что без 1 400 тысяч прекрасных солдат, которые прибыли под наши знамена из доминионов, и без 1 300 тысяч солдат, которые пришли к нам на помощь из Индии, союзники не смогли бы выдержать напряжения этой гигантской борьбы. Да не приведет господь нам когда-либо вновь оказаться перед такой страшной угрозой. Но если это случится и если наши цели в этой борьбе будут так же ясны британскому самосознанию и британской лойяльности, — тогда мы лишний раз увидим, что «узы империи» — не пустая фраза.

Глава восемьдесят восьмая

ПОЯВЛЕНИЕ «ДНЕВНИКОВ» ЛОРДА ХЕЙГА И ТО, ЧТО ЗА ЭТИМ ПОСЛЕДОВАЛО

После того как я написал уже бо́льшую часть двух последних томов этих моих «Мемуаров», в печати появилась вторая серия выдержек из «Дневников» лорда Хейга. Вместо того, чтобы прерывать мое изложение и вставлять в текст возражения по поводу истории войны, рассказанной кем-то другим, я предпочел отложить чтение «Дневников» до того момента, когда будет закончена моя книга. В «Дневниках» опубликованы интимные размышления — или, вернее, клеветнические измышления — лорда Хейга о людях, вместе с которыми он служил родине во время войны; некоторые из них еще здравствуют, другие умерли. Факт опубликования этих дневников освобождает мои «Мемуары» от нелепых упреков в том, что в них в некоторых случаях высказываются неблагоприятные суждения о стратегии генералов, которые уже отошли в другой мир. Лорд Хейг сам никогда не признавал для себя обязательным эту нелепую заповедь, ограничивающую свободу критики. Он имел в виду, что эти осуждающие записи будут раньше или позже опубликованы. И вот теперь г. Дофф Купер напечатал выдержки из личных записей лорда Хейга, которые этот последний сам намечал к напечатанию в свое время. Я хорошо сознаю, что когда осуждаешь кого-нибудь из тех, кто уже не может себя защищать, надо всегда помнить о старом девизе «de mortuis nil nisi bonum». Но живые имеют также свои права. И если mortui, прежде чем уйти от нас, сознательно в письменной форме предъявляют обвинения своим товарищам по работе (а ведь лорд Френч, и я, и многие другие, осужденные приговором Хейга, были каждый в своей области тесно связаны с Хейгом в тот период, когда он выполнял величайшее дело своей жизни), то смерть обвинителя не лишает оставшихся в живых обвиняемых права защищаться от обвинений.

Если вспомнить, что «Дневники» представляют собой ежедневные записи о весьма замечательных событиях, в которых лорду Хейгу принадлежала ведущая роль; что он заносил в них эти свои впечатления и размышления в сумерки, в тиши своего кабинета, — надо признать эти выдержки не только малосодержательными, но и

удивительно мертвыми и бесцветными *. Если это лучшее из того, чем располагал г. Дофф Купер, каким должно быть качество всего остального?

Есть дневники и дневники. Иногда люди находят удовольствие в том, что описывают события дня или записывают услышанное за день, не отмечая при этом той роли, какую они сами играли в описываемых ими событиях. В таких случаях надо сделать скидку на ненадежность этих записей, которые часто представляют собой пересказ непроверенных сплетен; все же дневники этого рода, если они ведутся наблюдательным человеком, могут иметь некоторую историческую ценность. Но есть дневники другого рода. Авторы этих дневников целиком поглощены интересом к своей особе и своей карьере; они записывают ежедневно вечерком только свои собственные достижения за день, свои высказывания, раздумья, свои встречи. Дневники Вильсона показали, как искажаются факты, если автор таких ночных записей твердо считает себя центральной фигурой мироздания на каждый день каждого из многих лет своей жизни. Этот плохо скрытый эгоизм представляет собой своего рода болезнь; все его проявления подлежат поэтому очень осторожному исследованию, и пользоваться таким материалом для изучения эпохи можно только с величайшей осмотрительностью. У меня не было дневников, которые могли бы помочь моей памяти, когда я писал эту книгу. У меня не было ни времени ни желания среди трудов и забот войны усаживаться каждый вечер за дневник, записывать в назидание потомству свои достижения за день. Это нисколько не помогло бы ни мне ни кому-нибудь другому при разрешении наших тогдашних очень серьезных задач. Я не считал также возможным писать эти «Мемуары» по личным воспоминаниям, которые уже стерлись в ходе времени или исказились под влиянием той необузданной похвальбы, которая при каждом повторении приобретает все более яркую окраску и все более непомерный объем. Это очень прилипчивая слабость, которой все мы должны остерегаться. Я поэтому не только подкреплял, но и выправлял свои воспоминания, обращаясь к свидетельству современных документов, докладов и бесед, официально зарегистрированных беспристрастными наблюдателями. Есть огромная масса информации, вполне доступная всем, кто даст себе труд исследовать и установить, что́ в самом деле происходило в эти грозные дни: это меморандумы и письма, написанные в то время; в них факты изображаются так, как они переживались, а мнения так, как они складывались у людей, которые в той или иной мере делали историю в те страшные, но великие дни. К счастью, я имел также доступ к самому надежному, официальному дневнику текущих событий и связанных с ними дискуссий, какой только велся когда-либо: я говорю о протоколах заседаний военного кабинета, имперского кабинета и межсоюзных конференций, которые велись сэром Морисом Ханки. Все записи тогда же представлялись на утверждение лиц,

* Многочисленные купюры в опубликованных отрывках из этих обширных дневников говорят об очень внимательной работе редактора. — *Ал. Ге.*

которым принадлежали те или иные заявления, отмеченные в протоколах. Мои «Мемуары» почти целиком основаны на этих современных документах. Все показания моей памяти я неизменно сопоставляю с письменными документами и соответственно исправляю. Я должен поблагодарить премьер-министра за то, что он разрешил мне пользоваться этими меморандумами, а также военное министерство за то, что оно с готовностью предоставило мне доступ к своим архивам. Все сменившиеся с тех пор министры и первые лорды адмиралтейства предоставляли мне все возможности изучить материалы, которыми они располагают, и за ряд лет до того, как я написал первую фразу этих «Мемуаров», я собрал во время войны при помощи моих личных секретарей огромную груду письменной документации. Все эти материалы были по моему требованию тщательно сгруппированы, изучены и проанализированы. Я прочел тысячи этих интересных и поучительных документов, прежде чем приступил к писанию своих «Мемуаров».

Когда появились в печати выдержки из «Дневников» лорда Хейга, отобранные искусным полемистом главным образом по признаку полезности их для той контроверзы, которая возникла по поводу деятельности покойного главнокомандующего нашими силами, я решил нисколько не менять установившийся у меня взгляд на историю великой войны, какой я ее видел. Поэтому, когда вышли томы Доффа Купера, мне не нужно было изменять или переделывать черновик, который уже был готов; я только очень внимательно пересмотрел и еще раз проверил факты, которые как будто оспаривает лорд Хейг. Память, когда она подкреплена даже свидетельствами современников, может ввести любого свидетеля в заблуждение, если нехватает хоть одного существенного звена в цепи ее показаний. Я поэтому чувствую себя обязанным редактору «Дневников» г. Доффу Куперу за его публикацию, потому что она заставила меня еще более основательно исследовать факты и процессы, которые привели к важнейшим решениям и событиям; об этих решениях и событиях я старался в своих «Мемуарах» дать добросовестный и точный отчет.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что мои расхождения с крупнейшими генералами не вызывались ни личными, ни политическими мотивами. Я никогда не ссорился ни с лордом Хейгом, ни с сэром Виллиамом Робертсоном. С Робертсоном у меня всегда были очень добрые отношения, а что до Хейга, то при всех моих многочисленных визитах в его главную квартиру во Франции он всегда встречал меня с величайшей любезностью, и я всегда чувствовал себя у него желанным гостем. Не было также никаких политических соображений или предрассудков, которые могли бы отрицательно повлиять на мое отношение к этим людям. Я до сих пор не знаю, каковы были политические взгляды Хейга, и никогда его об этом не спрашивал. У меня не было никакого представления о политических взглядах Робертсона. Я составил себе поэтому мнение как о Хейге, так и Робертсоне на основе фактов, которые не имели ничего общего с политическими симпатиями и антипатиями. Я оценивал

этих людей только как орудие для достижения победы. Что касается сэра Генри Вильсона, то он был всю свою жизнь неутомимым политическим интриганом. Каждый ирландец — неукротимый политик с юных до зрелых дней и даже позже. Я вспоминаю то, что мне сказал однажды г. Тим Хили: в городе Лондондерри каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок знают толк в законах о регистрации — во всем этом очень запутанном механизме партийной борьбы. Генри Вильсон не составлял исключения из этого правила о всеобщей горячей партийности его народа. Но его ненависть — а ведь дело доходило до этого — к той партии, к которой я принадлежал, и к тем принципам, на основе которых я был воспитан, не помешали мне выдвинуть его на самый высокий пост, какой только возможен в его профессии.

У меня нет никаких оснований думать, что Хейг был хоть сколько-нибудь заинтересован в борьбе политических партий. Все дело в том, что ему больше нравился асквитовский метод сотрудничества с генералами, чем мой. Асквит, когда он предоставлял кому-либо пост в том или ином ведомстве, уже больше не заботился о том, что происходит в этом ведомстве, если только деятельность назначенного им лица не вызывала каких-нибудь волнений в парламенте. Чем меньше он слышал о том или ином ведомстве, тем любезнее оно было его сердцу. Он никогда не осуществлял последовательного наблюдения за действиями своих министров или генералов. Его невозмутимый темперамент устраивал и тех и других гораздо больше, чем мой темперамент или темперамент Уинстона Черчилля! И ничего нет удивительного в том, что и Хейг и Робертсон предпочитали Асквита и его методы мне и моим методам. В критические дни войны, когда важно было не подорвать общественного доверия к главнокомандующему нашей армией, я ни разу не выступил публично по вопросу о его личной пригодности для дела такой огромной ответственности; но я никогда не скрывал ни от себя ни от моих коллег, что, по моему мнению, сэр Дуглас Хейг по своим интеллектуальным данным и по своему темпераменту не пригоден для командования многомиллионной армией, которая должна вести бои на далеких и недоступных непосредственному обозрению полях сражения. В основном г. Дофф Купер признает, что я был прав в моей оценке интеллектуальной подготовленности Хейга для такого дела. По словам Купера, Хейг был настолько хорошим солдатом, каким может быть человек, лишенный гения; это значит, что он был второклассным командиром в такой неповторимой и исключительной обстановке, в которой даже ресурсы первоклассного военного лидера, каким был Фош, оказались только едва достаточными, чтобы вытащить нас из беды. Хейг в свое время прошел длительную подготовку такого рода, которая совершенно не соответствовала испытаниям и требованиям этой войны. Он в этом не виноват. Никогда еще не было такой войны, как эта, и та узкая и косная военная доктрина, которой он учился и которую он потом преподавал, не позволяла такому негибкому уму сейчас же приспособиться к новым идеям. Он был выше средних людей своей профессии по уму и по

прилежанию — пожалуй, больше по прилежанию, чем по уму. Он был всегда упорным и добросовестным работником. Никто не сможет обвинить его в нерадивости или разгильдяйстве при выполнении своего долга. Он обладал неутомимой настойчивостью в достижении поставленной им себе цели. Но и г. Дофф Купер в своей оценке его дарований признает, что он был лишен элементов воображения и дальновидности, которые как раз и отделяют гения от человека обыкновенных способностей. И уж, конечно, он не обладал той личной притягательной силой, которая позволяла великим вождям внушать своим людям мужество, веру и дух жертвенности. Я говорю не о богах войны, не об Александре Македонском, Ганнибале, Цезаре или Наполеоне. Было бы несправедливо сравнивать их с кем-либо из генералов великой войны. Но у Хейга не было того уменья привлекать к себе массы и того уменья разбираться в обстоятельствах, какие были у Кромвеля, Марльборо или Стонуолла Джексона. Я имел когда-то неповторимое удовольствие беседовать с несколькими офицерами и солдатами, которые участвовали в американской гражданской войне на стороне конфедератов. Одни из них воевали под начальством Ли, другие под начальством Джексона, Борегарда и Джеба Стюарта. Самое глубокое впечатление на этих ветеранов, которые прошли через сотню битв, произвел Стонуолл Джексон. Я спросил одного из них, в чем, по его мнению, заключался секрет его власти над солдатами. «Видите, — ответил он, — я могу сказать только, что однажды, когда нам пришлось штурмовать совершенно неприступные, как нам казалось, позиции, наши люди отказались было итти в огонь; тогда появился офицер и сказал: «Это надо сделать — так велел генерал Джексон». Едва услышав это, мы закричали: «А, это старый Джек! Почему вы раньше не сказали?» И тотчас же бросились на укрепленные валы и перемахнули через них под градом пуль и снарядов». Они знали, что Джексон никогда не давал им невыполнимых заданий. Он никогда не приказывал итти в атаку, прежде чем не приходил к заключению, внимательно изучив местность, что смелые и решительные люди могут взять эту позицию. Единственный командир во Франции, который вызывал в своих людях такое же неограниченное доверие, был Плюмер. Хейг никогда не вызывал таких чувств в своей армии. Его имя не пробегало искрой по рядам бойцов и не вызывало дрожи в сердцах, и никогда он не удостаивал войска своим появлением. Я говорил с сотнями людей, которые дрались под его начальством за все время — от Фестюберта до Пашенделя, — и все они свидетельствуют о полном отсутствии той вдохновляющей силы, которая исходит от слов, от присутствия, от личности большого вождя. Вот почему назначение Фоша главнокомандующим было встречено с таким облегчением и с таким восторгом во всей британской армии. Нет сомнения, что Хейг не обладал теми высочайшими качествами, какие были необходимы для великого командира в этой величайшей в истории человечества войне.

Он был совершенно неспособен составить план кампании такого масштаба, какого требовал необъятный театр этой войны. Проблемы,

которые возникали перед командиром двух миллионов солдат, на фронте протяжением в 100 миль, требовали способностей очень высокого класса. Ни один британский генерал не стоял еще никогда перед такой гигантской задачей. Она, конечно, не соответствовала его умственным данным. Под начальством Марльборо, Веллингтона или Кромвеля он был бы весьма надежным командиром на фронте, на котором каждый акр земли доступен обозрению. Но когда ему пришлось вести сражение в болотах, которых он никогда не видел, или на территории в 100 миль, которую он не мог сам лично обследовать, — Хейг провалился. У него не было того внутреннего глаза, который мы называем воображением. Он был чем-то вроде слепого короля Богемии в битве при Креси *. Он целиком зависел от других в отношении информации, без которой нельзя было вынести сколько-нибудь серьезное решение; но те, которых он выбирал, чтобы они его просвещали на этот счет, были столь же слепы, как и он сам; мало того, они были даже ниже его по опытности, уму и добросовестности.

Но в довершение всего ему пришлось в своих расчетах учитывать и другие фронты в далеких странах, на других континентах — в некоторых случаях на расстоянии сотен и тысяч миль от него. Ум его не способен был охватывать такие расстояния, и он поэтому считал, что отдавать хоть что-нибудь из своих ресурсов для этих предприятий — это все равно, что тратить энергию для полетов на луну, тогда как ему нужен был каждый киловатт энергии, чтобы продвинуться еще на несколько ярдов вперед через препятствия, которые находились непосредственно перед его носом. Есть два документа, которые очень ясно показывают, чего нехватало Хейгу для верховного командования в мировой войне. Первый из них — обзор военного положения на всех фронтах, который он написал для правительства по моей просьбе в октябре 1917 г. Другой — его доклад кабинету, который он сделал в октябре следующего года, за три недели до капитуляции Германии, — о военном положении и перспективах на том этапе войны. Он даже не размышлял о том, будут ли Россия и Румыния воевать дальше или они выйдут из войны; будут ли сломлены Италия или Австрия; прикроет ли Болгария своими силами ворота Константинополя и Дуная или союзники снесут эти ворота; захватит ли Турция Суэцкий канал, создав этим угрозу нашему сообщению с Индией, захватит ли она нефтяные месторождения Баку, или мы ее выбросим из войны; надо ли оставить на собственно английских островах значительный резерв физически здоровых людей, чтобы поддержать жизнь 45-миллионного народа и сохранить наш контроль на море, хотя бы для того, чтобы обеспечить доставку подкреплений и материалов для армий самого Хейга, или не надо. Он угрюмо отказывался обсуждать все это даже тогда, когда мы ему ставили в упор эти вопросы.

---

* По преданию, в битве при Креси (1346), когда все уже было потеряно, один из союзников Филиппа VI, слепой король Богемии, потребовал, чтобы его коня привязали к коню одного из его рыцарей. Вместе с ним он ринулся на англичан и погиб в первой же схватке. — *Прим. ред.*

Г-н Дофф Купер очень настаивает на том, что его герой лишен «эгоизма». Да, он не был эгоистичен, но он был чрезвычайно эгоцентричен. Для него не существовало никакого дела, кроме того, которое он делал; никакой армии, кроме той, которой он командовал; каждый юноша в Британии существовал только для того, чтобы восполнять потери его армии. Никакая победа не была мыслима, если он не запроектировал ее в своих военных планах. Его зрение вбирало только очень ограниченный участок непосредственно перед его носом; он был слишком близорук, чтобы охватить глазами какой-нибудь, хотя бы соседний, ландшафт.

Я видел все эти недостатки нашего военного лидера. Отсюда мое недоверие к его пригодности для выполнения таких огромных задач. К несчастью, британская армия не выдвинула ни одного командира, который был бы более подходящ для того, чтобы занять этот пост. Нет сомнения, что Монаш, если бы ему была предоставлена возможность, достиг бы этой высоты. Но сообщения с театра войны ни разу не обратили внимания кабинета на огромные способности этого человека. Трудно было ждать от профессиональных военных, чтобы они открыто признали тот факт, что лучший стратег нашей армии был к началу войны лицом гражданским; чтобы они признали себя побежденными человеком, который никогда не знал мудростей военного обучения и подготовки.

Хейг мог бы ослабить бедственные последствия своей интеллектуальной неполноценности, если бы он призвал к себе на помощь людей, которые обладали бы теми достоинствами, которых он сам был лишен; эти люди могли быть его советниками или руководителями. К несчастью, никто еще не отмечал среди достоинств Хейга уменья разбираться в людях. Соображения личной приязни, светской любезности, врожденная сговорчивость определяли очень часто назначения на посты огромной и жизненной важности. Главная квартира должна быть счастливой семьей людей, в которой добрые отношения не нарушаются столкновениями независимых умов. По этой причине он часто выбирал своих коллег, помощников и подчиненных среди самых жалких людей. Прочтите список лиц, которые его окружали и на суждения которых он рассчитывал, и вы признаете справедливость моего утверждения. Даже, если бы он был человеком необычайных талантов — хотя этого никто не думает, — такой малоспособный штаб должен был очень мешать работе главнокомандующего в таком колоссальном состязании. Этот несчастный выбор объяснялся частично неуменьем Хейга разбираться в людях, а частично его неспособностью защищать свои позиции в каком-либо споре. Хейг был лишен дара внятно и связно излагать свои мысли. Беглость речи, конечно, не доказывает — хотя и не исключает — умственных способностей; однако ясность изложения бесспорно — один из вернейших показателей точности мышления. Немногословный человек всегда почитается мудрым человеком, но это все-таки зависит от ясности и содержания тех немногих слов, которые он высказывает. Ясность мысли определяет ясность изложения. Сила и свет идут вместе, и производятся они одним и тем же

механизмом. Сама по себе замедленность мышления не говорит еще об умственной неполноценности, кроме тех случаев, когда для серьезных дел необходимо принимать быстрые решения. Я знавал людей с несколько заторможенным мышлением, которые, если их не торопить, выносили в конце концов здравые суждения. Я встречал также людей с замедленной речью, которые, однако, ясно излагали свои мысли. Однако, по моим сведениям, тот, который говорит сбивчиво, еще никогда не был сильным мыслителем.

У Хейга было врожденное недоверие к военным, которые умели складно говорить. Некоторые из записей в его дневнике прямо об этом свидетельствуют. Вскоре после его назначения главнокомандующим он сделал визит во французскую армию, чтобы установить с ней добрые отношения с самого же начала своей работы. То, что он рассказывает о генералах, с которыми он там встретился, хорошо характеризует его самого. Об одном генерале, которого он там увидел, Хейг написал: «исключительный джентльмен и хороший солдат. У него безусловно есть «огонек».

Знаменательно, что этот, по словам Хейга, «исключительный» человек так и не стал сколько-нибудь видной фигурой в армии.

О другом офицере он пишет:

> «Он произвел на меня большое впечатление. Очень спокоен и молчалив для француза, очень скромный человек, несомненный джентльмен».

Надо отдать должное тонкому французскому пониманию человеческой природы: именно этот молчаливый и скромный джентльмен был назначен офицером связи в главную квартиру Хейга. Не сомневаюсь, что он там очень пришелся к месту.

Хейг никогда не умел отстоять свои взгляды в беседах с военными или государственными деятелями, если эти последние умели ясно и бегло излагать свои мысли. Он поэтому относился к ним с недоверием и предпочитал людей, у которых совсем не было мыслей и которые не вступали с ним в спор. Ему нравились заурядные офицеры с хорошей выправкой. Офицер, который соответствовал формулировке «офицер и джентльмен», вполне удовлетворял его требованиям.

В этом обществе исключительных джентльменов и хороших военных он встретил также Фоша. Вот все, что он мог записать о нем в своем дневнике:

> «Что касается Фоша, то он «южанин» и очень любит поговорить».

Таким было его отношение к Фошу. В каждой моей беседе с Хейгом во время войны он отзывался о Фоше несколько снисходительно; впрочем, он находил Фоша забавным. Но уже недалеко было то время, когда он должен был признать, что этот «южанин», который любит поговорить, — «решительный генерал, который будет драться», человек большого мужества и твердости. Уже скоро Хейг должен был просить его взять на себя руководство сражением,

которое он, великий молчальник, довел почти до полной катастрофы.

Г-н Дофф Купер в своем подборе выдержек отмечает — совершенно невольно, конечно, — другую, очень неприятную черту характера Хейга. Он приписывает своему герою благородство, великодушие, бескорыстие, верность. В «Дневниках», однако, есть записи, которые говорят о поступках, совершенно несовместимых с этими преувеличенными утверждениями. Вспомним, например, об интригах Хейга совместно с Эшером и Робертсоном, чтобы заставить своего непосредственного начальника уйти с поста верховного командующего; вспомним другую интригу совместно с Робертсоном и Эшером, чтобы выставить Китченера из военного министерства и добиться посылки его в Индию, а Робертсона назначить начальником имперского генерального штаба. «Лорд Эшер обещал поддержать взгляды Хейга в Лондоне». И, как отмечает восторженный редактор, несомненно «выполнил это обещание со значительным успехом». Хейг извлек пользу из первого маневра, Робертсон — из второго. Действовали они исподтишка, а это совершенно несовместимо с благородством и верностью. Эшер был по своим склонностям и по своим методам интриган. Он любил интригу ради нее самой. Он не ждал от нее выгоды, он получал удовлетворение от самого этого занятия. Хейг очень скоро и успешно воспринял эти методы. Он оправдывается тем, что все соображения личной верности должны были быть подчинены единой задаче — выиграть войну; он, дескать, не отступал перед выполнением своего долга, даже если это требовало его личного выдвижения. Но если бы Робертсон и Хейг своевременно известили Френча и Китченера о тех «представлениях», которые они уже успели сделать премьер-министру, — можно было бы признать их поведение оправдываемым обстоятельствами. Однако Робертсон и Хейг для личной выгоды произвели настоящий подкоп, чтобы сбросить своих начальников; они не предупредили своих противников об опасности, они не дали возможности своим жертвам добиться очной ставки с их обвинителями и опровергнуть обвинение. В тот момент, когда Хейг писал свои доносы, Френч был главнокомандующим. Лорд Китченер в качестве военного министра был его (Хейга) и Робертсона начальником по министерству. Что остается после этого от заявления Хейга: в то время нельзя, мол, было открыто выражать свое неодобрение стратегии главнокомандующего действующей армии — даже на тайных советах, — потому что это подорвало бы, мол, доверие к военному руководству? Этот «сверхлойяльный» человек не стеснялся перекладывать вину за свои ошибки на своих начальников, своих сотрудников или своих подчиненных. Он провалился при Лоосе; виноватым оказался Френч, и он донес об этом, тайком от Френча, правительству. Его первая большая атака на Сомме была в конечном счете отражена противником с большими для нас потерями. В своих «Дневниках» он объясняет эту неудачу тем, что командующие армиями и командиры дивизий отказались, мол, выполнить его планы. Пятая армия генерала Гофа была разгромлена у Амьена, потому что Хейг, во-первых, не принял

необходимых мер по укреплению линии защиты; во-вторых, так плохо распределил силы, что армия, которая, как это было известно Хейгу, должна была подвергнуться атаке в первую очередь, имела для защиты фронта меньше войск, чем все другие; и в-третьих, еще потому, что он отказался выполнить план о создании общего резерва для посылки на опасный сектор, который он ранее сам утвердил. Но когда Гоф в результате всех этих обстоятельств, за которые несет ответственность Хейг единолично, был разбит, — Хейг, вместо того чтобы принять на себя ответственность, как «офицер и джентльмен», сместил Гофа и оставил правительство в убеждении, что отставленный генерал сам во всем виноват. Во всем этом очень мало «благородства».

Возьмем другой пример. Он и Петэн заключили заговор, чтобы сорвать план создания общего резерва, а своим правительствам они сообщили, что ими уже разработаны подробнейшие планы помощи друг другу в случае необходимости, что эти планы абсолютно выверены и будут действовать автоматически. Когда же эта необходимость возникла, а «абсолютно выверенные» планы и не думали действовать «автоматически», тогда Хейг заявил, что Петэн в тот момент почти потерял душевное равновесие или, выражаясь более сильным, хотя и невысоким стилем, его коллега «перепугался до чортиков». Он обвинял Петэна в том, что тот, якобы, хотел отступить к Парижу, оставив британскую армию на произвол судьбы; в крайнем случае англичане должны были, мол, ускользнуть на север любым путем, но без помощи французов. В этом заявлении тоже немного «верности».

Теперь о «великодушии». Я хочу привести один пример великодушия — или, скорее, отсутствия такового, — который касается меня лично. Хейг и сам лично и при помощи своих друзей очень старался создать впечатление, что мартовские поражения 1918 г. объяснялись огромным численным превосходством неприятеля; Хейг оказался, мол, в безнадежном положении из-за того, что я не позаботился дать ему необходимые подкрепления. В V томе «Мемуаров» я исчерпывающе разобрал это обвинение, привел официальные данные, которые показывают, какая это лживая и бессовестная уловка с его стороны — взваливать на других вину за неуменье распорядиться теми огромными человеческими и материальными ресурсами, которые были ему предоставлены. Когда Хейг принял верховное командование в декабре 1915 г., силы британской экспедиционной армии во Франции составляли 986 189 человек. В промежутке между вступлением его в должность командующего и началом марта 1918 г. он бросал эту огромную армию в многочисленные и кровопролитные наступления, из которых ни одно не дало решительного результата. Потери британских войск во Франции за этот период достигли чудовищной цифры в 1 683 887 человек (с 1 января 1916 г. по 28 февраля 1918 г.). И тем не менее, благодаря усилиям правительства, стремившегося поддержать численность армии на прежнем уровне, силы, находившиеся в его распоряжении в марте 1918 г., составляли 1 886 073 человека. (Цитирую по официальным статисти-

ческим данным, опубликованным в издании «Британская империя в войне».)

Когда я стал премьер-министром в декабре 1916 г., в состав армии входило:

Офицеров	58 098	человек
Солдат	1 476 633	человека
Всего	1 534 731	человек

В марте 1918 г. силы английской армии возросли на 341 тысячу человек, несмотря на гигантские потери, понесенные в наступлениях 1917 г.

Если учесть улучшение в снаряжении, то соотношение между боевой силой армий сэра Дугласа Хейга в марте 1918 г. и боевой силой армий в декабре 1915 г. окажется еще более поразительным. Когда Хейг принял командование в декабре 1915 г., число тяжелых орудий британской экспедиционной армии во Франции и Фландрии составляло 235; в марте 1918 г. их было уже 2 062. Особенно следует обратить внимание на увеличение количества орудий крупных калибров. Если перейдем к пулеметам, надо вспомнить, что противодействие военного министерства расширению производства пулеметов, этого самого смертоносного орудия войны, было преодолено главным образом благодаря моим усилиям. Об этом я говорил во II томе этих «Мемуаров». В 1914 г. (август — декабрь) пулеметов было изготовлено 274. В результате произведенных мною срочных мероприятий в 1915 г. их было изготовлено уже 6 064. Мои усилия увеличить производство этого грозного оружия начали впервые приносить плоды незадолго до января 1916 г. Хейг же стал главнокомандующим в конце 1915 г. В 1916 г. производство пулеметов достигло 33 200 штук; в 1917 г. — 79 438; подавляющее большинство пулеметов отправлялось к сэру Дугласу Хейгу в его армию во Францию. В своих «Дневниках» он признает, что один пулемет Льюиса равен по своей боевой силе значительному числу пехотинцев.

Теперь — о снарядах. Средний еженедельный расход снарядов в апреле 1916 г., когда новые запасы только начали поступать, составлял 80 673 заряда шрапнели и 77 590 разрывных снарядов. В апреле 1918 г.: 786 378 зарядов шрапнели и 1 197 771 разрывной снаряд. Если сравнить калибры снарядов, контраст станет еще более выразительным. Это огромное увеличение дали нам заводы, которые я построил, и фабрики, которые по моему приказу были приспособлены для производства снаряжения. Я принимал также очень заметное участие в работе по набору людей в армию. Сэр Виллиам Робертсон признал в письме, которое я опубликовал в одном из предыдущих томов, что проведение закона об обязательной военной службе в большой мере было результатом кампании, которую вел я. Но если мы перейдем к вопросу о производстве всех видов снаряжения, пушек, пулеметов и траншейных мортир, я могу сказать без всяких колебаний, что расширение производства до достигнутых пределов было результатом моей, главным образом, работы по организации технических ресурсов нации для этой цели.

А вот еще одно очень странное обстоятельство. Как мне известно, в дневнике Хейга можно найти множество дотошных записей — иногда о событиях большого исторического значения, иногда об инцидентах самого тривиального характера. Но во всем этом интимном рассказе Хейга о его делах и думах во время войны нет ни одной записи, в которой он бы признал, что производство тысяч тяжелых орудий, десятков тысяч пулеметов, десятков миллионов снарядов, которые позволяли ему вести свои великие бои, было организовано человеком, о котором он постоянно упоминает в самом уничтожающем для того тоне. Если бы в его обширных «Дневниках» была хоть одна такая запись, то я не могу допустить, чтобы г. Дофф Купер нарочно ее выбросил, поскольку он так выделяет все личные нападки Хейга на меня в различных местах его «Дневников». Такое непорядочное понимание своего долга, как редактора исторического документа, конечно, совершенно не свойственно г. Дофф Куперу. С другой стороны, столь же трудно поверить, чтобы человек, которому г. Дофф Купер приписывает такое благородство и великодушие, даже в момент своего триумфа не отметил, хотя бы мимоходом, той помощи, которую оказал ему при достижении победы первый министр Англии — министр, все недостатки которого он считает своим долгом неустанно разоблачать в своих «Дневниках». Еще один факт делает совершенно удивительным полное отсутствие какого-либо упоминания о моей помощи Хейгу при проведении им больших кампаний: у меня имеется собственноручное свидетельство самого сэра Дугласа Хейга о том, что он полностью сознавал, сколь многим он был обязан мне за быструю переброску орудий и снарядов для его армии. Приведу личное письмо, написанное сэром Дугласом Хейгом мне 23 сентября 1916 г. (в период сражения на Сомме). В этом письме он пишет:

> «Вся армия полностью оценила выполненную под Вашим умелым руководством поразительную работу по снабжению нас огромным количеством снарядов всякого рода, без которых наши нынешние успехи были бы невозможны. . .»

Сравните с этим поразительную неспособность г. Доффа Купера найти в дневнике хоть одну запись, в которой Хейг выражал бы свою благодарность за эту оказанную ему огромную помощь. Наметанный глаз г. Доффа Купера нашел все слова осуждения, и его перо с излишней даже готовностью опубликовало эти оскорбления; и однако же он не смог найти в дневниках ни одного слова благодарности, которую сам Хейг в своем письме признал заслуженной. У сэра Дугласа Хейга были, вероятно, горькие воспоминания о том времени, когда ни он, ни его предшественники не имели тяжелых орудий для атаки германских траншей, а те легкие пушки, какие еще были в их распоряжении, должны были расходовать очень ограниченное число снарядов в день, чтобы хоть как-нибудь отвечать немцам на их истребительную бомбардировку британских траншей. В своем дневнике Хейг объясняет неудачу своей атаки при Артуа тем фактом, что наша артиллерийская бомбардировка не смогла раз-

громить германские траншеи или даже уничтожить проволочные заграждения перед ними. Он вспоминает также полученный им в мае 1915 г. приказ «беречь снаряды», так как ожидается атака немцев на Ипре. Именно тогда я взял на себя ответственность за организацию снабжения армии снарядами. К тому времени, когда он начал атаку на Сомме, его армия имела уже сотни лучших тяжелых орудий, какие находились на театре войны, а поступление снарядов уже достигало одного миллиона штук в неделю. Заводы, которые я построил или распорядился приспособить для военных нужд, производили к концу войны из недели в неделю огромное количество оружия, пулеметов, танков, траншейных мортир и снарядов. Возможно ли, чтобы на всем протяжении дневника не было ни одного слова признательности за эту помощь?

Г-н Дофф Купер начинает главу о битве на Сомме следующими словами, которые он заимствует, я надеюсь, из дневника:

> «Бомбардировка продолжалась семь долгих дней. Одни только британские орудия выбросили на германские линии миллион снарядов».

У него есть и другие цитаты из дневника Хейга, которые говорят о том, что увеличенное снабжение пулеметами позволяло командованию экономить живую силу армии. Но нет ни одного слова благодарности и признания, что производство этих орудий и снарядов было результатом месяцев неутомимого труда по использованию и организации технических ресурсов Великобритании, для того чтобы дать возможность британским армиям во Франции бороться на равных началах с хорошо экипированным неприятелем! Ни слова о нашей борьбе с военным министерством за то, чтобы оно разрешило нам поставить это неслыханное огромное производство тяжелых орудий и пулеметов. Ужасающая бомбардировка в Пашенделе, в которой были израсходованы десятки миллионов снарядов, оказалась возможной также только благодаря этой созданной нами и таким напряжением новой организации. Но эта несправедливость и эта неблагодарность не ограничиваются вопросами материального снабжения армии. Мало того, что колоссальные человеческие потери неизменно восполнялись благодаря усилиям правительства, главой которого был я, — восполнялись, несмотря на очень значительные внутренние затруднения, — но даже самые контингенты действующей армии, находившиеся под его командованием, увеличились на сотни тысяч человек с того времени, как я стал премьер-министром. И, однако, единственный отклик Хейга по поводу превосходной армии, которую он получил для борьбы с германским нашествием, мы находим в кислом и ворчливом замечании, что правительство в Англии его обижает. В этом очень мало «великодушия», о котором мы столько слышали. Это скорей гнусно, чем великодушно.

Перехожу теперь к утверждению Хейга, что он был главным и первым инициатором решения об установлении единства командования на западном фронте. Когда идея единого командования получила общее признание, объявилось очень много претендентов на

звание «инициатора» этой идеи. Когда она была еще очень непопулярна в прессе, когда она еще считалась подозрительной в парламенте, несерьезной и сомнительной — в верхушечных кругах военных профессионалов, — тогда никто у меня не оспаривал чести быть первым застрельщиком в борьбе за этот проект. Когда я сделал первую попытку обеспечить единство командования весной 1917 г., кабинет министров со мной согласился; но если бы я предложил немедленно провести эту идею в жизнь, не останавливаясь перед возможностью разрыва с Хейгом и Робертсоном, возникли бы, несомненно, серьезные политические затруднения. Г-н Дофф Купер приводит письмо лорда Дерби; оно дает некоторое представление о тех внутренних затруднениях, с которыми я должен был столкнуться, когда проводил в жизнь эту идею; а теперь уже все признают эту идею, и многие, в том числе Хейг, считают ее даже своей собственной оригинальной идеей. Вот почему я не мог тогда сразу же сбросить Хейга; вот почему и произошла роковая оттяжка.

В сущности, единство командования могло быть достигнуто уже в рамках версальского плана о создании общего союзного резерва под командованием Фоша. Оба главнокомандующих союзными армиями должны были бы согласовывать свою стратегию и тактику с генералом, который командовал бы общими союзными резервами. Хейг это хорошо понимал. Его отношение к резолюции о создании союзного резерва хорошо видно из записи, которую он внес в свой дневник в день, когда в Версале было принято это решение: «До некоторой степени она делает Фоша генералиссимусом союзных армий». Петэн составил себе такое же мнение о смысле этого решения. Такого же мнения был Клемансо. Ни один из этих выдающихся людей не хотел подымать Фоша на такую высоту.

Отсюда — интрига, которая впоследствии разрушила весь план создания общего союзного резерва. Отсюда идут также корни катастрофы 21 марта. Фош предсказал, что, если не будет общего резерва, поражение неизбежно. Когда это случилось, и Хейг и Петэн очень испугались результатов своего саботажа * и сразу же согласились передать ответственность за спасение положения, которое они сами создали, любому человеку, который согласится принять на себя эту ответственность, если только политические деятели считают его кандидатуру приемлемой.

Запись Хейга в его дневнике от 25 марта, когда он посетил поле битвы (на четвертый день сражения) и увидел своими глазами положение вещей, дает некоторое представление о его настроении.

> «Понедельник, 25 марта 1918 г. . . . Возвратился из Дюри вместе с генералом Лоуренсом и Хизлтайном около трех часов утра.
>
> Лоуренс сейчас же ушел протелеграфировать Вильсону, чтобы он и лорд Милнер сейчас же приехали во Францию.

* Хейг записал на третий день сражения: «Петэн поразил меня; он был совершенно потрясен, весьма озабочен и почти не владел собой» (*Duff Cooper*, Haig, v. II, p. 252).

> Они должны добиться того, чтобы генерал Фош или какой-нибудь другой решительный генерал, который способен драться, получил в свои руки верховное руководство всеми нашими операциями во Франции. Я знаю, что стратегические идеи Фоша совпадают с теми инструкциями, которые дал мне лорд Китченер, когда я стал главнокомандующим, и что он человек большого мужества и твердости, как это мы видели во время боев на Ипре в октябре и ноябре 1914 г.»

Итак, — «Фош, помоги!»

Только панический страх мог произвести такое полное превращение и в несколько дней создать у Хейга убеждение в совершенной необходимости фошевского руководства всеми операциями на полях сражения. Если вспомнить то равнодушие, с которым Хейг принимал сообщение об огромных приготовлениях германских войск, артиллерии и аэропланов к атаке плохо укрепленных британских позиций; если вспомнить, как презрительно он отшвырнул план создания огромного резерва под начальством Фоша для защиты этих позиций, когда развернется германская атака, — это *потрясающее превращение* должно показаться чудом.

Хейг охотно соглашался теперь предоставить расхлебывание той каши, которую он и Петэн исподтишка заварили, «генералу Фошу *или какому-нибудь другому решительному генералу, который способен драться*». Фош оказался «человеком большого мужества и твердости». Когда именно пришел Хейг к этому заключению? Единственное известное нам суждение, высказанное Хейгом о Фоше в его дневнике (поскольку это позволено нам узнать), сводится к тому, что Фош «любит поговорить», тогда как другой ничем не замечательный француз, с которым он встретился в то же время, рекомендуется нам как «прекрасный солдат». Хейг обычно отзывался о Фоше в тех выражениях презрительной снисходительности, в которых косноязычные отзываются о людях с нормальным даром речи. По его словам, он предложил, чтобы Милнер и Генри Вильсон приехали во Францию и передали Фошу «верховное руководство всеми операциями во Франции». Теперь друзья Милнера и Хейга приписывают то Милнеру, то Хейгу честь быть инициатором предложения о том, чтобы Фошу было поручено координировать действия французской и английской армий. Не мое дело высказываться по существу этого спора. Было ли назначение Фоша в Дуллане координатором (а не командующим) предопределено паническим страхом Хейга или силой убеждения лорда Милнера, это, без сомнения, решит когда-нибудь беспристрастный историк. Я лично думаю, что было и то и другое.

Пуанкаре, Клемансо и Петэн также выступают претендентами на эту честь; они, мол, также участвовали в этом дулланском движении к единству. Они правы, потому что они тоже были охвачены паникой, за которую по крайней мере двое из них несут весьма значительную ответственность. Все они присутствовали на конференции и приняли участие в выработке соглашения.

В одном из предыдущих томов я подробно рассказал о последовавшем затем назначении Фоша главнокомандующим, как это отражено в современных документах. Факты говорят сами за себя. Борьба за честь быть инициатором той или иной идеи всегда бесплодна и неприятна. Я должен все же в интересах истины исправить одну ошибку, которую допустил Дофф Купер в своем рассказе о дулланском эпизоде. Он утверждает, что, хотя я некогда был горячим защитником идеи назначения союзного генералиссимуса, в Версале я эту идею оставил, а Милнер в Дуллане ее подхватил. Он сумел в одном параграфе соединить три ложных утверждения — это несомненно исключительное достижение даже для самого беззастенчивого полемиста: 1) будто я предложил назначить генералиссимуса союзных армий; 2) будто я отказался от этой идеи в Версале; 3) будто эта идея была окончательно сформулирована Милнером в Дуллане. Но я никогда не предлагал назначить союзного генералиссимуса. Я знал, что это практически недостижимо. Ни Россия, ни Италия, ни Бельгия не стали бы даже рассматривать предложения о подчинении их армий чужестранному главнокомандующему. Я предлагал только создать единое командование на западном фронте. Это и было достигнуто временно Брианом и мной весной 1917 г. Я делал все возможное, чтобы восстановить это единство, когда я предложил в Версале создать на западе общий союзный резерв и поставить его под начальство Фоша. Милнер был тогда вместе с нами на конференции, и, хотя он был горячим сторонником единства командования, он также признал, что на той стадии итти дальше в этом направлении пока невозможно. Потом оказалось, что даже и это было еще преждевременным по тогдашней ситуации. Подозрения и колебания расстроили наш план. И только мартовская катастрофа позволила нам сделать дальнейшие шаги в этом направлении. Саботажники идеи общего союзного резерва под начальством Фоша — Хейг, Петэн и Клемансо — только тогда признали абсолютную необходимость единства, и в Дуллане они уже умоляли дотоле презираемого Фоша притти к ним на помощь и «координировать» весь этот хаос. Но Дуллан не сделал еще Фоша генералиссимусом. Когда впоследствии в Бовэ Фош был назначен главнокомандующим французской и британской армиями в Бовэ, итальянский премьер отказался признать это назначение обязательным для итальянской армии. Он принимал только то соглашение в Дуллане, по которому Фошу поручалось «координировать» действия союзных войск с согласия командующих каждой из трех армий, но без права командовать этими армиями. Пристрастность г. Дофф Купера заставляет меня привести свидетельство самого авторитетного лица по вопросу о том, как мы пришли к единству командования — свидетельство самого Фоша. Бюнье в своей записи бесед с Фошем указывает, что последний сообщил ему:

«Ллойд Джордж больше всех других содействовал достижению единства командования. Уже на конференции в Рапалло, когда был создан версальский комитет, — даже раньше,

*

уже 17 октября 1914 г. — он ясно видел положение вещей. Он и меня тогда сочинил!» [*]

Я могу также привести выдержку из письма, которое я получил от самого Фоша, но не во время, а после войны. Это был его официальный ответ на благодарность, которую выразили ему наши обе палаты за громадную роль, которую он сыграл в деле победы:

«23/VIII 1919 г.

Дорогой премьер-министр,

...Я не забываю, что если я был призван к верховному командованию всеми союзными армиями, то это случилось по Вашей инициативе, и этим я обязан Вашему доверию. Если я смог привести войну к скорой победе, то этим я обязан постоянной готовности английского правительства поддерживать свои армии во Франции в 1918 г. на достаточном уровне боевой мощи и оказывать огромную помощь в деле переброски американских дивизий в Европу.

Пользуясь таким высоким доверием и такой серьезной помощью, я со своей стороны прилагал все усилия, на какие был способен, чтобы добиться победы, старался наилучшим образом использовать те средства, которые мне были предоставлены в такой широкой мере...

Ф. Фош».

Я никогда не прекращал борьбы за единство командования на западе. Но я никогда не считал бы необходимым напоминать о том упорстве, которого потребовала от меня эта борьба, если бы г. Дофф Купер не прилагал сверхъестественных усилий, чтобы умалить значение моей работы. Я не намерен хотя бы в малейшей степени отрицать великие услуги, оказанные Хейгом, Милнером или Клемансо в Дулланс в деле обеспечения некоторой координации действий британской и французской армий. Я не собираюсь возражать по поводу заявления самого Хейга, что выступление Милнера основывалось на том выводе, к которому он (Хейг) в конце концов пришел: что надо просить Фоша вытащить британскую армию из той трясины, в которой она оказалась. Хейг говорит, что это было его предложение, а Милнер с ним согласился. У меня нет никакого желания оспаривать это заявление. Что же касается тех объяснений, которые дает Хейг по поводу мартовской катастрофы и ее причин, то они неверны, неполны и способны ввести в заблуждение. Никто не мог ждать от Хейга, чтобы он даже в своем интимном дневнике — особенно в дневнике, который предназначался для обнародования в свое время, — признал свою ответственность за это поражение. По-человечески вполне понятно, что он ищет оправданий, которые могли бы «покрыть» его собственные ошибки. Но он ради этого выходит за пределы фактов, иногда прямо отбрасывает факты, а часто прямо им противоречит. Позвольте мне привести несколько

[*] *Bugnet*, Foch Talks, p. 218.

примеров наиболее серьезных искажений фактов, которые можно найти в выдержках г. Доффа Купера:

> «1. Все возможные приготовления для отражения (германского наступления) были сделаны».

Это, попросту говоря, неправда.

а) Укрепления были совершенно недостаточны, а в некоторых частях носили совершенно «условный» характер. Когда началось наступление, то ряд траншей и пулеметных гнезд, которые были необходимы для эффективной обороны, оказалось, существовали только на бумаге. И генерал Гоф и «Официальная история войны» говорят о возмутительной недостаточности наших укреплений.

б) Войска были распределены таким образом, что пехота и артиллерия прикрывали крупными силами неугрожаемый участок фронта, а на угрожаемом секторе находились только жидкие силы и слабые резервы. Большая часть наличных войск была сосредоточена на севере, а V армия, на фронте которой в течение недель ожидалось большое германское наступление, была оставлена почти без поддержки. Хейг, по словам г. Доффа Купера, заявляет в своем дневнике, что на 4-й день боя он решил ослабить свои силы на севере и стянуть резервы к Амьену. Но почему он отложил эту совершенно очевидную операцию до того момента, когда наша армия была окружена? Он сам признает, что уже за несколько недель до 21 марта он знал, что готовится гигантское германское наступление на его южные армии; почему он не перебросил тогда силы с севера на юг? В северных армиях на километр защищаемой линии приходилось вдвое больше солдат, чем у Гофа на юге, и во много крат больше чем у Бинга. В «Дневниках» нет соответствующих выдержек, которые объяснили бы, почему Хейг так фатально распределил свои дивизии. Если вспомнить, что Хейг пришел к заключению о непригодности лорда Френча для поста верховного главнокомандующего именно потому, что в битве при Лоосе тот держал свои резервы слишком далеко от линии борьбы, то становится совершенно непонятным, почему сам Хейг повторил эту ошибку в более широком масштабе и с еще более бедственными результатами. Лорд Хейг сам вынес приговор своим дальнейшим действиям, когда он в 1915 г. внес в свой дневник резкое осуждение тех методов использования резервов, которые применял Френч. Если главнокомандующий остается слеп к урокам войны в этой важнейшей части, мы едва ли имеем право надеяться на победу над врагом.

в) Хейг сорвал план, согласно которому вокруг Амьена должны были быть сосредоточены крупные резервные силы—главным образом французские. Эти силы могли бы быть брошены в бой без всякого промедления. Он признает в своем дневнике, что *на третий день сражения* он «попросил Петэна перебросить к Амьену большие французские силы — 20 дивизий». По версальскому плану, Петэн должен был выделить для общесоюзных резервов 13 дивизий. Если Хейг и Петэн не противились выполнению этого плана, у них было бы в резерве 30 дивизий; и так как с каждым днем из донесений

становилось все более ясно, что неприятель готовится атаковать нас где-то в районе Амьена, Фош мог перебросить достаточное количество этих резервных дивизий в тот район, чтобы они поддержали британскую армию, когда она должна будет выдержать напор германской атаки. Это позволило бы англичанам не только отстоять свой участок фронта, но и перейти в контратаку. Когда Хейг обратился к Петэну с просьбой о переброске 20 дивизий, сражение продолжалось уже 3 дня, и большая часть британского участка фронта уже находилась в германских руках. Более того, резервы Петэна были рассеяны между Нуайоном и швейцарской границей.

В свете этих установленных фактов трудно оправдать утверждение Хейга, что «все возможные приготовления для отражения германского наступления были сделаны». Это заявление поразительно; это еще одна демонстрация той ни с чем несравнимой легкости, с которой Хейг прикрывает свои неудачи при помощи самоуспокоительных выдумок. Эта способность позволила ему пережить пашендельскую бойню с твердым убеждением, что те нескончаемые и страшные неудачи, которые совершенно измотали его превосходную армию, представляли собой на самом деле созвездие блистательных побед, которые разбили германскую армию вдребезги.

В «Дневниках» есть невольное признание полнейшей случайности тех методов, которые применяло наше верховное командование великой армией в современных условиях войны. В течение 2 дней после того, как началось мартовское сражение, английские войска должны были драться с самой большой и наилучшим образом экипированной армией, какая когда-либо вводилась в бой. Силы противника превосходили наши силы в два или три раза. Наши войска были отброшены, и должны были отступить по всей линии фронта. Неприятель прорвал наши линии на протяжении многих миль, и мы отступали в полном беспорядке. В эти критические дни, когда катастрофа обрушилась на нашу армию, ни сэр Дуглас Хейг, ни начальник его штаба ни разу не посетили поле сражения, чтобы побеседовать с командующими армий. На третий день сражения Хейг покинул свою резиденцию в замке, чтобы посмотреть, как идут дела. Когда он прибыл на фронт, то, по его собственным словам, «был очень удивлен, что армия Гофа уже находится за Соммой!» Вот и все, что он знал о происходившем. Он сейчас же попросил Петэна послать ему в помощь 20 французских дивизий. Когда Петэн ему в этом отказал, Хейг только *на четвертый день сражения*, по свидетельству его же «Дневников», решил перебросить свои собственные резервы с севера на юг. Все это *в книге* выглядит очень благополучно. Армия Гофа к этому времени была уже отброшена от своих первоначальных позиций в некоторых пунктах на расстояние до 16 миль. По всей линии наши укрепления были прорваны. В Пашенделе Хейгу понадобились 4 месяца упорной борьбы, чтобы оттеснить германскую армию на 3—4 мили в момент наибольшего разворота его наступления. Когда наши танки прорвались к Камбрэ, Людендорф, не теряя времени, стянул подкрепления с других участков фронта, и эта быстрота маневра позволила ему

превратить поражение в победу. В то время у союзников на всем фронте было почти в полтора раза больше войск, чем у Людендорфа.

В«Дневниках» Хейга еще одно или два ошибочных утверждения, которые я готов отнести за счет ошибок памяти, а не за счет сознательного желания ввести читателя в заблуждение. Хейг утверждает, что, если бы он не отказался «послать еще войска в Италию или создать общесоюзные резервы, союзники оказались бы перед полной катастрофой, от которой их отделяло уже очень немногое». На самом же деле мы были далеки от мысли просить его послать еще войска в Италию; мы отозвали 2 английские дивизии из Италии уже за несколько времени до того, как началось великое сражение. Мы еще до этого сражения заручились даже согласием итальянского правительства на переброску нескольких итальянских дивизий во Францию. Но ни Хейг, ни Петэн не выказали по этому поводу никакой радости и не приняли никаких мер, чтобы использовать эту возможность. Я не понимаю, что имеет в виду Хейг, когда он в этой связи упоминает об общесоюзном резерве. Нет сомнения, что наличие мощного резерва у Амьена предупредило бы катастрофу. Но почему бы это могло ускорить или усилить ее? Он должен был бы выделить для резерва некоторые силы и ослабить свои сверхукрепленные позиции на севере. Но ведь это пришлось ему в конце концов сделать.

Другое ложное утверждение Хейга. Он жалуется, что правительство не поздравило его после его замечательной победы в августе 1918 г. Повидимому, сэр Генри Вильсон внушил ему, что кабинет огорчен тем количеством жертв, которые потребовались для достижения этих триумфов. Хейг ответил Вильсону, что оно (т. е. правительство) могло бы, по крайней мере, поздравить его с победой. Я очень внимательно перечел все протоколы заседаний военного кабинета за то время и вижу, что мы не только не протестовали против большого количества жертв, которые были понесены в этих важных сражениях, но даже выразили удовлетворение, что эти жертвы по сравнению с достигнутыми успехами относительно невелики; и, конечно, они были невелики по сравнению с той резней, которая происходила в предыдущих наступлениях. Я вижу, далее, что после этих сражений по моей инициативе была принята британским имперским кабинетом (а в этот кабинет входили все члены британского военного кабинета) резолюция, которая поздравляла Хейга с успехом. Из протокола видно также, что на другой день Хейг выразил свою признательность по этому поводу. Что касается напоминания о жертвах, то сэр Генри Вильсон в этом случае действовал исключительно по своей собственной инициативе. Во время боев на Сомме и в Пашенделе я не раз протестовал по поводу огромных жертв, которые были понесены во имя малозначительных или даже сомнительных результатов. Но победы августа 1918 г., которые помогли сломить сопротивление неприятеля и существенно содействовали достижению окончательной победы, стоили сравнительно немного жизней. Я не могу отвечать за письмо сэра Генри

Вильсона к Хейгу. У Вильсона в характере всегда была эта черта — склонность, чтобы не сказать сознательное желание, посеять раздор, поссорить; это происходило не раз, и он к этому стремился. С другой стороны, он в то время очень стремился заслужить расположение нашего главнокомандующего, который ему упорно не доверял. Вильсон знал о том, что Хейг ему не доверяет; он думал, может быть, что Хейг примет это конфиденциальное сообщение как дружеский акт и решит, что он может рассчитывать на Вильсона в отношении полезной для него, особо доверительной информации. Очень трудно проследить подлинные мотивы у человека с таким сложным характером, какой был у сэра Генри Вильсона. Вокруг людей, достигших высокого положения, всегда копошатся сплетники, которые хотят доказать свою беспримерную верность в отличие от враждебности или предательства других. Нужна большая внутренняя сила и широта взгляда, чтобы такого рода болтовня не породила подозрительности и недоброжелательства между людьми, сотрудничество которых необходимо для успеха общего предприятия. Готовность некоторых людей верить ядовитым сплетням не раз приносила непоправимый вред в политике и в деле ведения войны. Я это знаю по опыту. Хейг был весьма склонен прислушиваться к тому, что говорили эти зловредные сикофанты. Френч пал от удара в спину, который нанесли ему его друзья, именно тогда, когда перед ним открылись широкие возможности. Удалось убедить тогдашнего премьер-министра нанести Френчу этот окончательный удар. Хейг всегда помнил об этом маневре. Уже были смещены два французских главнокомандующих. Он сам себя чувствовал не слишком уверенно. Это делало его все более подозрительным. Вильсон очень хотел убедить главнокомандующего, что он не только не собирается сыграть роль Робертсона при смещении Френча и Китченера, но будет самоотверженно защищать интересы Хейга «на внутреннем фронте».

Но есть еще одно разоблачение в «Дневниках» Хейга, мимо которого я не могу пройти. Делаю это с искренним сожалением, но то место, которое уделяет г. Дофф Купер тайным проискам лорда Дерби заставляет меня поговорить и об этом. Если бы он не счел уместным опубликовать эти секретные переговоры, я бы тоже о них не упоминал. До того как вышли в свет выдержки из дневника Хейга, я никогда не сознавал, что лорд Дерби в качестве военного министра в такой огромной мере разжигал сопротивление Хейга и Робертсона политике единого командования; я не знал также об его усилиях скрыть или уменьшить размеры трагической бойни на пашендельских болотах. Если бы лорд Дерби применил свои несомненные дипломатические дарования, для того чтобы реализовать законные требования военного кабинета, не было бы роковой оттяжки в деле достижения единства командования, пашендельская кампания, может быть, не имела бы места, а сражение 21 марта могло бы закончиться сокрушительной победой над неприятелем, а не нашим поражением. Но раз такое влиятельное лицо, как лорд Дерби, занимающий один из решающих постов в правительстве в качестве

военного министра, в письмах и в беседах солидаризируется с упрямой оппозицией Хейга и Робертсона политике кабинета, то эти последние, естественно, решили, что они могут ему довериться. Они могли думать во всяком случае, что не подвергают самих себя серьезной опасности, когда вверяют ему свою судьбу в этой сложной интриге.

Разоблачения г. Доффа Купера заставляют меня, к сожалению, рассказать о роли, которую играл лорд Дерби в этих интригах. У лорда Дерби есть очень привлекательные качества, которые делают его хорошим посредником в споре. Я всегда считал, что он мог сделать больше, чем он делал для примирения генералов с политикой кабинета. Но я никогда не думал, что он фактически поддерживает оппозицию против нас, выражая свое согласие с точкой зрения генералов. События 21 марта привели меня к заключению, что он не идеальный военный министр. В дни кризиса он был не на высоте. В тяжелых ситуациях вожди, которые источают уныние, представляют собой источник слабости, а не силы. Я решил тогда, что работа военного министра в дни величайших испытаний этой чудовищной борьбы — не самая подходящая для него работа. Я решил, что он окажет большие услуги стране на посту, на котором будет не так очевидно, что его смелость только блеф. Он оказался очень на месте в качестве нашего посла во Франции. Он завоевал популярность в равной мере и у французов и у англичан. Его подкупающая любезность и прямота в обращении скрывали очень ценные качества проницательного наблюдателя. Это было чрезвычайно полезно для человека, который должен вести свое дело в условиях быстрых и непонятных иногда колебаний французской политики.

Глава восемьдесят девятая

НЕСКОЛЬКО СООБРАЖЕНИЙ ПО ПОВОДУ ФУНКЦИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И ВОЕННОЙ ВЛАСТИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Все затяжные войны на той или иной стадии вызывали расхождения и споры между гражданским правительством и генералами на полях сражения. Исключение составляют только те войны, в которых автократические правители сами командовали своими армиями. Если победа запаздывает, возникает разочарование, а разочарования ведут к спорам. Совершенно неизбежно также, что возникают споры по поводу подкреплений и снабжения армии между теми, кто должен их применять в деле, и теми, кто должен их обеспечить. Ни одна страна не имеет в своем распоряжении неограниченных ресурсов, и мудрое правительство, оказавшись перед лицом грозного неприятеля, должно мобилизовать свои силы с наибольшей пользой для дела. Это — первое дело правительства, и оно не может переложить ответственности за это на кого-нибудь другого. Но правительства и генералы должны бы учитывать трудности, с которыми приходится встречаться каждой из сторон; на практике же они отчетливо сознают только свои собственные трудности. Правительство постоянно видит перед собой одну сторону дела, генерал постоянно видит перед собой другую сторону дела. Если у правительства на полях сражения находятся не одна, а несколько армий, каждая под отдельным командованием, — приходится иметь дело с дополнительной проблемой распределения ресурсов между этими различными армиями. Если борьба происходит и на море и на суше одновременно, правительство должно установить, в какой пропорции силы нации должны быть брошены на каждый из этих театров войны. Правительства несут полностью ответственность за состояние тыла. Значение этого внутреннего фронта всегда недооценивается генералами. А между тем именно на этом фронте великая война была выиграна и проиграна. Российский, болгарский, австрийский и германский внутренние фронты развалились раньше, чем рухнули армии этих стран. Предупреждение этой великой и непоправимой катастрофы — дело правительства. Надо очень внимательно учитывать положение и настроения населения внутри страны, потому что

только оно позволяет содержать, укреплять и снаряжать армии. Страдают не только в окопах. Самая острая боль — не на полях сражений; она у покинутых очагов в домах, она в сердцах людей, оставшихся дома. Если в придачу к своей неотступной тоске по мужьям и сыновьям женщины должны еще видеть сморщенные личики своих детей, видеть, как убывают их силы, — нация скоро придет в волнение. И если люди, прибывшие с фронта на побывку, уносят с собой эти терзающие воспоминания, их воля к победе будет ослаблена. Это и определило неожиданный крах германской сопротивляемости в ноябре 1917 г. Паек на каждую семью в Англии был снижен до минимума, необходимого для поддержания здоровья на нормальном уровне. Дальнейшее снижение вызвало бы волнения. Все же у нас не голодали. В Германии и в Австрии дети умирали от голода. Паек английского солдата удалось сохранить на его превосходном максимуме до самого конца войны. Паек германского солдата был доведен до отвратительного и совершенно недостаточного минимума. Однако приходится повозиться, чтобы обеспечить нормальным питанием и одеждой население в 45 миллионов в Британии и 3—4 миллионов за пределами страны. Это должно было сделать правительство. Генералы считали, что мы тратим на все это слишком много энергии и человеческих сил, которые должны были быть использованы для усиления наших армий. Мы предоставили в их распоряжение миллионы отборных молодых людей нации. Больше чем половина этих миллионов были либо убиты, либо ранены слишком часто ради выполнения сомнительных планов и дурно руководимых предприятий. Генералы требовали еще миллионов, чтобы не только восполнить пробелы, но увеличить еще больше массы людей, которые находились под их властью. Но у правительства были и другие обязанности, которые оно могло выполнить только при помощи физически полноценных людей. Само правительство должно было определить пропорцию. Обсуждение этой пропорции вызывало подозрения и озлобления, которые делали невозможным доброжелательное и чистосердечное сотрудничество.

Имели ли право вторгнуться в область стратегии? Это один из самых трудных вопросов для правительства нации, которая ведет войну. Гражданские власти не прошли военной школы и подготовки, не имеют опыта в этих делах, и в этом смысле они, конечно, чистейшие любители в вопросах ведения войны. Было бы нелепо, однако, утверждать, что разумные люди, которые в течение многих лет заняты одним делом, ежедневно видят его трудности и находят пути для их преодоления, — что эти люди так ничему и не научаются. Я скажу дальше о том, извлекли ли генералы из старой своей науки достаточно важные уроки для ведения современной войны. Но стратегия не только военное дело; в ней есть очень значительный элемент высокой политики. Перейдут ли ворота Индии, Дальнего Востока и Австралии в руки неприятеля или не перейдут, — это в первую очередь вовсе не военный вопрос для Великобритании. Разгром турок на Суэцком канале и турецко-германской армии в Палестине был имперской необходимостью. Освобождение пути

в Россию через Балканы было также вопросом высокой политики; пренебрежение к этому вопросу чуть не погубило нас и погубило бы, если бы к нам на помощь не пришла Америка и не предотвратила бы результатов близорукого эгоизма западных союзных держав. Если бы Франция и Британия надлежащим образом снарядили Россию и Румынию, армии последних не были бы разбиты, и русская революция не разразилась бы до самого конца войны. Создавалось убеждение, особенно в России, что ее западные союзники покинули ее храбрых солдат, обрекли их на бесцельное умирание под огнем тяжелых орудий Германии, тогда как союзники могли дать России все необходимое для эффективного сопротивления; это убеждение не только вызвало отчаяние в русской армии, но в очень большой мере направило гнев солдат против союзников. Они знали, что на западном фронте при проведении бесполезных и плохо задуманных кампаний тратятся чудовищные количества снарядов, тогда как русские не имеют снарядов, для того чтобы защитить себя. Это казалось русским бесстыдным и гнусным предательством и вызывало в их рядах яростное возмущение. С военной точки зрения это было глупо, а с психологической — это было безумием. Английское и французское правительства обязаны были предотвратить эту катастрофу. К несчастью, они предоставили решать этот вопрос генералам, которые думали только о победах своих армий, потому что от этого зависела их личная судьба.

Политические соображения играли также очень существенную роль при решении вопроса о человеческом материале. Только военные могли определить, сколько им нужно людей, но и другие министерства делали заявки на людей, и правительство должно было взвешивать и определять относительную важность этих заявок и сколько можно и должно уделить тем и другим. Это было очень похоже на те заявки, которые каждое министерство представляет в казначейства перед наступлением нового финансового года. Все эти заявки в совокупности всегда превышают то, что финансы нации могут дать. Правительство решает, что́ можно удовлетворить, что́ надо отвергнуть и насколько надо сократить те заявки, которые сами по себе вполне обоснованы. В области этой стратегии власть правительства должна быть суверенна. Добавочные 200 тысяч человек на фронте не превратили бы пашендельское фиаско в триумф наших войск. Но они могли привести нас к поражению в войне, потому что дезорганизовали бы те отрасли народного хозяйства, которые уберегли английскую нацию от голода и лишений; а именно голод и лишения уничтожили военную силу Германии и Австрии.

Психологические ошибки Германии очень хорошо показывают, насколько близоруко подчинять государственные интересы непосредственным военным требованиям в каждый данный момент. Стратегия должна учитывать и то и другое. Вспомните об оккупации Бельгии. Это была плохая стратегия, потому что это была политическая ошибка. Эта ошибка ввела в войну Британскую империю. Один из самых способных германских генералов говорил мне недавно, что, если бы не четыре великолепно обученные британские дивизии на

бельгийском фронте, германская армия окружила бы и «седанизировала» * бы всю французскую V армию и привела бы, таким образом, войну к победоносному концу на западном фронте. Эти четыре английские дивизии в Бельгии были для немцев очень неприятным сюрпризом. Они знали, что рано или поздно встретят на своем пути британские контингенты. Но они рассчитывали, что высадка будет происходить в Кале или Булони, а так как их шпионы доносили им, что британские войска еще не прибыли в эти порты, они решили, что во Франции нет еще британской армии. Высадка англичан в Гавре и быстрота, с которой английский экспедиционный корпус был переброшен во Францию и собран на бельгийской границе, опрокинули все их расчеты и расстроили все их планы. Ловкостью, точностью и быстротой, с которыми британский экспедиционный корпус был переброшен на бельгийскую границу втайне от германского штаба, — всем этим мы обязаны почти исключительно гению лорда Холдена. Этот преданный и умный патриот был потом затравлен и должен был уйти от общественной деятельности в результате инсинуаций и обвинений в измене. Это, несомненно, один из самых позорных и глупых эпизодов в английской истории.

Нашествие на Бельгию опрокинуло всю тщательно разработанную схему действий немцев, которые собирались окружить и захватить в плен французскую армию. Та провокация, которая заставила Америку вступить в войну, была второй политической ошибкой, ответственность за которую в первую очередь несут также военные. Настойчивость, с которой они требовали от нас, чтобы мы снимали людей из пищевой и оборонной промышленности, потому что эти люди нужны на фронте, была третьей ошибкой военных. Все эти вопросы имеют стратегический характер, и при разрешении их государственные деятели имеют такое же право голоса, как и военные. В некоторых из них общегосударственные интересы доминируют, и государственные деятели должны даже иметь последнее слово; но предварительно они должны, конечно, тщательно взвесить все то, что могут им сказать военные.

Но есть еще одна область, в которой военный хочет быть неограниченным властелином; каждое вторжение государственного деятеля в эту область кажется ему наглостью. Это раньше всего вопрос о том, надо ли дать сражение, которое повлечет за собой огромные жертвы, а если надо, то где и когда. И второй вопрос: если происходит затяжная атака на неприятельские укрепления (фактически осада), которая влечет за собой большие жертвы и не дает никакого ощутимого результата, — нужно или отменить эту атаку или снять осаду? Должны ли в этих случаях вмешаться правительства или они должны предоставить решение военным безраздельно? Английское правительство сомневалось в мудрости комбинированного наступления в Шампани и Артуа в сентябре 1915 г. Это была одна из самых дорогостоящих и роковых ошибок этой войны: покуда союзники тра-

* Т. е. разгромила бы, как в 1871 г. прусская армия разгромила французов в Седане. — *Прим. ред.*

тили свои силы в обреченной атаке на французском фронте, Германия получила возможность сокрушить Сербию, ввести в войну Болгарию, захватить Балканы, освободить себе путь в Турцию, отрезать наши сообщения с Россией и заставить нас удрать в панике из Дарданелл. Если бы мы во-время послали на Балканы половину тех бойцов, которые погибли во время этого неразумного наступления во Франции, изменились бы сразу и характер и перспективы этой войны. Стратегическая, равно как и тактическая ошибка, допущенная тогда союзным командованием, затянула войну на два года. Должна ли была коалиция даже министерства Асквита применить свою верховную власть и наложить вето на это наступление? Главный военный советник правительства Китченер был твердо убежден, что это была ошибка, которая не может дать успеха. Налагая свое вето, правительство могло поэтому опереться на суждение самого авторитетного военного специалиста, каким оно располагало в то время. Китченер, правда, потом советовал правительству не ссориться по этому поводу с французами, раз уже Жоффр так вдохновился идеей этого наступления, так тщательно его подготовил и так был убежден в его успехе. Должно ли было правительство пойти на риск ссоры с Францией? Оно имело на это право, потому что оно — правительство. Кроме того, поступив так, оно даже не вступило бы в противоречия с мнением своих военных штабов по вопросу о перспективах именно этого наступления. Нет сомнения, что если бы правительство поступило так и пришло бы на помощь Сербии, пока еще на нее не обрушился удар немцев, это изменило бы все течение войны. Но Франция очень тяжело переживала бы все это и осталась бы навсегда при убеждении, что упрямство и глупость англичан отняли у них победу. Это было решение стратегического порядка, которое должно было принять именно правительство, и оно имело на то все основания. Правительство, однако, в этом случае не использовало своей верховной власти, и это было одной из стратегических ошибок войны.

Истощившая наши силы затяжка кампании на Сомме, после того как уже стало ясно, что прорыв через германские линии невозможен, — был другой случай, когда правительство должно было вмешаться. Эта кампания стоила нам очень дорого. Волонтеры в 1914 и 1915 гг. были самыми лучшими солдатами, какие сражались когда-либо за Британию. 500 тысяч человек, цвет нации, были брошены на упрямое и глупое ковыряние совершенно неприступного в то время барьера. Я горячо убеждал г. Асквита и сэра Виллиама Робертсона, что надо прекратить эту бесполезную бойню. Я и сейчас держусь этого мнения. Наши потери были непоправимы — не столько по количеству, сколько по качеству. Это было первое настоящее разочарование, которое должна была испытать наша новая армия. Мы понесли вдвое больше потерь, чем наш противник. Потери французов в этом сражении, которые дали такие же или даже бо́льшие результаты, были значительно меньше наших. Мы многое потеряли, но ничего не приобрели.

Но самое трудное решение, какое должно было принять правительство во время этой войны, связано с пашендельской кампанией. Я был убежден, что эта кампания обречена на неудачу; я изложил свои соображения очень подробно кабинету, а также Хейгу и Робертсону, до того как началось наступление. Все мои возражения полностью оправдались в ходе сражения. Я предвидел, что потери будут очень велики и ничего не будет достигнуто. Я признавал, что, несомненно, неприятель будет оттеснен на несколько километров, как это было и на Сомме, ценой очень больших жертв; в конце концов, ничего стóящего мы не добьемся. Должен ли я был наложить вето на это наступление? Кабинет не пошел бы за мной так далеко. В этом случае все военные и военно-морские советники правительства без исключения — насколько мы могли установить в то время — очень настойчиво убеждали нас, что это предприятие необходимо и вполне выполнимо; и почти половина членов кабинета приняла их мнение. Большинство не хотело брать на себя ответственность за вето. Я убежден поэтому, что какие бы я лично ни принял меры, это не предотвратило бы позорной катастрофы. Но, может быть, я должен был уйти в отставку, чтобы не давать своего согласия на бессмысленное убийство храбрых людей? Мне всегда казалось, что в этом отношении есть очень серьезные основания для упреков по моему адресу. Мое единственное оправдание заключается в том, что Хейг обещал прекратить наступление, если станет ясно, что дальнейшая борьба не приведет к достижению искомой цели. Робертсон подтвердил это обещание. Г-н Бонар Лоу и лорд Милнер, которые так же горячо, как и я, возражали против всего этого плана, решили, что мы должны удовлетвориться этим обещанием. И все же ответственность правительства за пашендельское дело навсегда останется спорным вопросом. Должны ли были мы предоставить решение этого вопроса военным руководителям или правительство должно было запретить эту кампанию, которая, по его убеждению, неизбежно повлекла бы за собой большие жертвы и не дала бы никаких ценных военных результатов в случае ее успеха? Права и обязанности премьер-министра позволяли мне высказать генералам, отвечающим за военные операции, те соображения, которые привели меня к выводу, что их планы невыполнимы и обречены на неудачи. Это я и сделал в устной и письменной форме. Но если бы даже я имел возможность запретить, мог и должен ли был я взять на себя эту ответственность? В целом я и сейчас отвечаю на этот вопрос так же, как в июне 1917 г.: вопрос о целесообразности того или иного сражения решают в первую очередь генералы.

Я систематически боролся за единство командования, несмотря на упрямое нежелание военных вождей, наделенных огромной властью, поступиться хоть одним самоцветом из своей ослепительной диадемы.

Я убежден, что, добиваясь единого верховного командования на главном фронте войны, я выполнял свои законные функции и применял власть правительства, которое в первую очередь отвечает за

ведение войны перед королем и страной. Правительство поступало бы неразумно, если бы оно игнорировало советы экспертов. Но в выборе экспертов оно — единственный судья.

Вообще говоря, военные руководители и их сторонники заходят слишком далеко в своем притязании быть единственными арбитрами военной политики. Война не точная наука, как химия или математика. Тот, кто не знает начатков этих наук, не смеет, конечно, спорить с теми, кто в совершенстве владеет этими науками. Война — искусство; успех в ней зависит больше от опыта, чем от долгого штудирования, и от природных способностей — больше, чем от того и другого. Говорят, что медицина — искусство, основанное на нескольких науках. Но можно ли сравнить опыт, который приобретает доктор в результате повседневной практики, с опытом профессионального военного. Врач в течение каждого дня, каждого года своей профессиональной работы дает несколько сражений своему «неприятелю». Этот опыт очень помогает ему овладеть тем искусством, которому он себя посвятил. То же самое относится к юриспруденции и политике. Юрист и политик, прежде чем они достигнут того возраста, в котором наши генералы взяли на себя командование армией в войне, имеют уже боевой стаж многих тысяч битв; в бесчисленных состязаниях эти ветераны уже имели дело с весьма искусными противниками. А военный может провести всю свою жизнь в казармах или военных школах, так и не познакомившись с теми боевыми реальностями, с которыми ему придется иметь дело, когда вспыхнет война. К 4 августа 1914 г. все наши крупнейшие командиры не имели дела с неприятелем на поле битвы вот уже 12 лет. Но и этот опыт единственной войны, в которой они принимали участие, не имел никакого отношения к проблемам мировой войны. В вельдтах (степях) южной Африки хорошие всадники значили больше, чем гаубицы. Охотники на лисиц были более полезны, чем пулеметчики. Аэропланы и танки были совершенно неизвестны, и никто еще о них не думал. Гучков, русский военный министр временного правительства, участвовал в южноафриканской войне; он говорил одному из моих друзей, что, по его мнению, опыт, приобретенный нашими военными в этой войне, фактически *дисквалифицирует* их для командования в великой войне. Характер военных действий во всех отношениях отличался от условий современной войны. Все наши военачальники, которые занимали самые высокие посты в нашей армии во Франции, были ветеранами бурской войны. Я не преувеличу, если скажу, что, когда началась великая война, наши генералы еще только должны были научиться самому главному. Но этого мало: они должны были от очень многого отучиться. Их мозги были загромождены бесполезным хламом, который прочно засел во всех извилинах. Некоторые из этих мозгов так и не прочистились до самого конца войны. Вспомните, например, о смехотворном «кавалерийском» наваждении наших генералов. В войне, в которой артиллерия, инженерные войска и саперы требовались больше, чем в какой-либо другой войне в истории, нашими войсками руководили вете-

раны кавалерийской службы. Хейг верил вплоть до самого конца войны, что наступит момент, когда его войска ринутся в пробитую его артиллерией брешь и заставят немцев удирать сломя голову к Рейну. Незачем напоминать, что этот момент так и не наступил. Наши генералы во всех существенных отношениях были совершенно не подготовлены к тем неожиданностям, которые предъявила им эта война. Если бы они были гениями, — но они не были гениями, — они быстрее и лучше приспособились бы к новым условиям. Они вовсе не обладали тем бесспорным превосходством умственных способностей и опытности по сравнению с обыкновенным любителем, которое единственно могло оправдать это высокомерное отношение, эту непревзойденную уверенность в своем совершенстве, неизменно слышавшуюся в каждом их ответе на упреки или предложения извне или снизу. Генералы были сами на $^4/_5$ любителями, испорченными к тому же плохим воспитанием. Они только по наслышке знали о том, как надо вести войну в современных условиях. Хейг отдавал приказы, он назначил не одно кровопролитное сражение в этой войне, но лично он принимал участие только в двух: в отступлении от Монса и в первой битве на Ипре. И обе эти битвы велись по старым образцам открытой войны. Он никогда не видел самого поля сражения, на котором разворачивались его величайшие битвы, ни до сражения, ни во время самого сражения. Робертсон не видел ни одной битвы. Великие полководцы истории, даже если они сами не принимали участия в сражении, видели своими собственными глазами или при помощи подзорных труб то поле, на котором должны развернуться военные действия; они наблюдали ход боя между противниками. Какие бы вы ни взяли элементы подготовки и обучения, необходимые для ведения современной войны, ни Хейг, ни Робертсон и ни один из работников их штаба не владел этими элементами и не обладал тем опытом, который дал бы им необходимое уменье. А между тем стратегия войны зависела целиком от этих двух военных деятелей и от их военных советников.

В решающих вопросах, имевших непосредственное отношение к их военной профессии, наши крупнейшие военные деятели всегда нуждались в помощи политиков. Я уже говорил подробно о том, как напутали генералы в вопросе о снабжении. Они не понимали подлинного характера этой войны и не предвидели, что она потребует чудовищных количеств пуль и снарядов. Они заказывали нам не то, что нужно было для этой войны. Они предпочитали шрапнель снарядам для тяжелой артиллерии, потому что шрапнель очень широко применялась во время бурской войны. Они исходили из предпосылки, что война будет вестись на открытой местности, и на этом строили свои расчеты. Когда затем оказалось, что война ушла в глубокие траншеи, они не поняли, что для разрушения этих подземных укреплений улучшенного типа надо снабдить армию тысячами орудий самых крупных калибров — такими, какие армии еще никогда не таскали за собой на поля сражения. Крепость, у которой один фланг выходит к северному морю, а другой — к горам Швейцарии, крепость, защищаемая миллионами сол-

дат и несметным числом орудий и пулеметов, — это был кошмар, который никогда еще не являлся им даже в самом беспокойном сне. Потребовались месяцы, чтобы они сумели приспособить свою стратегию к этому новому и непредвиденному феномену. Они не представляли себе, что пулемет и ручная граната фактически займут место винтовки. Политические деятели первые поняли подлинный смысл проблемы во всех отношениях, и они именно настояли на том, чтобы были приняты необходимые меры; эти меры были срочно приняты, чтобы побороть возникшие трудности. Именно политики были инициаторами и организаторами этих мероприятий. Они должны были преодолевать глубоко укоренившиеся традиции, предрассудки и косность военных штабов. Именно политики настаивали на необходимости коренного улучшения транспортных условий за линией фронтов в широком масштабе, чтобы не только облегчить подвозку материалов, но и усилить мобильность армий по всему фронту. Гражданские работники, выбранные политиками, реорганизовали и усовершенствовали транспортное дело на фронте. Именно политики предвидели, что всякая попытка прорваться через чудовищные укрепления, возведенные неприятелем на западном фронте, повлечет за собой нескончаемую резню и бесцельную затяжку этой истребительной войны. Именно они убеждали искать какой-нибудь обходный путь на других, более уязвимых фронтах. Именно политики подчеркивали важность наилучшего использования превосходного и почти неисчерпаемого человеческого материала в России и на Балканах и требовали, чтобы этим людям было дано необходимое снаряжение, которое позволит им сыграть свою роль, атакуя неприятеля на его восточном и южном фронтах. Именно любители в первую очередь ввели в дело танк — несомненно одно из самых грозных орудий войны; именно они изобрели и заставили применить в деле одну из самых полезных машин — мортиру Стокса. Именно гражданский человек изобрел гидрофон, который позволял нам прослеживать местонахождение субмарины в таинственных глубинах морей.

Внимательно прочитайте историю войны и попробуйте вообразить, как обстояло бы дело, если бы невежественный и равнодушный партикулярный человек не вызвался бы помочь военным при выполнении ими тех функций, которые и в военное и в мирное время составляют самую существенную часть их обязанностей. Я еще не читал ни одной истории войны, написанной кем-нибудь из наших великих генералов или по их поручению, в которой честно и открыто признавались бы услуги, оказанные делу победы непрошенным вторжением любителей, которые не получили никакой военной подготовки в специальных школах или на плацпарадах.

Оглядываясь назад на события этой опустошительной войны, оценивая роль, которую сыграли в войне государственные деятели и военные руководители, я прихожу к окончательному выводу, что государственные деятели даже слишком церемонились; они должны были гораздо шире применять свою власть над военными руководителями. Они могли осуществить свою власть либо путем прямого

императивного приказа военным от имени правительства, либо путем энергичных указаний военным, причем, если бы оказалось, что эти военные недостаточно считаются с этими указаниями, они должны были смещать их и заменять их другими. Этот второй метод был вне сомнения самым здравым и мудрым, если бы он был вполне осуществим. Однако наше горе состояло в том, что трудно было найти способных командиров, которые не только выполняли бы указания правительства, но и делали бы это умело и энергично. Затянувшаяся осадная война не давала возможности находчивым людям проявить себя и выдвинуться. Самые методы ведения войны были так однообразны и неизменны, что не давали простора для инициативы, воображения, изобретательности. Приказы, которые получали дивизионные и бригадные генералы и полковые командиры из главной квартиры, формулировались очень точно: малейшее отклонение навлекло бы на командира обвинение в непослушании. Люди, стоявшие наверху, не поощряли гениев, сидевших внизу. Дистанция между за́мками, в которых обосновались генералы, и окопами была огромна — как от звезд на небе до «воронок» в земле. Ничей самый сильный телескоп не разглядел бы талантов в такой глубине, даже если бы эти люди очень присматривались к талантам. Вот одна из причин того факта, что в британской армии не выдвинулся на высокие посты ни один человек, кроме тех, которые уже занимали более высокие посты к моменту начала войны. Ни один гражданский человек не заслужил чина выше бригадира, хотя, конечно, были сотни тысяч людей, которые имели уже многолетний боевой опыт, и многие из них были людьми исключительных способностей. Тысячи из этих людей прошли среднюю школу, сотни — университеты, и многие из них получали отличия за успехи. Совершенно невероятно, чтобы среди людей такой подготовки и квалификации не нашелся ни один достойный выдвижения после многих лет участия в боях, которые дали ему гораздо лучшие знания современных условий войны, чем те, которыми обладали генералы. Наша регулярная армия до войны насчитывала немного больше 250 тысяч человек. В течение войны четыре или пять миллионов молодых людей из всех классов общества прошло через ряды армии. Чем шире круг, тем больше шансов найти нужных людей для выдвижения на руководящие посты. Впрочем, никогда не считалось, что армия — хорошая карьера для талантливых людей, скорее наоборот. Мальчики, которым природа дала мозги качеством выше среднего, искали других профессий, в которых талантливость признавалась более желанной и лучше вознаграждалась. Независимость мышления не поощряется в профессиональной армии. Она рассматривается как одна из форм неповиновения. Повиновение — высочайшая добродетель. Размышлять — не дело военных. Приказы надо выполнять, а не обсуждать. Критиковать — это значит бунтовать. Задача дисциплины — приучить людей мгновенно отвечать на команду, мгновенно выполнять команду, не думая о ее результатах и последствиях. Много было у нас умных офицеров и солдат, которые знали, что приказы, которые они получали, глупы, что они

*

даются штабами, которые совершенно не понимают обстановки. Но приказы суть приказы. И вместе со своими солдатами они шли на гибель, которую сами заранее считали неизбежной.

Автоматическое повиновение каждому слову команды в какой-то мере необходимо для правильной работы людей, которые при выполнении своих страшных обязанностей идут на смерть или увечье. Но такое беспрекословное подчинение и подавление умственных способностей дальше некоторого предела лишает интеллект гибкости и способности развиваться. Оно создает «офицера-джентльмена», но оно не способно создать бдительного, гибкого и достаточно находчивого руководителя. Отзывы Хейга о качествах встреченных им французских офицеров — лучший приговор этой школе косности. Средних, ничем не замечательных заурядных людей он выделял как «джентльменов» и «славных солдат». Среди них был только один гениальный человек, Хейг его обозвал болтуном. Такая система выдвижения напоминает лифт в жилом доме. Поднимется только тот, кто вскочил в кабину. Лесть, заискивание, интриги позволяют некоторым проскользнуть через толпу и стать впереди, но интеллект здесь не при чем, и сила здесь не учитывается. В великой армии мировой войны самые способные люди так и не поднялись на те этажи и не достигли той высоты, на которой они только и могли попасть в поле зрения политических деятелей. Выслуга лет и светские связи были доминирующими факторами при выдвижении в армии. Очень много значило уменье вести себя. Мозги учитывались в самую последнюю очередь. Люди с большими интеллектуальными силами не чувствовали влечения к этой профессии, которая дает так мало простора для проявления способностей и вознаграждает людей не за эти способности. В армии спокойнее быть честным середняком, чем одаренным человеком, который стоит выше своих коллег.

Немногие исключения можно было наблюдать только в частях, прибывших из наших доминионов. И генерал Карри, командовавший канадской армией, и генерал Монаш, командовавший австралийской армией, — оба не были военными, когда разразилась война. Оба проявили себя, как блестящие военные руководители, и прошли всю лестницу до самых высоких ступеней. Это значит, что у них были природные способности к военному делу, а служба в профессиональной армии позволила им полностью развернуть свои дарования. Монаш был, как об этом свидетельствуют все, видевшие его гениальную работу и ее результаты, самым находчивым генералом во всей британской армии. А все дело в том, что в доминионах самые традиции работы как в мирных, так и в военных профессиях поощряют каждого нового талантливого человека.

По этим и другим причинам британское правительство испытывало большие затруднения в своем стремлении привлечь к верховному командованию самых способных людей из тех, которых могли выдвинуть его великие армии. Не было на виду ни одного офицера в армии, которого можно было бы признать более квалифицированным для верховного командования, чем Хейг. Я хочу сказать, что

не было ни одного видного генерала, который мог бы занять пост такого потрясающего значения — командование армией, которая по численности в пять раз превосходила армию Наполеона и во много раз те армии, которые водили в бой Александр, Ганнибал или Цезарь. Я не сомневаюсь, что великие люди выдвинулись бы в соответствующих обстоятельствах. Но высокоодаренные люди, которыми располагала британская армия, были загнаны в болото теми людьми, которые по чину стояли выше их, а по способности гораздо ниже; теми людьми, которые сами держались в достаточном отдалении от тех болот, которые они избрали как поле действия для выполнения своих планов.

Высокопоставленные генералы (за несколькими почетными исключениями) весьма настойчиво старались не подвергать себя личной опасности: это один из самых спорных вопросов, которые выдвинула современная война. Мы теперь уже не ждем, конечно, что генералы будут итти впереди своих войск, пробивая себе путь штыком. Мы ушли от старого принципа *руководства личным примером*, но ушли, кажется, слишком далеко. Адмиралы, которые по чину совершенно равны командующим армиями, подвергались при военных действиях точно такой же опасности, какая угрожала самому скромному матросу в их флоте. Битти был человеком совершенно неустрашимым: он искал опасности. Его флагманское судно подвергалось бомбардировке в битве при Доггер-Банк; в Ютландии оно могло точно так же взлететь в воздух, как «Дефенс» и «Инвинсибл». Контрадмиралы, командовавшие этими военными кораблями, погибли вместе со своими судами. Джеллико не совсем ушел от опасности, когда командовал своей эскадрой в туманах Ютландии. Когда начинается морское сражение, главный штаб немедленно подходит к зоне военных действий. Каждый ребенок у нас знает историю Зеебрюгге, единственного морского подвига англичан в этой войне, который взволновал и еще сейчас волнует воображение нации. Сэр Роджер Кейс, адмирал, командовавший в этом сражении, бесспорно обладал некоторыми чисто нельсоновскими качествами: он подвергал себя такой же огромной личной опасности, какой не раз подвергался тот неустрашимый моряк.

Но если наши крупнейшие адмиралы не освобождены от обязанности рисковать собой, нет никаких оснований считать священной особу каждого высокопоставленного генерала. Это совершенно новое явление, что генералы, которые никогда не видели данной позиции, велят своим солдатам атаковать эту позицию; они, однако, не имеют ни малейшего намерения сами вести эту атаку, подвергая себя опасности; они даже не считают обязательным осмотреть поле действий до начала сражения или полюбоваться сражением, когда оно уже происходит и близится к своему кровавому концу. Это, конечно, совершенно новое явление: военные руководители, сидя в полной безопасности, окруженные всяческим комфортом, велят сотням тысяч своих храбрейших солдат сидеть неделями в зыбком и страшном болоте, в обществе одной только смерти; они даже не считают нужным лично убедиться, каковы условия существова-

ния в этом жилище и какими они могут стать. В прежние времена, если командиры так руководили битвой, что она кончалась разгромом их собственной армии, то они рисковали, по крайней мере, тем, что сами могли оказаться среди убитых. Уже тогда, когда мушкеты и пушки стали самым важным орудием войны, Наполеон во главе своих войск шел под огнем мушкетов и пушек. В битве при Ватерлоо один из генералов, стоявших рядом с Веллингтоном, был убит, а другой его генерал был убит в той же битве, во время атаки, когда он шел во главе своих войск. Г-н Уинстон Черчиль описывает, как Марльборо подполз, скрываясь в хлебах, через поле на несколько ярдов к французскому брустверу, уже ощетинившемуся пушками перед началом битвы; он хотел лично убедиться возможна ли атака в этом месте. Когда он увидел, что нет шансов на успех для его солдат, он приказал им отступить. Кромвель и Руперт во время атаки шли во главе своих войск. Цезарь не раз рисковал своей жизнью и ходил в бой, чтобы поднять дух своих войск. Стонуолл Джексон постоянно рисковал собой и, в конце концов, был убит в тот момент, когда он осматривал поле сражения. Некоторые из атак на совершенно неприступные позиции, которые были произведены по приказу наших генералов, никогда бы не имели места, если бы эти генералы заранее сами своими глазами рассмотрели поле действия и увидели, на какую бесцельную резню они обрекают своих солдат. Допустить иное значило бы возвести низкую клевету на генералов.

Никакая осмотрительность не может изменить того факта, что война всегда будет вести к гибели тысячи храбрых людей. Но если уж генералы сами не подвергают себя опасностям войны, они не смеют освобождать себя от опасности в тех случаях, когда необходимо установить, выполнимы ли их требования, оправдывают ли цели неизбежные жертвы; нет ли лучшего пути для достижения того же результата с меньшей затратой жизней храбрецов.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОГЛАШЕНИЕ О ПЕРЕМИРИИ С ГЕРМАНИЕЙ

Заключено между маршалом Фошем, главнокомандующим союзными армиями, действующим от имени союзных и присоединившихся к ним держав, адмиралом Уэмиссом, первым лордом адмиралтейства, с одной стороны, и

г. Эрцбергером, государственным секретарем, председателем германской делегации, графом фон Оберндорфом, чрезвычайным посланником и полномочным министром, генерал-майором фон Винтерфельдтом, капитаном Ванзелов (германский флот),

имеющими необходимые полномочия и действующими в согласии с германским канцлером, с другой стороны.

Перемирие заключено на следующих условиях:

Условия перемирия с Германией

А. *Статьи, относящиеся к западному фронту*

I. Прекращение военных действий на земле и в воздухе через шесть часов после подписания настоящего перемирия.

II. Немедленная эвакуация стран, подвергшихся нашествию, — Бельгии, Франции, Люксембурга, равно как Эльзас-Лотарингии — с таким расчетом, чтобы эвакуация была закончена в 15-дневный срок после подписания перемирия.

Солдаты германских войск, которые не покинут вышеуказанные территории в установленный срок, будут объявлены военнопленными.

Оккупация этих областей совместными силами союзников и Соединенных штатов будет производиться по мере ухода германских войск.

Все передвижения, связанные с эвакуацией и оккупацией, должны производиться в соответствии с расписанием (приложение № 1), которое будет установлено к моменту подписания настоящего перемирия

III. Репатриация всех жителей вышеуказанных стран (включая заложников и лиц, находящихся под судом или осужденных) начинается немедленно и должна быть закончена в 15-дневный срок

IV. Германские армии сдают в хорошем состоянии следующее военное имущество:

5 000 орудий (2 500 тяжелых, 2 500 полевых);
25 000 пулеметов;
3 000 траншейных мортир;
1 700 аэропланов (истребителей, бомбовозов — в первую очередь все машины D-7 и все ночные бомбардировщики).

Все перечисленное имущество должно быть сдано по месту нахождения союзным и американским войскам в соответствии с подробными условиями, изложенными в расписании (приложение № 1), которое будет установлено одновременно с подписанием настоящего перемирия.

V. Эвакуация германскими армиями занятых ими округов на левом берегу Рейна. Эти округа на левом берегу Рейна будут впредь управляться местными властями под контролем оккупационных армий союзников и Соединенных штатов.

Оккупация этих территорий войсками союзников и Соединенных штатов обеспечивается гарнизонами, которые будут расположены у главных переправ через Рейн (Майнц, Кобленц, Кельн), а также на мостах в этих пунктах с 30-километровым радиусом на правом берегу, а также гарнизонами, которые будут занимать стратегические пункты этой территории.

На правом берегу Рейна резервируется нейтральная зона — между линией реки и линией, проведенной параллельно мостам и линии реки, и между отстоящей от них на расстоянии 10 километров (6,25 английских миль) голландской и швейцарской границей.

Эвакуация германскими войсками рейнских округов (на правом и левом берегах) должна производиться с таким расчетом, чтобы она была закончена в течение последующих 16 дней, а всего через 31 день после подписания настоящего перемирия.

Весь ход эвакуации и оккупации регулируется согласно расписанию (приложение № 1), которое будет установлено одновременно с подписанием настоящего перемирия.

VI. Во всех территориях, эвакуируемых неприятелем, эвакуация жителей запрещается; никакой ущерб не должен быть причинен личности и имуществу обитателей.

Никто не может быть преследуем за участие в каких бы то ни было военных мероприятиях, имевших место до подписания перемирия.

Никакие разрушения не должны иметь места.

Военные постройки всякого рода должны быть оставлены нетронутыми, равно как и военные склады, продовольствие, орудия и снаряды, которые не могут быть переброшены в другое место в период, установленный для эвакуации.

Продовольственные склады всех родов для гражданского населения, фуражные склады для скота и т. д. должны быть оставлены по месту их нахождения.

Никакие мероприятия общего характера не должны быть проведены и никакие приказы не могут быть опубликованы, если они будут иметь последствием обесценение промышленных предприятий или сокращение их персонала.

VII. Дороги и средства сообщения всякого рода — железные дороги, водные пути, шоссе, мосты, телеграфные линии, телефоны — не могут быть повреждены каким бы то ни было образом.

Весь гражданский и военный персонал должен остаться на месте своей службы.

Пять тысяч паровозов и сто пятьдесят тысяч вагонов в годном для эксплоатации состоянии со всеми необходимыми запасными частями и приспособлениями должны быть переданы союзным державам в срок, который указан в приложении № 2 (во всяком случае не позже, чем через 31 день).

5 тысяч грузовиков также должны быть сданы в хорошем состоянии в 36-дневный срок.

Железные дороги Эльзас-Лотарингии должны быть переданы в течение 31 дня со всем их персоналом и материалами, необходимыми для эксплоатации этой сети.

Далее, весь необходимый и годный для работы материал на территориях левого берега Рейна должен быть оставлен по месту его нахождения.

Все склады угля и материалов, необходимых для поддержания постоянного сообщения, сигнальные станции и ремонтные мастерские должны быть сохранены под ответственностью Германии в рабочем состоянии по месту их нахождения, поскольку они необходимы для правильной работы всех средств сообщения на левом берегу Рейна.

Все лихтера, захваченные у союзников, должны быть им возвращены.

Расписание, которое включено в приложение № 2, определяет подробности этих мероприятий.

VIII. Германское командование обязано в течение 48 часов после подписания перемирия сообщить места залегания мин и фугасов на территориях, эвакуируемых германскими войсками, и должно содействовать их обнаружению и уничтожению.

Германское командование должно также сообщить о всех разрушительных мероприятиях, которые были проведены в свое время (отравление и загрязнение колодцев, источников и т. д.).

Нарушение этих статей повлечет за собой репрессии.

IX. Армии союзников и Соединенных штатов получают право реквизиции во всех оккупируемых территориях, за исключением права производить реквизиции для производства расчетов с уполномоченными на то лицами.

Содержание оккупационных войск в рейнских округах (за исключением Эльзас-Лотарингии) возлагается на германское правительство.

X. Немедленная репатриация — без установления такого же права для Германии на основе подробных условий, которые будут установлены в дальнейшем, — всех союзных и американских военнопленных, включая лиц, находящихся под судом и осужденных. Союзные державы и Соединенные штаты Америки будут иметь право распорядиться этими военнопленными, как они найдут нужным. Это условие аннулирует все остальные конвенции о военнопленных, включая соглашение, заключенное в июле 1918 г., которое сейчас ратифицируется. Возвращение германских военнопленных, интернированных в Голландии и Швейцарии, должно, однако, проходить в прежнем порядке. Возвращение остальных германских военнопленных будет урегулировано после подписания прелиминарных условий мирного договора.

XI. Больные и раненые, которые не могут быть перевезены из территорий, эвакуируемых германскими войсками, остаются на попечении германского персонала. Этот персонал может остаться на месте и сохранить необходимые ему материалы для ухода за больными.

Б. *Статьи, относящиеся к восточным границам Германии*

XII. Все германские войска, которые находятся в настоящий момент на территориях, входивших до войны в состав Австро-Венгрии, Румынии или Турции, должны быть отведены в границы Германии по их состоянию на 1 августа 1914 г.; все германские войска, находящиеся в настоящий момент на территориях, которые до войны составляли часть России, должны точно так же отойти в границы Германии, как они были определены выше, — в тот момент, когда союзники найдут это своевременным, учитывая внутреннее положение на этих территориях.

XIII. Эвакуация германских войск на территории России (в границах на 1 августа 1914 г.) должна начаться немедленно, и немедленно же должны быть отозваны все германские инструктора, пленные и агенты, как гражданские, так и военные.

XIV. Германские войска должны немедленно прекратить реквизиции, захваты и все другие принудительные мероприятия, имеющие целью получение продовольственных запасов для Германии в Румынии и России (в их границах на 1 августа 1914 г.).

XV. Аннулирование Бухарестского и Брест-литовского договоров и всех дополнительных к ним соглашений.

XVI. Союзники получают право свободного доступа на все эвакуируемые германцами территории на их восточных границах через Данциг или по Висле, чтобы снабдить продовольствием население этих территорий или для того, чтобы обеспечить в них правопорядок.

В. *Статья, относящаяся к Восточной Африке*

XVII. Эвакуация всех германских частей, оперирующих в Восточной Африке, в срок, установленный союзниками.

Г. *Общие статьи*

XVIII. Репатриация, без такого же права для Германии, в срок не более месяца, на основе подробных условий, которые будут установлены в дальнейшем, всех интернированных гражданских лиц, включая заложников и лиц, находящихся под судом или осужденных, если они являются гражданами союзных стран или присоединившихся к ним государств и не входят в категорию лиц, упомянутых в статье III.

Финансовые статьи

XIX. Оговаривая заранее, что все уступки или требования, которые будут впоследствии объявлены союзниками и Соединенными штатами, сохранят свою полную силу, мы устанавливаем в настоящий момент следующие условия финансового характера; репарации за весь причиненный ущерб.

На время действия перемирия неприятель не может вывозить никаких общественных ценностей, которые могли бы послужить обеспечением репараций союзникам за военные потери.

Немедленное возмещение всей кассовой наличности Национального бельгийского банка и вообще немедленное возвращение всех документов, всей наличности, всех бумаг, акций, бумажных денег вместе с оборудованием, необходимым для эмиссии, принадлежащих учреждениям или частным лицам в странах, подвергшихся нашествию.

Возвращение российского и румынского золотых запасов, сданных Германии или захваченных этой державой.

Это золото должно быть сдано союзникам на хранение до момента заключения мирного договора.

Д. *Морские условия*

XX. Немедленное прекращение военных действий на море и точная информация о местонахождении и передвижении всех германских судов.

Все нейтральные страны должны быть оповещены, что право свободной навигации во всех территориальных водах получают военные и торговые флоты союзных и присоединившихся к ним государств, причем снимаются все вопросы, связанные с нейтралитетом той или иной страны.

XXI. Все пленные моряки военного и торгового флотов союзных и присоединившихся к ним держав, находящихся в распоряжении Германии, должны быть возвращены без взаимного права на это Германии.

XXII. Должны быть сданы в порты, специально указанные союзниками и Соединенными штатами, все ныне существующие подводные лодки (включая подводные суда для разбрасывания мин) со всем вооружением и снаряжением. Те из них, которые не могут выйти в море, должны быть разоружены и переданы под контроль союзников и Соединенных штатов. Те подводные лодки, которые могут выйти в море, должны быть готовы покинуть германские порты немедленно по получении по радио приказа о выходе к порту сдачи; остальные должны за ними последовать по мере возможности. Условия этой статьи должны быть выполнены в 14-дневный срок с момента заключения настоящего перемирия.

XXIII Нижеперечисленные германские надводные военные суда, которые впоследствии будут поименованы союзниками и Соединенными штатами Америки, должны быть немедленно разоружены и затем интернированы в нейтральных портах или, если это окажется невозможным, в союзных портах, которые будут указаны союзниками и Соединенными штатами Америки. Они должны быть переданы под наблюдение союзников и Соединенных штатов и могут сохранить на борту только персонал, необходимый для ухода за судном. А именно:

6 боевых крейсеров,
10 боевых судов,
8 легких крейсеров (включая 2 миноносца),
50 истребителей новейших категорий.

Все остальные надводные военные суда (включая речной флот) должны быть сосредоточены в германских морских базах, которые будут указаны союзниками и Соединенными штатами Америки. совершенно разоружены и переданы под наблюдение союзников и Соединенных штатов Америки Все суда вспомогательного флота должны быть разоружены. Все суда, подлежащие интернированию, должны быть готовы выйти из германских портов в течение 7 дней с момента подписания перемирия. Указания о порядке следования будут даваться по радио.

XXIV. Союзники и Соединенные штаты Америки получают право уничтожить все минные поля и заграждения, поставленные Германией за пределами германских территориальных вод; местоположение этих полей и заграждений должны быть указаны союзникам Германией.

XXV. Военные и торговые флоты союзников и присоединившихся к ним держав получают свободный доступ в Балтийское море. Это обеспечивается оккупацией всех германских фортов, укреплений, батарей и защитных сооружений всякого рода на путях из Каттегата в Балтийское море, а также вылавливанием и уничтожением всех мин и заграждений в пределах и за пределами германских территориальных вод, причем Германия не может поднимать никаких вопросов о нейтралитете. Все сведения о местонахождении минных полей и заграждений, а равно и все относящиеся к этому планы должны быть переданы Германией союзникам.

XXVI. Существующие условия блокады, установленные союзниками и присоединившимися к ним державами, должны остаться без изменения, и каждое германское торговое судно, обнаруженное в море, может быть захвачено. Союзники и Соединенные штаты решают вопросы о снабжении Германии продовольствием на время действия настоящего перемирия, как найдут нужным.

XXVII. Все воздушные силы Германии должны быть сосредоточены и иммобилизованы в германских базах, которые будут указаны союзниками и Соединенными штатами Америки.

XXVIII. При эвакуации бельгийского побережья и бельгийских портов Германия должна оставить по месту нахождения в полной сохранности все портовое имущество и все оборудование внутренних водных путей, равно как все торговые суда, баржи и лихтера, все имущество морской авиации, материалы и склады авиации, все оружие и все вооружения, склады и приспособления всех родов.

XXIX. Германия должна эвакуировать все порты Черного моря. Все русские военные суда всякого рода, захваченные Германией на Черном море, должны быть переданы союзникам и Соединенным штатам Америки. Все нейтральные торговые суда, захваченные на Черном море, должны быть освобождены. Все военные и другие материалы всякого рода, захваченные в этих портах, должны быть возвращены, а германские материалы, поименованные в статье XXVIII, должны быть оставлены на месте.

XXX. Все торговые суда союзников и присоединившихся к ним держав, находящихся в настоящее время в распоряжении Германии, должны быть возвращены в порты, указанные союзниками и Соединенными штатами Америки, без взаимного распространения такого же права на Германию.

XXXI. Никакие разрушения судов или материалов перед эвакуацией, сдачей или возвращением не могут быть допущены.

XXXII. Германское правительство должно официально известить все нейтральные правительства и особенно правительства Норвегии и Швеции, Дании и Голландии, что все ограничения по торговле с союзными странами и присоединившимися к ним государствами, введенные германским правительством или частными германскими фирмами, в обмен ли за особые льготы, как например, экспорт судостроительных материалов, или без такого соглашения, — немедленно отменяются.

XXXIII. Перевод германских торговых судов любой категории под нейтральный флаг не может иметь места после подписания настоящего соглашения.

E. *Срок действия перемирия*

XXXIV. Срок действия настоящего перемирия определяется в 36 дней, причем он может быть по желанию продлен. В течение этого периода в случае невыполнения одной из вышеуказанных статей перемирие может быть расторгнуто одной из договаривающихся сторон с предварительным извещением другой за 48 часов. Договаривающиеся стороны условились, что невыполнение статей III и XVIII полностью в указанные для того сроки не может служить основанием для расторжения перемирия, если только это не будет следствием заранее обдуманного намерения.

В целях обеспечения наиболее благоприятных условий для выполнения на-

стоящей конвенции учреждается постоянная Международная комиссия по перемирию. Эта комиссия должна работать под верховным руководством военного и морского верховного командования союзных армий.

Настоящее перемирие подписано в 11-й день ноября 1918 г., в 5 часов пополудни (французское время).

Ф. Фош.
Р. Е. Уэмисс
Эрцбергер.
Обериндорф.
Винтерфельдт.
Ванзелов.

11 ноября 1918 г.

Представители союзников заявляют, что в свете последних событий они признают необходимым добавить следующее условие к статьям перемирия:

«В случае, если германские суда не будут переданы в указанные сроки, правительства союзников и Соединенных штатов получают право оккупировать Гельголанд в обеспечение сдачи германских судов».

Р. Е. Уэмисс, адмирал.
Ф. Фош.

«Германские делегаты заявляют, что они передадут эту декларацию германскому канцлеру и будут рекомендовать ему принять ее, указав те основания, которые заставили союзников предъявить это требование».

Эрцбергер.
Оберндорф
Винтерфельдт.
Ванзелов.

Приложение 1

I. Эвакуация территорий, подвергшихся нашествию,— Бельгии, Франции и Люксембурга, а также Эльзас-Лотарингии — должна быть выполнена в три стадии, последовательно, на основе следующих условий:

1-я стадия. Эвакуация территорий, расположенных между нынешней линией фронта и линией № 1 на прилагаемой карте, должна быть закончена в течение 5 дней с момента подписания перемирия.

2-я стадия. Эвакуация территорий, расположенных между линией № 1 и линией № 2, должна быть выполнена в течение 4 последующих дней (а всего в течение 9 дней по подписании перемирия).

3-я стадия. Эвакуация территорий, расположенных между линией № 2 и линией № 3, должна быть выполнена в течение 6 последующих дней (а всего в течение 15 дней после подписания перемирия).

Войска союзников и Соединенных штатов должны вступить на эти территории по истечении срока, который представлен германским войскам для эвакуации каждой из этих стран.

В соответствии с этим союзные войска перейдут линию нынешнего германского фронта на 6-й день после подписания перемирия, линию № 1 — на 10-й день, а линию № 2 — на 16-й день.

II. Эвакуация Рейнской области. Эта эвакуация должна также быть проведена последовательно в несколько стадий:

1) Эвакуация территорий, расположенных между линиями № 2 и 3 и линией № 4, должна быть осуществлена в течение 4 последующих дней (а всего в течение 19 дней после подписания перемирия).

2) Эвакуация территорий, расположенных между линиями № 4 и 5, должна быть выполнена в течение 4 последующих дней (а всего в течение 23 дней после подписания перемирия).

3) Эвакуация территорий, расположенных между линией № 5 и 6 (линия Рейна), должна быть осуществлена в течение последующих 4 дней (а всего в течение 27 дней после подписания перемирия).

4) Эвакуация предмостных укреплений и нейтральной зоны на правом берегу Рейна должна быть осуществлена в течение 4 последующих дней (а всего в течение 31 дня по подписании перемирия).

Оккупационная армия союзников и Соединенных штатов должна вступить на эти территории по истечении срока, предоставленного германским войскам для эвакуации каждой из этих территорий. В соответствии с этим оккупационная армия перейдет линию № 3 через 20 дней после подписания перемирия; линию № 4 — через 24 дня после подписания перемирия; линию № 5 — через 28 дней; линию № 6 (Рейн), чтобы занять предмостные укрепления, — на 32-й день.

III. Порядок сдачи германскими армиями военных материалов, специфицированных в соглашении о перемирии.

Военные материалы должны быть сданы на основе следующих условий: первая половина сдается не позже чем через 10 дней, вторая половина не позже чем через 20 дней. Эти материалы должны быть переданы каждой из армий союзников и Соединенных штатов, каждой более крупной армейской германской группой в пропорциях, которые будут установлены постоянной Международной комиссией по перемирию.

Приложение 2

Условия, относящиеся к путям сообщения, железным дорогам, водным путям, шоссе, речным и морским портам, телеграфным и телефонным средствам связи.

I. Все пути сообщения до Рейна включительно, пути, проложенные на правом берегу этой реки в пределах предмостных укреплений, занятых силами союзных армий, должны быть переданы под верховный и безраздельный контроль главнокомандующего союзными армиями. Последний имеет право принимать любые меры, какие сочтет нужными, для обеспечения занятия и использования этих путей сообщения.

Все документы, имеющие отношение к вопросам транспорта, должны храниться в готовности для передачи верховному главнокомандующему союзных армий.

II. Все материалы и весь гражданский и военный персонал, занятый в настоящее время на эксплоатации этих путей сообщения, должен быть сохранен в нынешнем виде во всех территориях, эвакуируемых ныне германскими войсками.

Все дополнительные материалы, необходимые для работы этих путей сообщения в округах на левом берегу Рейна, должны предоставляться германским правительством во все время действия настоящего перемирия.

III. Персонал. Французский и бельгийский персонал, работающий на этих путях сообщения, интернирован ли он или нет, должен быть возвращен французским и бельгийским армиям в течение 15 дней после подписания настоящего перемирия. Персонал Эльзас-лотарингской железнодорожной сети должен быть сохранен или восстановлен с таким расчетом, чтобы обеспечить нормальную работу всей этой железнодорожной системы.

Главнокомандующий союзными армиями получает право произвести все перемещения и замены в персонале, какие он сочтет желательными.

IV. Материалы. а) Подвижной состав. Подвижной состав, передаваемый союзным армиям в зоне между нынешней линией фронта и линией № 3, не включая Эльзас-Лотарингии, должен заключать не менее 5 тысяч паровозов и 150 тысяч вагонов. Передача должна быть произведена в период, установленный статьей VII перемирия, и на условиях, которые будут точно определены постоянной Международной комиссией по перемирию.

Все это имущество должно быть передано в хорошем состоянии и годном для работы виде со всеми обычными запасными частями и приспособлениями.

Оно может быть использовано вместе с обслуживающим его персоналом или с любым другим персоналом, на любом участке железнодорожной системы союзных армий.

Материалы, необходимые для нормальной работы железнодорожной сети в Эльзас-Лотарингии, должны быть сохранены и восстановлены для использования их французской армией.

Материал, который будет оставлен по месту нахождения на территориях на левом берегу Рейна, равно как и тот, который будет находиться в пределах предмостных укреплений, должен быть достаточен для нормальной работы в этих округах.

б) Дороги, сигнализация, ремонтные предприятия. Материалы для сигнализаций, приспособления и инструменты, которые были захвачены на ремонтных предприятиях и в депо французских и бельгийских железных дорог, должны быть возвращены на условиях, которые будут точно определены постоянной Международной комиссией по перемирию.

Союзные армии должны получить все дорожные материалы, рельсы, аварийные приспособления, оборудования, мостостроительные материалы и лес, необходимые для восстановления разрушенных путей за нынешней линией фронта.

в) Топливо и смазочные материалы. Германское правительство обязуется на все время действия перемирия снабжать топливом и смазочным материалом железнодорожные депо на левом берегу Рейна в количествах, необходимых для их нормальной работы.

V. Телеграфные и телефонные средства связи. Все телеграфные, телефонные и радио-телефонные станции должны быть переданы союзным армиям со всем гражданским и военным персоналом и со всеми материалами, в том числе и со складами на левом берегу Рейна. По мере необходимости германское правительство обязуется предоставлять на время действия настоящего перемирия и другие склады, если они понадобятся для нормальной работы сети.

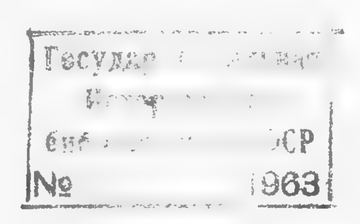
Главнокомандующий союзными армиями обеспечит военный контроль над всей системой связи и произведет все перемещения и замены в персонале, какие сочтет необходимым.

Он вернет в германскую армию всех тех работников, которые, по его мнению, не необходимы для правильной работы железнодорожной сети.

Все планы германской телеграфной и телефонной сети должны быть переданы главнокомандующему союзных армий.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
к I—II, III, IV, V и VI т.т. «Военных мемуаров»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор *А. Островская.* Техн. редактор *О. Гурова.*

Корректоры *З. Пупол* и *Е. Миранская.*

Сдано в набор 16/VI-1937 г. Подписано к печати 8/X-1937 г.
Формат издания 60×92 1/16. Объем книги 15 3/4 печ. л. 16,650 учетно-авт. л.
Тираж 1 [illegible] экз. Уполномоч. Главлита Б-30305. Серия Мемуары.
Цена книги без переплета 4 р. 15 к. Цена переплета 1 р. 25 к. ОГИЗ № 1951.
Заказ № 1612.

Набрано во 2-й типограф. ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" им. А. М. Горького, Ленинград, Гатчинская, 26.
Отпечатано с матриц в тип. арт. „Печатня", Прачечный, 6, по заказу № 1927.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница:	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
36	22 снизу	их	его
123	5 снизу	всрыхнул	вспыхнула

Военные мемуары, т. VI.

Цена 5 р. 40 к.